

ОБЩЕЕ ДЕЛО

**Сборник докладов,
представленных на I Всесоюзные
Федоровские чтения**

(г. Боровск, 14—15 мая 1988 года)

Москва — 1990

14—15 мая 1988 года в древнем русском городе Боровске состоялись I Всесоюзные публичные Федоровские чтения. Инициатором и руководителем чтений выступила секция «Человек и космос» Комитета космонавтики ДОСААФ СССР при участии партийных и советских районных организаций, а также Боровского отделения ВООПИиК. Чтения привлекли внимание многочисленных представителей творческой и технической интеллигенции страны, людей самых различных профессий и убеждений. В работе чтений приняли участие видный специалист в области моделирования биосферы академик Н. Н. Моисеев, летчик-космонавт В. И. Севастьянов, философ профессор А. В. Гулыга, психолог профессор А. К. Попов, писатели С. Г. Семенова, Ю. М. Медведев, О. М. Лукьянов, художники В. Е. Гурьев, И. А. Солдатенков, В. Н. Прус, композитор Ю. А. Дунаев и многие другие.

Чтения были посвящены памяти выдающегося русского мыслителя Николая Федоровича Федорова (1829—1903), основоположника отечественного направления в науке, философии и искусстве — «Русского космизма», широко известного во всем мире. Незаконнорожденный сын князя П. И. Гагарина и дворянки Елизаветы Ивановой, Федоров благодаря своим блестящим способностям и упорному труду приобрел поистине энциклопедические знания в различных областях науки и искусства, в совершенстве знал основные европейские языки и был основательно знаком с рядом восточных. С 1867 года Федоров поселился в Москве, где сначала работал в Чертковской библиотеке, а затем, в течение 25 лет, библиотекарем Румянцевского музея (совр. Библиотека им. В. И. Ленина); в последние годы жизни — в читальном зале Московского архива Министерства иностранных дел. Редчайшая, порождавшая легенды ученость Федорова сочеталась с предельно аскетическим образом жизни и необыкновенной нравственной чистотой его личности. Федоров оказал значительное влияние на развитие отечественной культуры, о нем восторженно отзывались Толстой, Достоевский, Брюсов, Горький; своим учителем его считали известный философ Соловьев и основоположник космонавтики Циолковский.

В своих трудах Н. Ф. Федоров предвосхитил основные тенденции будущего развития научно-технической революции, предвидел опасность для человечества безудержной промышленной экспансии и войны с природой. В противовес указанным губительным тенден-

циям он выдвинул идею «общего дела» как главной задачи объединенного человечества, которая предусматривает осуществление направляемой разумом человека регуляции природы и постепенное освоение космического пространства, возложение на себя человеком всей полноты ответственности за эволюционное развитие мицроздания на основе единства науки и этики. Впервые в мире Федоров обосновал необходимость достижения человеком личного бессмертия, рассматривая этот вопрос как практическую задачу в рамках «общего дела». Прогресс в деле регуляции природы Федоров рассматривал в неразрывном единстве с задачами сохранения и воссоздания прошлого вплоть до осуществления самой дерзновенной задачи «общего дела» — воскрешения умерших поколений — высшего нравственного долга «сыновей» по отношению к «отцам».

Идеи Федорова создали тот новый интеллектуальный задел, на основе которого зародились и стали развиваться представления о «ноосфере», экологии, новом мышлении. Принципы космизации сознания, охватывающие буквально все стороны человеческой деятельности, часто проявляются весьма сложным и необычным образом в каждом конкретном вопросе, исследовании, что, естественно, не могло не отразиться на содержании докладов, представленных на чтениях. Читатель, безусловно, заметит, что авторы ряда статей данного сборника придерживаются подчас диаметрально противоположных позиций по некоторым вопросам. Подобная ситуация вообще характерна для всякого направления, переживающего период становления и развития, причем полемика между представителями различных течений не только естественна, но и желательна. По этой причине при отборе рукописей для сборника редакция не считала себя вправе оценивать работы авторов с какой-либо единой точки зрения, предоставив эту возможность самим читателям. Для облегчения знакомства с материалами сборника все статьи распределены — до некоторой степени произвольно — по четырем разделам в соответствии со спецификой обсуждаемых в них вопросов.

Редакция

I. УЧЕНИЕ ФЕДОРОВА И РУССКИЙ КОСМИЗМ

РУССКИЙ КОСМИЗМ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Н. Н. Моисеев

Европейская гуманистическая традиция, присущие ей научные взгляды и картина мира играли важную роль в мировой истории, и они, быть может, окажутся тем фундаментом, на котором будет выстроено будущее человечества. Как ни велика роль других культур, значение и важность разнообразия цивилизаций, тем не менее сквозь ретроспективу тысячелетий мы не можем не оценить того влияния на мировую историю, которое оказал поток идей, возникший еще в античном мире, Древней Греции. Где-то в глубине тысячелетий родилось удивительное мировосприятие, которому суждено было выжить в окружении великих цивилизаций древности. И не только выжить, но и сделаться источником той энергии и того гуманного рационализма, плоды которого мы пожинаем и который, как я надеюсь, позволит людям найти проход между Сциллой и Харибдой современного мира, между техническим прогрессом, необходимостью его дальнейшего развития и опасностями, им порожденными.

Небо, то есть космос древних греков, было населено целой толпой удивительно симпатичных богов. Они умели любить и не ненавидеть, им были свойственны все людские пороки. И в то же время они готовы были прийти на помощь своему близкому — человеку, столь похожему на бога, защитить его, приблизить к себе и даже сделать равным себе, то есть превратить его в бога. Значит, Мир, Вселенная, Космос — это не только Земля и Небо. По воззрениям греков, это еще и боги, столь похожие на людей: во Вселенной обитали существа, которые были людьми или почти людьми. Они были полны оптимизма и желания вмешиваться по своему разумению во все, что происходило на Земле и на Небе. Представить себе Вселенную без человека древние греки не умели! Я думаю, что многие идеалы христианства — «не убий», «возлюби ближнего своего» — шли скорее всего не от указующего перста Иеговы, а от греческой традиции — благожелательности к человеку, умения и желания прийти к нему на помощь.

После крушения античного мира настал черед «темных столетий». Но культурная традиция, как бы она ни была слаба и хруп-

ка, не прерывалась. Обаяние великой цивилизации древности жило в людской памяти.

Эпоха Возрождения и Новое время — это не только возврат и переосмысливание культурного наследства, но и становление критицизма и научного метода. Коперник, Галилей, Ньютон — все они преддверие рационализма и энциклопедизма. С развитием научного метода происходит неизбежное — человек в представлениях новой науки покидает Вселенную, Космос. И в пустом космосе появляются свои законы, подобные законам действующего автомата. Вспомним замечательную историю о том, как Лаплас подарил Наполеону книгу с изложением своей космогонической теории, известной ныне как теория Канта — Лапласа. Прочтя ее, император спросил Лапласа: «А где же место бога в новой теории?» — На это Лаплас ответил: «Мне этой гипотезы не требовалось!». Раз мир может быть объяснен без человека и без божественного разума, то он и должен быть так объясняем. Таково требование науки, таково следствие принципа «бритвы Оккама», многократно оправдавшего себя и утвердившегося в естествознании XIX столетия!

Таким образом, в науке XIX века с ее стремлением к прозрачным и ясным схемам, с ее глубокой убежденностью, что мир в своей основе прост, человек превратился в стороннего наблюдателя, изучающего мир «извне». Возникло противоречие — человек существует, но существует сам по себе. А космос, природа — тоже сами по себе. И их объединяют, если это можно назвать объединением, только религиозные воззрения.

Но в том же XIX веке появляется и новое умонастроение, которое как бы снова возвращается к воззрениям древних греков. Человек вновь становится действующим лицом, неотделимым от космоса, его частью, его составляющей. И он, человек, теперь изучает космос «изнутри» не как наблюдатель, а как участник событий. Он изучает и свою причастность к процессам, внутри него происходящим. Это умонастроение получило название русского космизма. Оно родилось в России и является одной из важнейших страниц истории русской и мировой философской и естественно-научной мысли. Я убежден в том, что это один из очень важных вкладов в сокровищницу европейской культуры, к сожалению, малоизвестный не только широкой публике, но и специалистам. И не только за рубежом, но и у нас в стране.

Прогресс в развитии естествознания в России во второй половине XIX века, как мне кажется, нельзя понять, не обратив внимания на одну особенность истории России XVIII века. Первыми учеными-естественниками в России были преимущественно немцы или немецкие швейцарцы. Они принесли с собой и специфическую культуру научных исследований. Ее особенность — приверженность определенным стандартам, что в некоторой степени противоречило русскому темпераменту. Нельзя умалять огромной роли этого «немецкого слоя» русских ученых: без их участия возвращение России в клуб европейских держав было бы еще более длительным и му-

чительным. Но следующий слой русских учеников немецких учителей был в основном представлен эпигонами, а стремление следовать своим учителям редко бывает успешным. И в начале XIX века общий уровень науки в России относительно мирового уровня, как мне представляется, несколько снизился. Но затем стали появляться русские ученики русских учителей, не обремененные жесткими канонами немецкой традиции. Они работали уже в том ключе, который отвечал особенностям русской культурной традиции (может быть, даже уместно сказать — нациальному характеру). И вот появляются блестящие имена — Менделеев, Сеченов...

Этой плеяде ученых свойственно стремление к широте взглядов, к осмысливанию изучаемого явления в целом. Возникают новые оригинальные «системные конструкции». Тому пример — система Менделеева. Сеченов также был первым, кто начал изучать человека в его единстве. Не только психическом и физическом, но в единстве человека и окружающей среды. К числу подобных явлений будут затем причислены и работы В. И. Вернадского. Сейчас мне важно заметить, что во второй половине XIX века в России произошло переосмысливание содержания и целей научных исследований, утвержденных еще в XVIII веке. И это происходило всюду — в химии, биологии, геофизике...

Так случилось, что одновременно и в философской сфере возникла определенная реакция на западноевропейский рационализм. Можно по-разному относиться к кружку любомудров и течению славянофилов, но Иван Киреевский был безусловно первым, кто четко обозначил, что холодный рассудочный анализ эпохи Просвещения привел к потере единства представлений о мире. Он увидел разрыв между рациональным видением мира естествознания XIX века и иррациональностью человеческого Я!

В результате взаимовлияния философско-гуманитарной мысли и работы естествоиспытателей возникло явление, именуемое теперь русским космизмом. Это своеобразное течение мысли, если угодно умонастроение, в рамках которого преодолевалось противоречие эпохи Просвещения, и снова картина мира обретала цельность, единство, как это было в античные времена. Человек снова становился частью природы; развитие мысли, согласно воззрениям космистов, — это уже не иррациональная категория, а столь же естественный для природы процесс, как и развитие светил. Мысль — важнейшая составляющая мирового эволюционного процесса. Природа, космос — вот что рождает человека. И он обязан изучать ее. И не с позиций стороннего наблюдателя, как биолог, исследующий насекомых, а как участник развития природы. По воззрениям космистов, человек не только испытывает на себе влияние Космоса и природных процессов, поскольку он — их порождение и составная часть, но, будучи носителем Разума, он способен оказывать воздействие на Космос, на «естественный ход» развития окружающего мира. По мере становления цивилизации это влияние возрастает. Такая «искусственная» деятельность не менее

реальная и потенциально способна влиять на развитие мира не меньше, чем «естественный ход» событий.

При подобном взгляде на вещи уже невозможно говорить о независимости происходящего от нашего сознания, поскольку сознание есть такой же продукт развития материи, как и все, что мы наблюдаем вокруг себя. Но отсюда следуют и многочисленные выводы вполне практического характера: коль скоро человек вмешивается в природные процессы, то его действия могут изменять их и в таком направлении, что деятельность людей начнет сама вредить их будущности. Возникают проблемы, общие для всего человечества. Книга представителя русского космизма Н. Ф. Федорова так и называется — «Общее дело». Позиция космистов, какими бы ни были их философские, религиозные и другие воззрения, утверждала необходимость такого выбора собственных действий, которые шли бы на пользу людям — были бы их общим делом.

Таким образом, в XIX веке появляются неудовлетворенность сложившейся ситуацией, понимание недостаточности и даже ущербности ситуации, возникшей в науке XIX века, несмотря на все ее удивительные достижения. По-видимому, их очень хорошо чувствовал К. Маркс. Он писал о том, что неизбежно настанет время, когда произойдет слияние наук естественных и гуманитарных в единую науку — науку о человеке. Но вряд ли Марксу было известно, что уже начали возникать идеи, которым будет суждено сыграть особую роль в таком «Великом объединении». От философских воззрений космистов, от той картины мира, которая вырисовывалась под их влиянием, до учения о ноосфере, созданного В. И. Вернадским, лишь несколько шагов. Они потребовали осмыслиения и накопления огромного экспериментального материала и преодоления той естественнонаучной традиции, которая доминировала в естествознании XIX века. Вот почему создание учения о ноосфере, о тех ограничениях, которые накладывает Природа на общественные структуры, — это не только этап развития науки, сопоставимый с Копернианской или Дарвинской революциями, это еще и человеческий подвиг ученого.

В XX веке стала понятной недостаточность принципа «постороннего наблюдателя». Новая физика, изучение микромира по-новому заставили взглянуть на многие вопросы. Обсуждение роли прибора, с помощью которого исследователь вмешивается в течение изучаемых им процессов, ставило новые проблемы глубокого философского значения.

Огромное впечатление на физиков и лиц, следящих за развитием физики, производит согласованность фундаментальных физических констант: незначительное изменение гравитационной постоянной или скорости света, например, привело бы к тому, что в таком мире уже не могли бы возникнуть стабильные космические образования и, конечно, жизнь в ее современном понимании. В результате возник принцип антропности: в мире все происходит так, а не иначе, потому что мы есть! Другими словами, если бы соотношение

констант, которые определяют процесс самоорганизации материи во Вселенной, было иным, то нас просто бы не было. И некому было бы изучать развитие Вселенной и процессы, в ней протекающие.

Это положение в точности противоположно тому, которое начало входить в науку со временем Коперника, — истинно лишь то, что может быть установлено без ссылок на человека, его деятельность, его способность к наблюдению. Но ведь русский космизм, а вместе с ним и В. И. Вернадский видели в человеке — носителе Разума — не только зрителя мирового процесса развития, но и его участника. И, может быть, современный «принцип антропности» не так уж далек от идей космизма.

«Принципу антропности» сейчас посвящено уже довольно много работ, принадлежащих перу виднейших физиков. Популярное изложение этого принципа на русском языке читатель может найти в статьях лауреатов Нобелевской премии С. Хокинга и Ф. Д. Дайсона (см. журнал «Природа», № 5 и 8, 1982). В самой формулировке принципа антропности многое еще не договорено — может быть, его надо заменить и сказать иначе, в форме известного афоризма: «Никогда такого не было, чтобы ничего не было?» Будь иными физические константы, другой была бы Вселенная, по-другому шли бы процессы самоорганизации материи, по-другому на определенном этапе своего развития материя начала бы познавать себя. И тоже появился бы какой-то аналог принципа антропности? Может быть!

Теперь темпы «вмешательства» человека, его активных целенаправленных действий растут столь быстро, что уже уместно говорить о качественном изменении всего хода эволюционного процесса и, может быть, не только на Земле. Вот почему мне кажется, что «принцип антропности» не так уж далек от идей космизма. Он, быть может, лишь использует другой язык и опирается на данные той физики, о которой столетие назад просто никто не подозревал.

В этой статье я хочу обратить внимание на то, что в идейном плане учение о ноосфере — это наследие русского космизма, в котором возрождаются гуманистические взгляды, лежавшие в основе европейской цивилизации, в ее самых глубинных истоках. Но теперь представление о том, что Природа и человек — это единство и нерасторжимость, получает научный фундамент и служит стимулом к конкретным действиям. Мы начинаем понемногу понимать, что Разум, во всяком случае Разум, рожденный в земных условиях, для своего развития и даже просто для своего сохранения должен из зрителя и наблюдателя превращаться в участника мирового процесса развития. Вместо вопроса, который в течение тысячелетий занимал умы людей: «Зачем жить?», — сейчас выделяется другая проблема: «Как жить?».

Человеку предстоит, он должен быть готов к этому, расширять свое воздействие на окружающую среду и перестраивать самого себя — носителя Разума. «Естественная эволюция» отступает на

второй план. Разуму, только Разуму предстоит создавать тот образ, которому должен следовать его носитель, ибо эволюционный процесс индивидуального совершенствования практически закончился уже десятки тысяч лет назад.

Вероятнее всего, первым произнес слово «ноосфера» французский философ и естествоиспытатель Э. Леруа. Произошло это в Париже в 20-е годы, во время доклада В. И. Вернадского на семинаре Бергсона. Так учение В. И. Вернадского о путях и перспективах развития биосферы, которое он начал разрабатывать еще в начале века, приобрело свое современное название — учение о ноосфере. Позднее этот термин широко использовал П. Тейяр де Шарден и многие другие. Сейчас выражение «учение Вернадского о ноосфере» стало общепринятым.

Однако толкования термина «ноосфера» в различных работах могут весьма сильно отличаться друг от друга. Под ноосферой — сферой разума — понимается та область биосферы, которая подвержена действию человеческой активности и процессы которой в принципе могут быть управляемы человеком. Основное содержание учения о ноосфере, часто называемое биосферно-ноосферной концепцией В. И. Вернадского, трактуется как переход от биосферы к ноосфере, который должен неизбежно произойти. Более того, в ряде работ говорится о том, что такой переход уже давно начал происходить, с того времени, как человек стал активно вмешиваться в процессы, протекающие в окружающей среде.

Мне кажется, что такая трактовка учения о ноосфере упрощена иискажает его глубинный смысл. Я полагаю, что основное в учении Вернадского можно сформулировать в виде следующих утверждений:

а) Деятельность человека становится постепенно основным фактором эволюции биосферы и всей Земли как космического тела.

б) Для дальнейшего развития человечества и биосферы человек должен будет однажды взять на себя ответственность за характер протекания основных эволюционных процессов нашей планеты.

Размышляя о дальнейших путях развития биосферы и общества, В. И. Вернадский вряд ли представлял себе, что время, когда для человека станет жизненно необходимым направляемое развитие биосферы, согласование этого процесса с развитием общества, настанет столь скоро. Но то, что такое время однажды наступит, В. И. Вернадский представлял себе достаточно четко. Вот почему мне кажется уместным говорить не столько о ноосфере, сколько об эпохе ноосферы. Этим термином условимся называть ту эпоху в истории человечества, когда развитие производительных сил, развитие цивилизации в целом должно быть согласовано с развитием планеты и, прежде всего, биосферы. Введение такого понятия тем более имеет смысл, что вступление человечества в эпоху ноосферы, то есть переход биосферы в ее новое управляемое состояние, сти-

хийно произойти не может. Этот переход потребует от человечества огромных усилий, перестройки его общественных и социальных структур, ибо в эпоху ноосферы все большую роль будет играть экологический императив, то есть осознанное поведение людей, согласованное с объективно необходимыми требованиями квазистабильности окружающей среды. Вот почему утверждение о неизбежности перехода биосферы в ноосферу мне представляется неправомочным: он не может произойти автоматически, человечество должно оказаться способным его осуществить. Он выдвигает, в частности, множество проблем перед науками об обществе, ставит на повестку дня вопросы морали, этики, поднимает проблему нравственного императива.

Таким образом, учение о ноосфере мне представляется далеко выходящим за пределы естествознания и дающим основу для синтеза естественных и общественных наук. Если встать на эту точку зрения, то перед исследователями неизбежно возникает ряд проблем грандиозного общечеловеческого значения. И первая среди них — выработка стратегии человечества, способной обеспечить переход общества в эпоху ноосферы. Ее важнейшим элементом является изучение и утверждение экологического императива — совокупности ограничений и запретов, выполнение которых необходимо для дальнейшего прогресса человека, развития биосферы, их совместной эволюции.

Я думаю, что поиск такой стратегии и разработка экологического императива уже начались и происходят независимо в ряде стран. Так, например, в ФРГ, США и Советском Союзе был проведен целый ряд исследований, позволивших дать количественную оценку последствий ядерной войны. В результате этих исследований возникло общее понимание того факта, что любая ядерная война и даже крупномасштабная война с использованием только обычного оружия приведут к гибели человека как биологического вида. Люди осознали, что одним из важнейших условий экологического императива является запрет силовых способов разрешения конфликтов между странами.

Существование экологического императива — наиболее яркое проявление особенностей современного этапа истории цивилизации. Я бы сказал, что это та основа, которая способна консолидировать человечество, помочь ему сформировать новое мышление и обеспечить возможность его перехода в эпоху ноосферы. Сейчас делаются первые шаги в изучении экологического императива. Оценка возможных последствий ядерной войны — очень важный результат международных усилий ученых, но он лишь открывает систематические исследования. Ядерная война практически мгновенно привела бы к гибели человечества. Но не менее опасны для его будущего и многие другие явления, например, те же загрязнения, которые порой приобретают катастрофический характер. Многие опасности подкрадываются почти незаметно. Например, обеднение генофонда, уменьшение биологического разнообразия.

Многие факты, относящиеся к этой проблеме, нам еще просто неизвестны. Так, например, совсем недавно стал ясен механизм переноса генетического материала микроорганизмами. Этот механизм поддерживает, и весьма эффективно, уровень разнообразия — важнейшего гаранта устойчивости биотических систем. Заметим попутно, что селекция животных и растений, широкое распространение высокопродуктивных агроценозов и стад домашних животных объективно снижают уровень разнообразия и суммарную продуктивность биоты.

Не менее важно изучение возможных экологических последствий крупных инженерных проектов. Люди всегда перестраивали биосферу и будут ее перестраивать во все увеличивающихся масштабах, вне зависимости от желаний ревнителей природы. Но, удовлетворяя потребности людей, мы должны точно знать, что может произойти в результате строительства крупных плотин типа той, которая призвана защитить Ленинград от наводнений, или при перераспределении водных ресурсов, создании территориальных комплексов и т. д. Следовательно, должны быть созданы специальные методики комплексных исследований перспектив изменения экологической обстановки при реализации тех или иных проектов.

Итак, существование экологического императива заставляет нас перестраивать ориентацию исследовательской деятельности, давая приоритеты исследованиям экологии человека и другим проблемам общечеловеческого значения.

Я хотел бы вернуться к замечательной мысли Маркса о том, что однажды наступит время, когда различные науки начнут сливаться в единую науку о человеке. Я думаю, что мы стоим на пороге этого времени. И ту науку, которая возникнет, может быть, следует назвать наукой о развитии ноосфера. Человеку всегда свойственно стремление создать общую картину мира, в которой его конкретные знания не только были бы связаны между собой, но и позволили бы увидеть самого себя, свое место в том многообразии фактов и процессов, которое способно регистрировать наше сознание. Наука о развитии ноосферы как раз должна отвечать этой потребности и наметить пути развития того этапа мирового эволюционного процесса, в который вступает наша планета.

Интерес к исследованиям В. И. Вернадского, особенно к его биосферно-ноосферной концепции, заметно возрос в последние годы. Он вполне закономерен — это следствие необычайно быстрого роста антропогенной нагрузки на биосферу, которая, может быть, уже близка к критической и в недалеком будущем способна привести к бифуркации. Благодаря стохастичности (изменчивости), изначально присущей нашему миру, предсказать более или менее точно особенности нового состояния невозможно — невозможно в принципе! Будет ли место для человека в этой новой биосфере? Ответа пока нет, но он, скорее всего, будет отрицательным. Вот почему проблемы перехода к эпохе ноосферы ставятся ныне на повестку дня общей истории человечества.

Я хочу подчеркнуть, что речь идет именно об общей истории — истории всего человечества, ибо перестройка биосферы, если она произойдет, качественно изменит условия жизни всех людей планеты, независимо от географических, социальных и других условий их обитания.

Поэтому обращение к наследию В. И. Вернадского закономерно и необходимо. Необходимо и его дальнейшее развитие, ибо со временем последних работ В. И. Вернадского прошло уже полвека, и наше понимание процессов развития обогащено целым рядом новых фактов. Последнее заставляет с осторожностью относиться к прямолинейной интерпретации ряда его высказываний и согласовыванию их с новыми данными смежных наук. Учение В. И. Вернадского неизбежно смыкается со многими разделами физики и других естественных наук. Его значение не может быть по-настоящему оценено без анализа связей с обществоведением. Учение о ноосфере по существу междисциплинарно. В силу этого необходимо достаточно корректное использование современных физических представлений и демонстрация того факта, что учение В. И. Вернадского является фрагментом современной картины мирового развития и, во всяком случае, ему не противоречит.

Исследования В. И. Вернадского в их совокупности — и его «биогеохимия», и «учение о ноосфере», и многое другое, им сделанное, — мне представляются удивительной по стройности схемой процесса самоорганизации земной материи. Однако со времени кончины В. И. Вернадского прошло уже более 40 лет, и физика и естествознание накопили за эти годы много новых фактов, которые не только не противоречат взглядам В. И. Вернадского, но и позволяют увидеть его учение в новом ракурсе — в качестве фрагмента единого процесса развития и самоорганизации материи.

В. И. Вернадский начало отсчета своей реконструкции связывал с моментом возникновения жизни на Земле и появления биосферы. Теперь космологические гипотезы, возникшие на основе теоретического анализа и новых экспериментальных фактов, таких, как открытие реликтового излучения, позволяют отодвинуть начало отсчета реконструкции мирового процесса развития еще на 15—20 миллиардов лет, к моменту так называемой сингулярности, или «начальному взрыву». Синтез современных представлений астрофизики и биосферно-ноосферной концепции В. И. Вернадского дает ныне возможность говорить о некой единой картине мирового процесса развития.

Эта гипотетическая картина включает в себя начальные этапы формирования Вселенной, образование и динамику галактик. Она охватывает процесс формирования планетарных тел и утверждает возможность возникновения на них качественно новой формы организации материи — живого вещества. Процесс его формирования носит космический характер: это естественный этап развития Вселенной, в результате которого возникает способность материи

интенсивно использовать для развития своих организационных форм внешнюю материю и энергию космоса. Она многократно ускоряет все эволюционные процессы, процессы усложнения организации материального мира. Таким же естественным процессом мирового развития является возникновение и утверждение Разума и способности материи познавать самое себя.

Ускорение эволюционных процессов основывалось на использовании внешней энергии и материи и включении в производственную сферу новых форм и источников энергии. Использование искусственной энергии определило в первую очередь рост могущества цивилизации и потенциальные опасности, которые возникли в последние годы, когда человечество стало превращаться в «геологообразующую» силу и «главного загрязнителя», нарушившего характер естественно сложившихся биогеохимических циклов.

Важно заметить, что в последнее время эта тенденция, кажется, начинает меняться. Центр тяжести научно-технического прогресса постепенно смещается в сферу создания новых технологий, в результате использования которых создается продукт, не требующий для своего производства больших затрат искусственной энергии. Я имею в виду энергосберегающие технологии, развитие микрорадиотехники и биотехнологии, способные качественно перестроить всю технологическую основу нашей цивилизации. Создается впечатление, что цивилизация в своем развитии начинает во все большей степени ориентироваться не только на утилизацию новых энергетических ресурсов, сколько на адаптацию к своим потребностям эволюционных механизмов, свойственных природе.

Учение В. И. Вернадского позволяет связать общий процесс развития материального мира с тем процессом общественного развития, участниками которого мы являемся. Становление разума открывает потенциальную возможность возникновения таких форм организации общества, которые способны обеспечивать целенаправленное развитие биосфера и общества. Разум может стать основным фактором их развития и определить наступление эпохи ноосферы. Последнее будет означать такую же кардинальную перестройку всего процесса развития, как при появлении жизни и разума, создавшего искусственные орудия.

Для того, чтобы увидеть контуры будущего, надо познать свое прошлое. Вот почему сегодня наша стратегия будущего развития должна быть тесно связана с пониманием места человека в едином процессе развития материального мира. Учение В. И. Вернадского позволяет это сделать и формирует основы науки о человеке и выбор такой его стратегии дальнейшего развития, которая обеспечила бы коэволюцию общества и окружающей среды.

Изучение противоречий, определяющих процессы общественного развития, оставляло, как правило, в стороне проблемы взаимного влияния процессов эволюции, окружающей среды и развития общества. Их анализ ограничивался изучением структуры произ-

водительных сил, проблемой истощения невозобновимых ресурсов и т. д. Такое положение было в известной мере оправдано тем, что изменение характеристик окружающей среды под действием антропогенных нагрузок протекало значительно медленнее всех тех процессов, которые были в поле зрения обществоведов. Ныне ситуация изменилась. Становясь природообразующим фактором, цивилизация столь ускоряет все процессы эволюции окружающей среды, что адаптационные возможности общества могут оказаться исчерпанными и недостаточными для того, чтобы воспринять темп этих изменений. Проблема согласования темпов развития производительных сил общества и изменения природных условий — это прежде всего проблема общественных наук, ибо ее решение невозможно без создания специальных общественных структур.

Эпоха ноосферы требует глубокого синтеза общественных и естественных наук. Это прослеживается сегодня на многочисленных примерах. Естествознание утверждает существование экологического императива. Исследования восьмидесятых годов уже наметили целую гамму условий, выполнение которых необходимо для всех людей планеты. Возникло понимание того факта, что существует некая «запретная черта», которую при нынешнем уровне техники и технологической основе цивилизации человечество переступить не имеет права, если не хочет погибнуть. А центральным пунктом императива является запрещение войн как средства разрешения противоречий и конфликтных ситуаций. Уменьшение риска войны становится объективным общим интересом человечества, как и остальные условия экологического императива.

Это обстоятельство качественно меняет структуру конфликтов и противоречий, которые всегда определяли историю развития общества и всегда будут ее определять, ибо противоречия — это основной движитель в развитии мира. На протяжении всей истории человечества важнейшую роль играли конфликты антагонистические, то есть конфликты, в которых «что хорошо одним, то плохо другим». Ныне ситуация изменилась: возникла общая цель — выживание, сохранение рода человеческого. Это общая цель Севера и Юга, Востока и Запада, капиталистических государств и стран с социалистическим укладом. Появляется объективная основа для кооперации, для отыскания взаимовыгодных коллективных решений.

Это основа нового общепланетарного мышления. Его изучение и понимание тех следствий, которые из него вытекают, должны, вероятно, сделаться одним из важнейших направлений общественной мысли.

Одна из проблем этого круга — анализ возможных компромиссов и разработка методов отыскания взаимовыгодных коллективных решений — уже сделалась предметом исследований. Они пока носят весьма формальный характер и их, конечно, недостаточно. Дело в том, что отыскание компромиссов требует прежде всего по-

нимания природы и структуры противоречий. А их изучение — предмет наук об обществе. В работах же математиков используются главным образом умозрительные схемы, часто весьма далекие от жизни. Однако и такие исследования весьма важны, ибо происходит заготовка впрок необходимого инструментария. Кроме того, работая с абстрактными моделями, то есть с такими моделями, которые не используют никакой конкретной числовой информации, а учитывают лишь самые общие свойства изучаемых процессов, удается описать те классы конфликтных ситуаций, где могут существовать неулучшаемые взаимовыгодные кооперативные решения, и показать специалистам-обществоведам тот минимальный перечень эмпирических данных, который необходим для содержательного анализа.

Я думаю, изучение современной структуры противоречий и возможностей существования коллективных решений приведет к появлению новых разделов обществоведения, цель исследований которых — изучение спектра организационных общественных структур, способных обеспечить коэволюцию природы и общества. Другими словами — обеспечить возможность перехода человечества в эпоху ноосферы.

Развитие синергизма как научного направления, изучающего квазистабильные неравновесные состояния, привело к новому видению мира. Его развитие теперь представляется как последовательная смена квазистабильных образований, их рождение из хаоса и неизбежное возвращение в состояние хаоса. А стохастические механизмы, которые определяют переходы — становление и разрушение этих образований, детерминируются не только принципиальной стохастичностью микромира, но свойствами процессов макроскопической природы. Изучение проблем ноосферы с позиций синергизма будет, вероятно, иметь большое общетеоретическое значение для развития наук об обществе.

Мы все являемся свидетелями стремительного роста разнообразных связей, видим, как усложняется жизнь, как одновременно растет, пока стихийно, многообразие форм организации общественной жизни и производственной деятельности. Но ведь из этого факта следует и множество выводов чисто практического характера. Вот один из них. Согласно концепции В. И. Вернадского, процессы развития природы и общества должны стать направляемыми Разумом. Принимая ответственность за их дальнейшее развитие, человеку придется не только формировать стратегию использования ресурсов и приумножения богатств биосферы, но и целенаправленно изменять, совершенствовать собственные организационные структуры. От их стихийной эволюции предстоит неизбежный переход к планомерности, их адаптационной перестройке к новым условиям существования. Это утверждение нельзя понимать упрощенно. Целенаправленность означает такой выбор управляющих воздействий, который приближает нас к достижению поставленных целей. Но цели развития общества весьма неоднозначны. И вряд

ли когда-либо мы сможем говорить о единых целях человечества. Можно говорить лишь о существовании некоторых общих целей, понимая, что кроме них каждая страна, регион, общественная группа, класс, отдельные люди будут всегда иметь и другие собственные цели. Вот почему я предпочитаю говорить не об управлении, а о направленном развитии, способном обеспечить ныне объективно существующую, общую составляющую людских интересов — выполнение условий экологического императива. Но обеспечение гомеостазиса человечества, его совместного развития с остальной природой возможно далеко не единственным образом. Вот почему уместно говорить не только о множественности культур, но и о многообразии форм общественной организации в эпоху ноосферы. Их создание и развитие должно быть направляемо условиями экологического императива, то есть удовлетворять определенным требованиям, которые еще предстоит выработать.

Это потребует огромных усилий человечества, создания специальных институтов, институтов согласия, в частности.

Отсутствие стандарта отвечает тем общим взглядам на характер мирового эволюционного процесса, которые были изложены в начале статьи. Более того, кажется, что любая попытка установления единых стандартов противоестественна. И поэтому она обречена на неудачу, как всякие действия, цели которых не согласуются с законами Природы. И еще одно соображение по этому поводу: разнообразие и сложность — это важнейшие способы, «изобретенные» природой для сохранения стабильности тех или иных образований материального мира и земной жизни в частности. Тот этап развития, в который вступает человечество, характеризуется необходимостью резкого усиления роли разумного начала в судьбах общества и природы. И в то же время Разум остается частью природы, подчиняется ее законам, ее ограничениям. Нам еще предстоит осознать этот дуализм, осознать, что представляет собой сочетание свободы выбора действий и необходимости обеспечения существования самого Разума.

В русском космизме и его наследнике — учении о ноосфере — возрождены те гуманистические позиции, которые лежали в основе европейской цивилизации: природа и человек, их единство и нерасторжимость. Но теперь этот общий принцип, это единство получает не только научный фундамент, но и служит источником конкретных действий. Мы начинаем понимать, что Разум, во всяком случае Разум, рожденный на Земле, для своего развития должен из зрителя и наблюдателя все больше превращаться в участника мирового процесса развития. Он должен быть способен расширять свое воздействие на окружающую среду и перестраивать своего носителя — человека, продукта сложного процесса эволюции, во многом несовершенного и плохо приспособленного к той роли греческих богов, которые должны властвовать на небе. Теперь уже только Разуму придется создавать тот образ, которому должны следовать его носители, ибо эволюционный процесс индивидуального совер-

шествования практически закончился уже десятки тысяч лет тому назад. Ему придется создавать новые принципы этики и морали и той организации «исполнителей и наблюдателей», которые окажутся способными превратить этот дуализм в единство.

РУССКИЙ КОСМИЗМ И НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

В. И. Севастьянов, В. Ф. Пряхин

Новое мышление — качественный скачок в общественном сознании по всей совокупности политических, правовых, нравственных, философских взглядов и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей к действительности. В системе нового мышления есть своя сердцевинная часть — философия безопасного мира в ядерно-космическую эру. Есть и конкретная политическая программа — всеобъемлющая система международной безопасности, выдвинутая нашей страной. Имеет она свои преломления в культуре, в художественном творчестве, педагогике, которые призваны воспитывать человека безъядерного и ненасильственного мира. Эта система взглядов и идей зиждется на мощном естественнонаучном фундаменте: научно-техническая революция, открытия в области математики, физики, химии, молекулярной биологии, весь комплекс наук о жизни образует, по образному выражению В. И. Ленина, могущественный ток от естествознания к обществоведению, который сохранил свое значение и для нашего века.

Важнейшую роль в становлении нового мышления выполняло и выполняет философское и политическое осмысление научно-технического прогресса XX века. Ярким примером такого осмысления является предвидение того, что «...увеличив во много крат разрушительную силу войны, наука и техника приведут к тому, что война вообще станет невозможной»¹. Эта ленинская мысль, дошедшая до нас в изложении Н. К. Крупской, служит как бы переходным мостом между новым политическим мышлением и умонастроением русского космизма.

Русский космизм — явление исключительное в европейской и мировой культуре на рубеже XIX и XX веков. В этот период, когда степень разделенности труда, в том числе и научного, стала мерилом прогресса, когда пренебрежение к общему во имя частного и специального стало добродетелью и гарантией общественного признания, Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский предприняли уникальную попытку понять и вос-

соединить известную им сумму человеческих знаний о природе и обществе. Стремление к объединению научного знания объективно вело к признанию целесообразности единения самого познаваемого мира, необходимости восприятия его в целостности и взаимозависимости. Это важнейшее положение космизма роднит его с новым политическим мышлением. В качестве второго связующего звена между русским космизмом и новым политическим мышлением выступает осознание катастрофичности возможного использования достижений научно-технического прогресса в ущерб человеку.

Ученый, считал К. Э. Циолковский, не только имеет право думать над философским осмысливанием результатов своей работы. Он еще и обязан принимать во внимание возможные социальные и политические последствия своей работы. «Представьте себе, — говорил основоположник космонавтики А. Л. Чижевскому, — что мы бы вдруг научились веществом полностью превращать в энергию, то есть воплотили бы преждевременно формулу Эйнштейна в действительность. Ну тогда — при человеческой морали — пиши пропало, не сносить людям головы»¹. К. Э. Циолковский отдавал себе отчет в том, насколько сложно осуществить принудительное торможение научно-технического прогресса в военно-прикладных отраслях. «Необходимо, — считал он, — запрещение, строгий запрет в разработке проблем о структуре материи. А, с другой стороны, если наложить запрет на эту область физики, то надо затормозить и ракету — это значит прекратить изучение космоса... Одно цепляется за другое. По-видимому, прогресс невозможен без риска! Но тут человечество воистину рискует всем»².

Избежать катастрофы, «ада кромешного», «конца света» человечество смогло бы, по мнению основоположника теоретической космонавтики, только в том случае, если «восторжествует ум», если, говоря иными словами, возобладает совместное — независимое от национальной, расовой, социальной, религиозной и всякой другой принадлежности — стремление людей доброй воли к выживанию, к бесконечному продолжению цивилизации в бесконечном космосе.

Представления К. Э. Циолковского о научной этике близки и понятны советским ученым. Многие из его опасений, связанных с возможностью «забегания» человечества вперед в бездумном прикладном использовании достижений научно-технического прогресса, стали в наше время суровой действительностью. Серьезная фундаментальная работа по разработке основных положений, норм, которыми должны руководствоваться как сами ученые, так и организаторы науки и общество в целом по отношению к ней, проделана, в частности, в монографии И. Т. Фролова и Б. Г. Юдина. «Как известно, — говорится в этой книге, — установить степень

¹ Чижевский А. Л. Теория космических эр. В сборнике «Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе». Тула, Приокское книжное издательство, 1985, с. 420.

² Чижевский А. Л. Там же, с. 421.

¹ Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с. 87.

риска того или иного исследования, соотнося этот риск с возможным благом для общества, в каждом конкретном случае, за исключением предельных, — довольно сложная задача. Но именно поэтому социально-этические проблемы науки должны всегда находиться в центре внимания ученых — не только естествоиспытателей, но и философов-этиков, юристов, ими постоянно должны интересоваться политики, вся мировая общественность»¹.

Третьим связующим звеном между русским космизмом и новым политическим мышлением является идея необходимости и противопоставления угрозе ядерного самоуничтожения позитивной альтернативы использования всех творческих сил человечества во имя достижения объединяющих его созидательных целей.

Особенно велико в этом отношении значение федоровских проектов регуляции природы и патрофикации.

Освоение космического пространства (регуляция) и построение антропоидентичных бионических моделей предшествовавших поколений (патрофикация) мыслились Н. Ф. Федоровым именно как «общее дело» всемирного братства людей, во имя которого человечество должно сплотиться, отбросив распри. Идея «общего дела» как альтернатива войнам и разрушениям гармонично вписывается в систему нового политического мышления. На рубеже XXI века актуально звучит сформулированный Н. Ф. Федоровым еще в XIX веке призыв «дать истинно братский исход накопившимся громадным силам и всякого рода горючим материалам вместо того, к чему все это готовилось, т. е. вместо войны»².

В статье «Разоружение. Как орудия разрушения обратить во спасение» Н. Ф. Федоров как бы предвосхитил и опроверг порочную концепцию ядерного оружия как гаранта международной стабильности. «Адская технология», — писал Н. Ф. Федоров, — производящая орудия истребления, для оправдания своего существования хочет видеть в крайней истребительности своих орудий сильнейшее средство против войны, т. е. хочет уверить в этом всех, забывая или скрывая при этом, что вооруженное состояние, постоянное ожидание войны не лучше, если не хуже, самой войны»³.

Идея «общего дела» на основе достижения биологического бессмертия и построения антропоидентичных моделей представляется гениальной научной догадкой, которая, по нашему мнению, может и должна обрести важное значение в естественнонаучном фундаменте нового политического мышления.

Противопоставление позитивных альтернатив гонке вооружений в наше время пользуется все большей популярностью. Эта по-

¹ Фролов И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. М., Политиздат, 1986, с. 316.

² Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, т. I. Верный, 1906, с. 663.

³ Федоров Н. Ф. Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. К. Кожевникова и Н. П. Петерсона, т. I. Верный, 1906, с. 663.

пуплярность еще более возросла после опубликования в Заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. советской программы безъядерного и ненасильственного мира. «Реализация программы, — подчеркнул член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, — позволила бы приступить к осуществлению долговременных мирных социально-экономических программ, сделала бы возможным объединить усилия государств в решении общих для всего человечества проблем»¹.

Таких проблем накопилось немало. Федоровские идеи, однако, обладают и сегодня наибольшей широтой социального охвата и универсальностью воздействия на самые разные слои населения. Сила их воздействия может быть, на наш взгляд, определена из их сопоставляемости с силой религиозных верований, так как Н. Ф. Федоров, заменяя так называемое храмовое дело внехрамовым, заменяет религиозные идеалы сверхъестественного бессмертия, загробной жизни реальными материалистическими целями искусственного увеличения видовой продолжительности жизни людей и антропоидентичного бионического моделирования предшествующих поколений.

Социальную притягательность иммортилистических идей издавна пытались монополизировать лидеры религиозных верований самых различных направлений. Не будет преувеличением, на наш взгляд, утверждать, что вся современная буржуазная культура зиждется на умелом манипулировании извечными стремлениями людей к чему-то вечному и постоянному. Идеалы долгой плодотворной жизни в условиях материальной и духовной свободы, к которым весьма близки федоровские идеи биологического бессмертия и патрофикации, относятся к важнейшим нравственным критериям, имеющим глобальное воздействие на мировоззрение человека.

Огромная притягательная сила идей воскресения и воскрешения несомненна. В этой силе следует, по нашему мнению, искать объяснение духовной монополии религии на протяжении столетий. Тема бессмертия является основополагающей для таких уникальных памятников древнееврейской литературы XII—II веков до н. э. и раннехристианской литературы второй половины I века и начала II века, каковыми являются собрания древних текстов, известные цивилизованному миру под названием Библия. «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглощена смерть победою»², — говорится в тексте «Послание апостола Павла к коринфянам». Материалистически воспринимая Библию как сборник новеллистических притч, можно и должно

¹ Шеварднадзе Э. А. Интервью монгольскому телеграфному агентству МОНЦАМО. «Правда», 1986, 27 января.

² Библия. Книга «Нового завета». Первое послание апостола Павла к коринфянам, гл. 15, строфы 52, 53.

рассматривать это ее положение как эмоциональное отражение общечеловеческого стремления к победе над биологической смертью.

Как отмечал один из соавторов формулировки задачи «научиться мыслить по-новому» и крупнейший знаток идеологии современного Запада Б. Рассел, — «поиски чего-то вечного — один из глубочайших инстинктов, толкающих людей к философии. Он, несомненно, связан с любовью к дому и желанием найти убежище от опасности. Мы, соответственно, находим, что это стремление наиболее страстно выражено у тех, чья жизнь наиболее подвержена катастрофам. Религия ищет вечности в двух формах: в форме бога и в форме бессмертия души. В боге нет ни изменчивости, ни подобия круговорота. Жизнь после смерти вечна и неизменна»¹. Характерно, что великий реформатор Мартин Лютер, исходя из практических политических соображений, категорически отверг предложение исключить категории бессмертия и воскресения из новой религии: «Если вы не верите в будущую жизнь, то я и гроша не дам за вашего бога».

В политической практике к использованию притягательности идей бессмертия для масс стремился такой выдающийся революционер, как Максимилиан Робеспьер. В знаменательном в этом отношении выступлении перед Национальным Конвентом Французской Республики 7 мая 1794 года Робеспьер говорил в частности: «Разве мысль о небытии вызовет в нем (в человеке. — Авт.) более чистые и возвышенные побуждения, чем идея бессмертия? Разве она вызовет в нем больше уважения к ближним и к самому себе, больше храбрости для борьбы с тиранией, больше презрения к смерти и к чувственным наслаждениям? Несчастные, умирающие под ударами убийцы, ваш последний вздох вызывает к вечному правосудию. Невинность, возведенная на эшафот, заставляет бледнеть тирана.., если могила сравнивает и притеснителя и угнетенного?»².

При этом М. Робеспьер подчеркнул специально, что его выводы носят практический политический, а не умозрительный философский характер: «Законодатели, — обращался он к Конвенту. — Какое вам дело до различных гипотез, при помощи которых отдельные философы объясняют явления природы? Все эти вопросы вы можете оставить предметом их бесконечных споров: вы не должны рассматривать их ни как метафизики, ни как богословы; в глазах законодателя истиной является все то, что оказывается полезным в жизни и хорошим на практике. Идеи верховного существа и бессмертия души являются постоянным напоминанием о справедливости: следовательно, эти идеи носят республиканский и общенародный характер!»³.

¹ Рассел Б. История западной философии. Сокр. пер. с англ. М., ИЛ, 1959, с. 64.

² Левандовский А. П. Максимилиан Робеспьер. М., Молодая гвардия, 1965, с. 239—240.

³ Левандовский А. П. Максимилиан Робеспьер. М., Молодая гвардия, 1965, с. 239—240.

Заметим, что активного использования символов религиозного иммортализма для укрепления своего идеологического воздействия на широкие массы не чураются политические деятели и сегодняшнего дня. Так, видный французский буржуазный политик Ж. Ширак в фильме, снятом о нем в 1985 г., подчеркивает свою веру в осуществимость символов религиозного иммортализма. Президент Рейган в 1981 г. также использовал религиозно-имморталистическую символику для разъяснения массам американцев своей тогдашней негативной позиции по отношению к руководителям СССР. «Они, — сказал, в частности, Р. Рейган в первом интервью представителям печати после избрания президентом США на первый срок 4 февраля 1981 г., — не разделяют наших взглядов на нравственность, поскольку не верят в то, во что верим мы, — они не верят в загробную жизнь, не верят в бога, и у них нет религии, поэтому для них нравственно только то, что содействует успеху дела социализма, исходя из этого, они считают себя вправе делать все, что будет способствовать успеху этого дела, а в этом, как они считают, нет ничего аморального».

В свете этих высказываний становится особенно актуальным развитие материалистического толкования проблем иммортализма в свете НТР, и федоровские представления о регуляции и патронификации могут быть весьма полезными для этого. Сила воздействия этих представлений не меньшая, а, может быть, и большая, чем у религиозных символов бессмертия и воскресения, и в настоящее время пользующихся весьма значительным влиянием на массы. В пяти миллиардном человечестве только христиан и мусульман насчитывается около 2 млрд¹. И эта цифра практически не охватывает население крупнейших стран мира (Индия, Китай и Япония).

Идеи русского космизма обладают огромной силой притягательного воздействия на эти массы, причем толкование космистами религии создает идеологическую основу для политического союза с религиозными движениями в борьбе за мир, создает без каких-либо уступок идеализму, без беспричинного заигрывания с лидерами религиозных общин, без всего того, что В. И. Ленин клеймил как «кокетничанье с боженькой». Для космистов религия была нравственно-этической концепцией научно-технического прогресса. Наиболее четко сформулировано это положение в знаменитой беседе К. Э. Циолковского с А. Л. Чижевским, состоявшейся в 1932 г., и которая практически только сейчас стала доступна благодаря изданию Ю. М. Медведевым сборника произведений К. Э. Циолковского в Приокском книжном издательстве. В беседе Циолковский дал определение религиозной символике как «смутной догадке о будущем человечества». «Мы должны признать за ней право на существование, — сказал он, — ибо нельзя многие миллионы людей признать полоумными или просто глупцами! Над

¹ Ковалевский Н. А. Религиозные силы в борьбе за мир. В сборнике «Общественность и проблемы войны и мира». М., 1978, с. 250.

этими общепринятыми во всех религиях символами («душа», «пограничный мир», «рай», «ад». — Авт.) надо глубоко поработать, полнее расшифровать их с космической точки зрения»¹.

Сам К. Э. Циолковский, как известно, последовательно отстаивал положение о возможности и rationalности биологического бессмертия с материалистических позиций. Как ученый он не считал себя вправе в 20—30-е годы делать какие-либо категорические выводы и прогнозы относительно искусственного увеличения видовой продолжительности жизни и тем более опровергать сформировавшееся при его жизни отрицательное мнение биологов на этот счет. Но, исходя из общего понимания общественного предназначения науки, он высказал гипотезу о принципиальной возможности решения проблемы. «Мы, со своей стороны, — писал К. Э. Циолковский, — скажем, что естественные науки на верном пути: с их выводами мы согласны, но они пропели часть своей песенки, и по началу ее нельзя судить о самом конце. Конец же очень хорош и нисколько не подтверждает пессимистических выводов. Напротив, он оказывается, хотя это и странно, близок представлению о жизни и смерти галилейского учителя»².

Осторожность и научная тактичность этой формулировки К. Э. Циолковского скрывает глубокую, не подкрепленную еще фактами, убежденность великого ученого в возможности и достижимости видового увеличения жизни людей. К этой ситуации в естественнонаучном познании может быть, по нашему мнению, отнесена классическая оценка Ф. Энгельса силы верной научной концепции, или, по его словам, «последовательности мысли». «Но в теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу насколько возможно объединяет в одно гармоническое целое и без которого в наше время не может обойтись даже самый скрупулезный эмпирик, — писал Ф. Энгельс в «Дialectике природы», — нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше»³.

К. Э. Циолковский исходил из того, что если ковер-самолет являлся, так сказать, умозрительной эмоциональной концепцией будущего самолета, то бог — это не что иное, как концепция человека будущего, «по образу и подобию» такого же, как и «гомо сапиенс», но отличного от него увеличенной видовой продолжительностью жизни.

Конечно, К. Э. Циолковский не был ни биологом, ни геронтологом. Также как не были таковыми А. М. Горький, Л. Н. Толстой, Н. Винер или кто-либо другой из великих мира сего, допускавших

возможность индивидуального биологического бессмертия. Но разве сами по себе эмоциональные человеческие желания, чаяния, мечты не являются двигателями прогресса? Безусловно, да. Английский писатель-фантаст Артур Кларк проводит прямую параллель между мечтаниями древних и реальными достижениями наших дней: «В этом перечне подводная лодка, летательные машины, телефон, смертельные лучи, телекинез, превращение металлов, теплопатия и... бессмертие». Это подтверждает истину о том, что правильно сформулированная цель, логичная концепция являются сами по себе могучими двигателями прогресса. К данному случаю, по нашему мнению, в полной мере относится логика аргументов В. И. Ленина в полемике с оппортунистами, считавшими, что за неимением объективных предпосылок в России преждевременно строительство социализма.

Анализируя вопрос об объективных и субъективных предпосылках социалистической культурной революции, В. И. Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры»), ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня (курсив мой. — Авт.), а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹. К аспекту биологического бессмертия ленинскую мысль можно, по нашему мнению, отнести следующим образом. Перенаправление огромных ресурсов, расходуемых на гонку вооружений, для исследований и разработок в области геронтологии, искусственного интеллекта, заместительной терапии, философии с целью решения задачи биологического бессмертия является важнейшей предпосылкой решения этой задачи и тем самым создания духовного изобилия для человечества, так как у человека, не связанного жесткими временными рамками средней видовой продолжительности жизни, возможности для познания окружающего мира будут неизмеримо большими, чем у «традиционного» гомо сапиенс. Заметим также, что марксистская трактовка религии также дает основание для толкования библейских категорий бессмертия и воскресения как эмоциональных концепций научного познания. Ф. Энгельс, в частности, характеризуя в работе «Анти-Дюринг» монотеизм, писал: «В этой удобной для использования и ко всему приспособляющейся форме религия может продолжать свое существование как непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным, до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил»².

¹ Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Суханова). Поли. собр. соч., т. 45, с. 361.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 328—329.

¹ Чижевский А. Л. Теория космических эр. В сборнике «Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе». Тула, Приокское книжное издательство, 1986, с. 419—427, с. 424.

² Циолковский К. Э. Собрание сочинений. Том четвертый. Естествознание и техника. М., Наука, 1964, с. 196.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд., т. 20, с. 360.

На этапе технологической развитости, на который вступила наша цивилизация в XX веке, средняя видовая продолжительность человеческой жизни (около 80—100 лет) уже недостаточна не только для познания нового, но и для усвоения знаний и эстетических ценностей предыдущих поколений. Человек становится рабом вещей (химиков, электронной техники), принципа действия которых он не понимает. Возникло и все более дает себя знать реальное противоречие между сущностью человека как средства материи познать самое себя и его формой — гомо сапиенс. Причем наиболее очевидное проявление этого противоречия — недостаточность временных рамок человеческой жизни. В фундаментальной научной литературе это противоречие нашло отражение у одного из основоположников науковедения, английского физика Дж. Бернала. «Смерть, — писал Дж. Бернал, — всегда была и останется личной и общественной трагедией; но сколь бы неизбежной и необходимой она ни была на ранних этапах органической эволюции, совершенно ясно, что она не выполняет больше полезной роли в человеческом обществе»¹.

На более ранних этапах своего творчества Дж. Бернал, когда, по его словам, у него «было больше воображения и меньше ответственности», еще более категорично считал возможным достижение человеком «потенциального бессмертия». В то же время, поскольку сам по себе человек является, как констатировал Ф. Энгельс, «самоцелью» развития человеческого общества, научно-технический прогресс создает предпосылки для познания в полном объеме всех, включая самые сложные, процессов жизнедеятельности, в том числе и фундаментальные процессы старения. В перспективе это сделает возможным, как отмечалось в обращении большой группы советских ученых к президенту АН СССР от 20 октября 1961 г., «путем вмешательства в биологию процессов старения и направленного изменения их рода радикально увеличить продолжительность жизни человека (при всех ныне существующих условиях жизни) в два, три и более раз, т. е. далеко за ее естественные границы, установившиеся эволюционным путем в пределах 80—100 лет». В этой связи предлагалось создать постоянную комиссию с экспериментальной лабораторией, «имеющей главной задачей поиски средств радикального увеличения продолжительности жизни людей путем направленного вмешательства в биологию старения». Предложение получило поддержку ряда видных ученых, в том числе академиков А. И. Опарина, Ю. А. Орлова, Е. Н. Павловского, С. Г. Струмилина, В. П. Сукачева, В. Н. Черниговского, Л. С. Штерна, членов-корреспондентов АН СССР С. Н. Боголюбского, П. И. Гращенко, Г. М. Франка.

Постановка данной проблемы в науке, таким образом, явление не случайное и утопическое, а закономерный результат научно-технического прогресса. Формулируя проблему, советские ученые

неоднократно подчеркивали во избежание антинаучных спекуляций на успехах современного естествознания, что речь идет о биологической стороне вопроса и не затрагивает других аспектов проблемы. Так, президент АН БССР В. Ф. Купревич писал, что овладение аппаратом искусственного воздействия на процесс старения «не значит, конечно, что люди не будут умирать вообще... Но это будет означать, что нормальный здоровый человек будет жить неопределенно долгое время»¹. Убеждение в том, что продолжительность жизни человека может быть увеличена в десятки и сотни раз, разделял с В. Ф. Купревичем другой выдающийся советский ученый И. С. Шкловский².

Авторы ряда прогнозов полагают, что уже к 2005 г. наука сумеет установить контроль над процессами старения и увеличить среднюю продолжительность жизни человека на 50 лет. Некоторые ученые считают, что в ближайшие пятнадцать лет наука приступит к непосредственному изучению проблемы биологического бессмертия человека, наряду с исследованием его долголетия. Среди работ, на которые принято ссылаться в этой связи, можно назвать труд писателя Джоэля Куртцмена и зоолога-генетика Филипа Гордона «Да сгинет смерть». Представляется, что не меньшего внимания заслуживает мнение одного из основоположников кибернетики американского ученого Н. Винера, который допускал в своей последней книге возможность открытий, благодаря которым «сама смерть станет столь же случайной, как это бывает у гигантских секвой...»³.

Энтузиасты, считающие принципиально возможным решение проблемы искусственного увеличения видовой продолжительности жизни людей, имеются и в современной науке, в том числе и геронтологической. К их числу относится, в частности, советский биолог Л. А. Гаврилов. «Примеров возрастных изменений, — пишет Л. А. Гаврилов, — много. Однако с большинством из них все-таки можно смириться как с неприятной неизбежностью. Есть, однако, одно возрастное изменение, смириться с которым трудно, — это резкое увеличение риска гибели с возрастом... В обыденной жизни люди стараются как можно меньше думать на эту тему. Для науки, однако, такая позиция неприемлема. Поэтому самый первый и самый важный вопрос, который стоит перед биологией старения, заключается в следующем: почему частота смерти увеличивается с возрастом?»⁴. «Действительно, — пишет Л. А. Гаврилов в другом исследовании, — до последнего времени проблемой продления жизни занимались в основном энтузиасты-одиночки. Эта тема настолько часто была источником дешевых сенсаций и горьких разо-

¹ Купревич В. Ф. Бессмертие — сказка? «Наука и религия», 1965, № 9, с. 32.

² Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум. М., 1965, с. 256.

³ Винер Н. Творец и робот. М., Прогресс, 1966, с. 77.

⁴ Гаврилов Л. А. Количественные закономерности продолжительности жизни человека и лабораторных животных. Научные основы программы «Полис». Пущино, 1984, с. 5, 6.

чарований, что скептическое отношение к данной проблеме до сих пор считается признаком хорошего тона среди научной общественности. Однако в последние годы проблема продления жизни получила признание в нашей стране и за рубежом как вполне выполнимый научный проект и превратилась в целое направление научных исследований. Поэтому следует более внимательно рассмотреть путь решения данной проблемы и выявить наиболее перспективные из них¹.

Таким образом, идея биологического бессмертия представляет все более осуществимой и с естественнонаучной точки зрения. Что же касается «патрофикации», или, говоря словами выдающегося советского поэта В. Брюсова², «воскрешения как задачи прикладной науки», то мечта о ней действительно сказочная, фантастическая, бесконечно дерзновенная, но... не идеалистическая. Уровень, достигнутый НТР на сегодняшний день, позволяет сформулировать федоровскую задачу патрофикации более конкретно. Мы предлагаем трактовать ее как задачу построения антропоидентичных бионических моделей по заданным характеристикам. Есть веские доводы полагать, что все развитие науки идет именно в этом направлении.

В качестве «самоцели» познания человек обозначен был до Н. Ф. Федорова Ф. Энгельсом³. Этот тезис Ф. Энгельса отражает объективную закономерность, в силу которой всякое знание человека об окружающем мире реализуется в конечном итоге в аппроксимированных (приближенных к реальному) функциональных моделях самого человеческого организма — эффекторов (мышц), рецепторов (глаз, ушей и т. п.) и, наконец, программы (мозга). На определенном этапе процесса познания можно, таким образом, ожидать построения достаточно полных антропоподобных моделей живого человеческого организма, наделенных всеми признаками живого. «При последовательном проведении функциональной точки зрения на жизнь и мышление как на способы организации материальной системы мы, естественно, приходим к выводам, которые могут привести в некоторое смущение, — писал в этой связи еще в 1964 г. основатель научных школ по теории вероятности и теории функций академик А. Н. Колмогоров. — Дело в том, что моделирование способа организации материальной системы не может заключаться ни в чем ином, как в создании из других материальных элементов новой системы, обладающей в существенных чертах той же организацией, как и система моделируе-

мая. Поэтому достаточно полная модель живого существа по справедливости должна называться живым существом, модель мыслящего существа — мыслящим существом⁴.

Познание человеком самого себя на определенном этапе приведет к возможности абиогенного синтеза человеческих организмов, создания людей (индивидуов, личностей) с заранее заданными характеристиками. Современная наука уже выходит на подступы (хотя и очень дальние) к решению этой задачи. «Объединение усилий специалистов в области нейрофизиологии, психологии, лингвистики, математики, — считает вице-президент АН СССР председатель Совета директоров международного фонда «За выживание и развитие человечества» Е. П. Велихов, — позволяет надеяться на прогресс в решении одной из самых волнующих и сложнейших научных проблем — познания сущности процессов и механизмов мышления, что в свою очередь открывает путь к созданию высокоразвитого искусственного интеллекта, сложнейших кибернетических систем»⁵.

Конкретная практика научных исследований буквально каждый день приносит подтверждения верности этого прогноза видного советского ученого и общественного деятеля.

Качественно новые рубежи в развитии как фундаментальной, так и прикладной науки сулит обозначившийся в течение 1986—1987 гг. прорыв в области высокотемпературной сверхпроводимости. Не прошло и года после опубликования феноменальных результатов исследований А. Мюллера, Г. Беднорза и М. Такашиге (Цюрихская научно-исследовательская лаборатория корпорации Ай-Би-Эм), наблюдавших резкое увеличение проводимости в совмещенных образцах бария, лантана, меди и кислорода при температуре 30° К. Аналогичные результаты уже зафиксированы в лабораториях Токио, Хьюстона, Пекина. Одним из наиболее реальных направлений практического использования нового открытия специалисты называют электронно-вычислительную технику и слаботочные процессы. Новый высокотемпературный сверхпроводник может быть, в частности, эффективно использован для изучения процессов высшей нервной деятельности, познания материального субстрата мышления и памяти, т. е. всего того, что является носителем человеческой самости.

Интересная попытка сведения воедино в одном материальном объекте (модели) имеющихся знаний о биологической природе человека предложена японскими учеными. В альтернативном по отношению к американской программе «звездных войн» плане ими

¹ Гаврилов Л. А. Полулиционно-статистические подходы к изучению продолжительности жизни. В сборнике ВИНТИ ГКНТ и АН СССР «Итоги науки и техники», серия «Общие проблемы биологии», том 4 «Биологические проблемы старения». М., 1984, с. 161—162.

² Брюсов Вал. О смерти, воскресении и воскрешении (письмо в ответ на вопрос). «Вселенское дело», том I. Одесса, 1914, с. 49.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. I, с. 594.

⁴ Колмогоров А. Н. Жизнь и мышление как особые формы существования материи. Из сборника «О сущности жизни». М., Наука, 1964, с. 52.

⁵ Велихов Е. Н. Наука — за жизнь на Земле. «Московская правда», 1983, 1 ноября.

подготовлен объемистый (на 94 страницах) доклад о перспективных направлениях исследований в сфере наук о жизни. Если один из вариантов американской программы «звездных войн» носит название «Высотной границы», то предлагаемая японскими учеными комплексная программа биологических исследований известна как проект «Человеческая граница». Подготовленный Агентством индустриальной науки и технологии министерства внешней торговли и промышленности Японии доклад содержит, в частности, положение о «создании всех необходимых компонентов андроида (искусственный мозг, глаза, органы, мышцы и ткани) посредством изучения функций человеческого».

Сама по себе постановка столь дерзкой задачи с участием крупных ученых (в их числе бывший президент университета города Киото, ученый с мировым именем Мичио Окамото и Кацухiko Умераха, руководящий подготовительными исследованиями по линии министерства внешней торговли и промышленности Японии) — яркое свидетельство того высокого уровня, которого достигла современная наука. Несомненно, что комплекс фундаментальных и прикладных исследований даст уже в сравнительно недалеком будущем широкую и разнообразную палитру практических результатов в лечении опасных болезней, выведении новых сортов сельскохозяйственных культур, совершенствовании методов диалога «человек — машина» и т. д. Эти работы, в частности, могут оказать неоценимую помощь человеку при исследовании планет Солнечной системы. О осуществление такого рода программы — помимо того, что оно символизирует высокий уровень развития современной науки, — буквально вопиет о несовершенстве современного мира, политического мышления, основанного на стереотипах «холодной войны», служит тем самым укоренению и становлению нового политического мышления.

Изложенное выше позволяет, по нашему мнению, обосновать вывод о том, что изучение философского наследия Н. Ф. Федорова и реализация его идей о регуляции и патрофикации в качестве тенденций научно-технического прогресса может и должно способствовать укоренению и распространению нового политического мышления. Авторам настоящего доклада представляется, что имеется бесчисленное множество путей реализации содержащегося в федоровской идее «общего дела» фундаментального задела для придания большей осмыслинности действиям по укреплению международной безопасности и ускорению социально-экономического развития нашей страны. В частности, целям пропаганды нового мышления способствовали бы следующие мероприятия:

1. Создание в СССР научно-исследовательского хозрасчетного координационного центра по изучению процессов старения живых организмов и высшей нервной деятельности на предмет реализации федоровских идей искусственного увеличения видовой продолжительности жизни людей и построения антропоидентичных моделей — Антропоцентра им. Н. Ф. Федорова (Гагарина).

2. Сооружение в Москве и Боровске памятников Н. Ф. Федорову (Гагарину).

3. Проведение советско-французских семинаров по вопросам философского наследия русских космистов и П. Тейяр де Шардена на базе Международного института жизни, возглавляемого профессором М. Маруа.

4. Обращение к японским ученым с предложением о подключении ученых СССР и, возможно, других социалистических стран к реализации программы «Человеческая граница» в том ее аспекте, который касается философского осмыслиния проблемы антропоидных роботов («андроидов»).

5. Инициирование в ЮНЕСКО программы исследований «Биологическое бессмертие. Философские, этические и естественнонаучные аспекты».

6. Постановка в Советском Союзе телевизионного художественного фильма, популяризирующего федоровскую концепцию регуляции и патрофикации (возможно, на основе сценария В. Ф. Пряхина «Цивилизация», «Три и четырнадцать сотых...»).

7. Учреждение в СССР общественной Ассоциации иммортилистов для популяризации идей русского космизма в области человечознания.

8. Создание в ходе подготовки к 50-летию Дня Победы информационно-поисковой кибернетической системы «Победители», содержащей и постоянно накапливающей с помощью компьютерной техники информацию о всех участниках Великой Отечественной войны.

В соответствии с федоровской концепцией общего дела такой компьютерный пантеон должен с самого начала создаваться как зал для построения в будущем антропоидентичных моделей.

* * *

Русский космизм — это стройная, исполненная логики концепция научно-технического прогресса. Как таковая она сама по себе является великим вкладом отечественных ученых Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского в мировую науку.

Но в наши дни русский космизм приобретает еще одно важное значение — значение культурного пласта перестройки. «Старая истина гласит, — отмечалось на февральском Пленуме ЦК КПСС, — только на хорошо ухоженной почве культуры вырастает новый культурный пласт. Сам марксизм возник на столбовой дороге мировой культуры. Большевизм впитал в себя передовые гуманистические традиции великой культуры России. Богатство и гуманизм «старой» культуры — а мы знаем, как высоко ценил ее

В. И. Ленин, — стали крупнейшим вкладом в мировую цивилизацию. И сейчас мы должны смело, энергично наращивать и расширять культурный пласт перестройки, используя и развивая все духовное богатство, созданное нашими предшественниками¹.

Историческая фигура Н. Ф. Федорова гармонично вписывается в культурный пласт перестройки.

Во-первых, он главный автор идеи общего дела человечества, альтернативного войнам и уничтожению.

Во-вторых, он олицетворяет в себе древнюю русскую историю, являясь — по родному отцу — потомком Юрия Долгорукого.

В-третьих, фигура Н. Ф. Федорова глубоко демократична, она — живой протест против атмосферы сословности, сдерживания творческой активности ученого. Будучи по крови представителем правящего класса, он до конца разделил судьбу русского интеллигента-разночинца — сына народа.

В наше время революционной перестройки, когда партией разрушены во имя исторической справедливости фальшивые кумиры, которым поклонялись поколения советских людей, уместно противопоставить этим кумирам живую творческую мысль России, представляющую космизмом. Ведь к поколению космистов принадлежал и В. И. Ленин. Широта его взглядов, эрудиция, последовательность мысли роднят его с космистами. Космистом, безусловно, стал бы А. И. Ульянов, воспитанный в той же атмосфере Петербургского университета, что и В. И. Вернадский, и в то же время. Трагичность судьбы старшего брата показала молодому В. И. Ульянову невозможность полнокровной научной работы в области естественных наук без слома старой государственной надстройки. Если в силу объективных условий все космисты вступили, в конечном итоге, на путь специализации — К. Э. Циолковский в области космонавтики, А. Л. Чижевский — гелиобиологии, то вся семья Ульяновых реализовала свой научный творческий потенциал в общественных науках и в сфере практической политики.

Отсекая Ленина от Сталина и совершенных последним преступлений, не менее важно обозначить естественную связь и духовную близость основателя Советского государства с умонастроением и мировоззрением русского космизма. Это позволяет представить в новом, очищенном свете великий, несмотря на трагедию сталинизма, путь нашего народа от Гагарина (Федорова), обозначившего цель освоения космоса в действиях человечества, до Юрия Алексеевича Гагарина, впервые осуществившего полет в космос.

¹ Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. «Коммунист», 1988, № 4, с. 15.

РУССКИЙ КОСМИЗМ: НАСЛЕДИЕ И НАСЛЕДНИКИ

А. В. Гулыга

В последние годы были изданы труды Н. Ф. Федорова, появился ряд публикаций, посвященных его творчеству. О Федорове писали дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР В. Севастьянов, Герой Социалистического Труда педагог Б. Воздвиженский, доктора и кандидаты наук Н. Скатов, Г. Епископосов, Л. Голованов, С. Сухих, И. Забелин, писатели В. Чивилихин, Е. Богат, В. Львов, С. Семенова, Я. Голованов и др. Все эти авторы были более или менее едины в своих оценках; суть дела прекрасно выразил В. Севастьянов, охарактеризовавший Федорова как «гениального учителя добра и гуманизма, проектанта космического будущего...», но вот в 1985 году издательство МГУ выпускает книгу В. Пазиловой «Критический анализ религиозно-философского учения Н. Ф. Федорова». Актуальность своего произведения о Федорове В. Пазилова объясняет ни много, ни мало «отсутствием специального марксистского анализа, посвященного этому мыслителю». Молчаливо подразумевается, что упомянутые выше советские авторы дают не марксистский, а какой-то иной анализ творчества Федорова. Неужели все ошибались, только нашему автору засияла истина?

Откроем книгу Пазиловой. Состоит она из двух больших глав: «Философия общего дела» — вариант неохристианского учения и «Социальный смысл религиозно-утопического «проекта» Н. Ф. Федорова». Последний итоговый раздел книги назван «Псевдогуманизм федоровской концепции «общего дела». Да, именно так: там, где космонавт Севастьянов увидел гуманизм, философ Пазилова обнаруживает «бесчеловечность федоровского учения». Учение Федорова, по мнению Пазиловой, не выходит за пределы религии и должно поэтому быть только предметом критики, осуждения и обличения, чем, собственно, она и занимается. Между тем религия — это только один, поверхностный пласт федоровских идей (так было и у Достоевского, и у Толстого), другого, глубинного, она нарочито не замечает.

Видимо, чтобы создать впечатление архаичности, устарелости работ Федорова, Пазилова при цитировании отсылает к дореволюционному изданию, совершенно игнорируя советскую публикацию трудов русского «утописта» (Н. Ф. Федоров. Соч., М., 1982). Такое обхождение некорректно не только по отношению к издательству «Мысль», где вышел труд Федорова, но, главное, по отношению к читателю: первый дореволюционный том Федорова вышел в глубокой провинции тиражом 480 экземпляров. Где его сегодня найти? (А второй том был издан не в Верном, как сообщает Пазилова, а в Москве, и не в 1903 г., а в 1913 г.) В советском издании собрано все ценное из опубликованных работ Федорова и кое-что из недавно найденного рукописного наследия. Подготавливаемые в ГДР

и ФРГ переводы Федорова на немецкий язык берут за основу текст советского издания. Его репринт выпущен в США.

Отсутствующий в книге Пазиловой пласт учения Федорова — это прежде всего идея выхода человечества в космос. Федоров пришел к этой идее через фантастическую мысль о преодолении смерти и воскрешении мертвых. Надо сказать, что такая мысль не была чужда предшествующему философствованию, в том числе и материалистическому (в его домарксистской форме). Вот слова известного английского материалиста Пристли: «Я верю в учение о воскресении мертвых... в буквальном смысле. Смерть сопутствующим ей гниением и рассеянием частиц представляется разложением. Но что разложено, то может быть соединено снова»¹. А вот рассуждение Федорова: «Приходится, однако, напомнить кому следует, что гниение — не сверхъестественное явление и самое рассеяние частиц не может выступить за пределы конечного пространства; что организм — машина и что сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину — и сознание возвратится к ней!»². Такой ход мысли можно назвать вульгарным материализмом, но не мистикой! Да и сам Федоров подчеркивал, что мечтает «сделать человеческий род сверхчеловечеством и не в мистическом, а в материальном смысле воскрешения и бессмертия. Есть два материализма: материализм подчинения слепой силе материи и материализм управления материей» (с. 627). День победы над смертью, по словам Федорова, «будет день дивный, чудный, но не чудесный, ибо воскрешение будет делом не чуда, а знания и общего труда» (с. 529). За богословской терминологией, которой часто пользуется Федоров, видна ориентация на науку, чего не желает видеть Пазилова.

В отличие от других, рассуждавших о бессмертии, Федоров вывел отсюда задачу освоения космоса: ресурсы Земли ограничены, чтобы расселить и накормить всех возвращенных к жизни, нужно использовать природные возможности других планет. И Федоров ставит «вопрос об обращении солнечной системы в хозяйство» (с. 425). В другом месте он говорит: «Труд человеческий не должен ограничиваться пределами Земли» (с. 351). Федоров сравнивает Землю с космическим кораблем: «Человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугою, экипажем нашего земного, неизвестно еще какою силой приводимого в движение корабля, — есть ли он фото-, термо- или электроход» (с. 360). Эти слова написаны нашим соотечественником более ста лет назад! Федоров пророчески предвидел, что именно наша страна выдвинет людей, привезенных преодолеть земное тяготение. «Ширь русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового попри-

ща для великого подвига» (с. 358). Эти цитаты пришлось привести для того, чтобы показать, чего не захотела или не смогла увидеть Пазилова.

Федорова высоко ценили Толстой и Достоевский. Три года Федоров руководил самообразованием Циолковского. Пазилова ставит под сомнение близость Федорову Циолковского. Но вот слова самого Константина Эдуардовича: «В Чертковской библиотеке я однажды познакомился с одним из служащих. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров, друг Толстого, изумительный философ...» Сказано ясно: «изумительный философ», зачем же давать такого философа церковникам? Тем более, что они на него не претендуют, он им просто не нужен. В издании Московской патриархии «Богословские труды» появилась недавно статья о Федорове. Открывается она цитатой идеалиста и фидеиста Бердяева: «Проект» Федорова в том виде, в каком он его развивает, совершенно неприемлем; это утопия и фантастика, рожденная дурным натурализмом и материализмом». А заканчивается статья следующей тирадой: «В глубинах православной традиции федоровская постановка вопроса о «научном» воскрешении мертвых недопустима: неблагочестиво поддаваться любопытствующим и маловерным рассуждениям о том, как осуществляется всеобщее воскрешение, построение же «проекта» воскрешения, намерение восхитить его, есть отягченная горделивым самомнением крайняя степень прелести»¹. Слово «прелесть» употреблено здесь в старом его значении — «с箔азн».

Пазилова видела эту статью, но опять смотрела на нее невидящим взглядом. С присущей ей небрежностью она искаляет инициалы, которыми подписана статья (А. Б. вместо А. М.) и порядковый номер сборника «Трудов» (11 вместо 24). Вступает ли она в спор с богословом, не решившимся назвать себя? Это было бы полбеды. Беда состоит в том, что она этого богослова подает как собственного союзника, якобы подкрепляющего ее (Пазиловой) аргументацию: «Современный автор А. Б., выступавший на страницах «Богословских трудов», оценил учение Федорова как «окно в христианство». И все. Как будто принципиального осуждения федоровской «ереси» не существует!

Федоров был и будет для церкви еретиком, потому что он призывает человека к активному вторжению в окружающий мир, он называет свое учение «общим делом» потому, что стремится объединить всех людей, представителей разных взглядов, разных культур. Противник войны и гонки вооружений, Федоров требует, чтобы материальные ресурсы человечества были направлены на решение главной задачи — победы над смертью. Уже не раз высказывалась мысль, что идеи Федорова могли бы послужить сегодня платформой для объединения народов в межгосударственном плане под эгидой ООН в борьбе за сохранение жизни на Земле.

¹ Английские материалисты XVIII века. М., 1968, т. 2, с. 283.

² Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982, с. 365—366. Далее цитаты из этого издания даются только с указанием страниц книги.

Методологической основой такого отношения к федоровскому наследию служат оценки утопического мышления классиками марксизма. «Предоставим литературным лавочникам, — писал Ф. Энгельс, — самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся только забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастические покровы зародыши гениальных идей и гениальные мысли, которых не видят эти филистыры»¹. И у Федорова за фантастическим покровом можно без труда обнаружить «зародыши гениальных мыслей». Именно к этому стремятся советские авторы, пишущие о русском утописте. Именно это упустила из виду Пазилова. Остается пожелать ей, чтобы открылись пошире ее глаза и увидела бы она то, что уже давно заметно многим — устремленность учения Федорова к правде и свету, его важную роль в развитии отечественного космического мышления. А то как в старом военном анекдоте: рота шагает не в ногу, только поручик идет в ногу. Господин поручик, опомнитесь, возьмите шаг!

* * *

Сочинения К. Э. Циолковского не переиздавались давно. А философские работы («Монизм Вселенной», «Причина космоса», «Воля Вселенной», «Научная этика» и др.) — с момента их первопоявления в Калуге в двадцатых годах. Вот почему надо сказать «спасибо» Приокскому издательству, выпустившему сборник трудов Циолковского «Грезы о Земле и небе», куда эти работы включены. Составитель сборника Ю. Медведев (не преминувший, кстати, ссылаясь на книгу «Вечное солнце») проделал титаническую работу по отысканию практически недоступных старых изданий калужского мыслителя и мечтателя. Они украшают книгу, где читатель найдет также и более известные вещи — повесть «На луне» и другие этюды из области научной фантастики.

Многое из того, о чем писал Циолковский, как представлял себе поведение человека в условиях невесомости, базировалось на данных науки и представляло собой не столько фантазию, сколько предвидение. Циолковский... «в деталях продумал наши нынешние полеты. Качество предугадывания поразительное!» — отмечает в предисловии к книге космонавт В. Севастьянов.

Что касается философской стороны дела, то и здесь мысль Циолковского предугадала некоторые реалии сегодняшнего дня, в целом, однако, вышла далеко за его пределы. Если суммировать мировоззренческие идеи русского космизма, не только Циолковского, но и его предшественников и последователей, то, на мой взгляд, можно свести их к следующим трем тезисам:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 194.

1. Человек — космическое существо. Освоив Землю, он проникает в космос. Становясь фактором космического бытия, он несет ответственность за судьбы Вселенной, ее самопознание и развитие.

2. Человечество — единый организм. Наступление космической эры создает новое планетарное мышление, устраняет насилие в отношениях между людьми и народами, приводит к исчезновению войн.

3. Человек — не предел эволюции. Биологические факторы дополняются социально-техническими, в результате чего достигается преодоление смерти и возникновение нового типа мыслящих существ. Человек превращается в «сверхчеловека».

Среди незавершенных фрагментов Федорова есть один, озаглавленный «Сверхчеловечество как порок и как добродетель». Отвергая ницшеанскую идею противопоставления избранного «выдающегося» меньшинства «людишкам», быдлу, Федоров выдвигает требования всеобщего возвышения людей в новое состояние, когда будет достигнуто бессмертие. В аналогичном плане о «сверхлюдях» говорил и Циолковский.

В тульском издании Циолковского приведена интереснейшая запись беседы с ним А. Чижевского, опубликованная в 1977 г. в журнале «Химия и жизнь» и с тех пор не перепечатывавшаяся. Поражает предвидение Циолковским возможных политических катаклизмов, связанных с использованием атомной энергии. «Представьте себе, что мы бы вдруг научились веществу полностью превращать в энергию, то есть воплотили бы преждевременно формулу Эйнштейна в действительность. Ну тогда — при человеческой морали — пиши пропало, не сносить людям головы. Земля превратилась бы в ад кромешный: уж люди показали бы свою голубиную умонастроенность — камня на камне бы не осталось, не то что людей. Человечество было бы уничтожено! Помните, мы как-то говорили с вами о конце света. Он близок, если не восторжествует ум! Вот тут-то необходимо запрещение — строгий запрет в разработке проблем о структуре материи. А с другой стороны, если наложить запрет на эту область физики, то надо затормозить и ракету, ибо ей-то необходимо атомное горючее. А затормозить ракету — это значит прекратить изучение космоса... Одно цепляется за другое. По-видимому прогресс невозможен без риска! Но тут человечество рискует всем».

Поразительные слова! Циолковский предвидел сегодняшнюю международную ситуацию, когда накопленные запасы атомного оружия способны уничтожить жизнь на Земле. Но Циолковский был убежден, что человечество благополучно минует опасный рубеж. Для этого он требовал замены старой этики новой, космической, рассматривающей человечество как единое целое. «Единение избавит народы от войн и других видов самоистребления». Это можно прочитать в работе Циолковского «Научная этика» (не переиздававшейся с 1930 года).

Вступление человечества в космическую эру приведет в грядущем к расселению его во всем мировом пространстве. Константин Эдуардович размышлял и над дальнейшими судьбами людского рода. За «эрой рождения» космического человечества последует «эра становления» его и далее «эра расцвета». Заключительная «терминальная эра» наступит тогда, когда корпускулярное вещество превратится в лучевое при сохранении разума. Но и это не предел: «Пройдут миллиарды лет, и опять из лучей возникнет материя высшего класса и появится, наконец, сверхновый человек, который будет разумом настолько выше нас, насколько мы выше одноклеточного организма... Космос превратится в великое совершенство».

Полет мысли, ее отрыв от сегодняшней реальности может показаться иной раз ошибочным, лишенным смысла, может и просто шокировать. Составитель сборника «Вечное солнце», выпущенного для молодежи, счел целесообразным не воспроизводить некоторые пассажи романа «Красная звезда», где речь идет о преимуществах многобрачия перед единобрачием. В тексте сделаны купюры, оговоренные в примечаниях. В тульском издании Циолковского мы также встречаемся с отточиями в тексте; к сожалению, в примечаниях к книге о них ни слова. И вот ползут слухи: Циолковский-демистик и идеалист, его взгляды представлены в препарированном виде.

Между тем Циолковский, как бы предчувствуя возможные пересуды, решительно заявил о себе: «Я — чистейший материалист. Ничего не признаю, кроме материи». И перед этим: «Чтобы понять меня, вы должны совершенно отрешиться от всего неясного, вроде оккультизма, спиритизма, темных философий, от всех авторитетов, кроме авторитета точной науки, т. е. математики, геометрии, механики, физики, химии, биологии и их приложений».

Лучшее оружие против пересудов — гласность. В науке без нее нельзя, как и в любой другой сфере. Я могу себе представить, что под пером Циолковского рождалось порой нечто непонятное на первый взгляд, требующее комментариев и пристального изучения. В массовом издании нет необходимости печатать все. Но объяснить характер купюр — обязательное условие.

А самое главное — пора приступить к изучению наследия Циолковского во всем объеме, во всей сложности. Необходимо научное издание его философских работ, серьезное их обсуждение (без попытки наклеить позорный ярлык, как это сделала Пазилова с Федоровым).

Другая важная задача историков литературы, философии, культуры в целом — изучить воздействие идей русского космизма на всю отечественную культуру с начала XX века. Крупнейший русский идеалист Вл. Соловьев, ознакомившись с трудами Федорова, пошел к нему в ученики и внес существенные поправки в свое учение. За год до смерти опубликовал он статью «Идея сверхчеловека», где повторил федоровские идеи. К Федорову проявляли инте-

рес Горький, Брюсов, Платонов, Хлебников, Маяковский, Заболоцкий, Сельвинский. После победы Октября казалось, что большевикам все по плечу — и выход в космос, и победа над смертью. Выходили у нас журналы «Биокосмист» и «Бессмертие». Кто видел, кто читал эти журналы сегодня? Кто может нам рассказать о деятельности биокосмистов — целого направления в духовной жизни 20-х годов? Мы знаем «Аэлиту» А. Толстого, но почему забыты романы «Аргонавты Вселенной» А. Ярославского, «Психомашина» В. Гончарова, «Путешествие на Луну» С. Граве и ряд других? Наконец, какую роль эти духовные искания оказали на подготовку космоплавания, приоритет которого принадлежит нашей стране? Хочется верить, что в скором будущем мы получим четкие ответы на все эти вопросы.

* * *

В самом конце 1986 года вышла из печати книга Е. И. Рябчикова «Звездный путь» (издательство «Машиностроение»). На титуле указано, что это второе издание — «дополненное и переработанное», фактически перед нами новая книга. Заново написана часть, посвященная дореволюционному периоду русской космической мысли — философам, ученым, инженерам, романистам-фантастам. Рябчиков напоминает о фантастическом рассказе «Путешествие в мировом пространстве», написанном еще в 1882 году знаменитым народником Н. А. Морозовым, отбывавшим пожизненное заключение в Шлиссельбургской крепости. О Федорове Рябчиков пишет: «Он в совершенстве знал не только основные европейские языки, но и хорошо разбирался в ряде восточных... Лев Толстой говорил: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком». М. Горький и В. Брюсов связывали имя Н. Ф. Федорова с лучшими достижениями русской национальной мысли, видели в нем глубокую человечность, усматривали в его идеях преметы будущего... Он провозглашал Вселенную будущей лабораторией человечества. Глубоко веря в могущество человеческого разума, Н. Ф. Федоров говорил, что весь мир будет управляться сознанием и волей ученых».

О Циолковском: «Еще в Москве после бесед с Н. Ф. Федоровым он четко определил задачу своей жизни: «...сделать что-нибудь полезное для людей, не прожить даром жизни, продвинуть человечество хоть немного вперед». Он продвинул человечество за пределы земного тяготения. 12 апреля 1883 года Циолковский завершил свой первый труд о космосе «Свободное пространство». Через 78 лет в день 12 апреля 1961 года в 9 часов 7 минут первый землянин Юрий Гагарин начал свой космический полет.

В книге Рябчикова приведена интереснейшая мысль В. И. Ленина, записанная Г. Уэллсом (в 1921 году беседовавшим в Кремле с вождем Октябрьской революции): «...Все человеческие представления созданы в масштабах нашей планеты; они основаны на предположении, что технический потенциал, развиваясь, никогда не пе-

рейдет «земного предела». Если мы сможем установить межпланетные связи, придется пересмотреть все наши философские, социальные и моральные представления, в этом случае технический потенциал, став безграничным, положит конец насилию как средству и методу прогресса».

Мысль важности принципиальной! И как удивительно она перекликается и с программой русских космистов, и с политическими реалиями сегодняшнего дня. Программу космистов мы помним — выход в космос, мир на Земле, достижение бессмертия. Первый пункт реализован полетом Гагарина и его последователями. Третий пункт сегодня утопичен, о преодолении смерти можно только мечтать. Особую важность приобрел пункт второй — преодоление войны и насилия, как средства международной политики. Здесь философия перерастает в политику, политику выживания человечества.

* * *

Необходимо остановиться еще на одной работе. Научно-художественная книга замечательного писателя и ученого Игоря Забелина «Мудрость географии» вышла посмертно в 1986 году. Последний раздел книги называется «География и космос». Естественно возникает здесь имя Александра Гумбольдта, знаменитого немецкого путешественника, автора монументального труда «Космос». Рядом Забелин ставит имя Федорова: «...Если Гумбольдт расширил землеописание до мироописания, то Федоров сделал следующий закономерный для географа шаг — попытался хотя бы постулировать неизбежность углубления мироописания до мирообразования. Надо ли пояснить, что это гигантский шаг в развитии не только географической мысли, но и всего человеческого миропонимания». Итак, мудрая география включает Федорова в Пантеон своих корифеев!

Забелин добрым словом поминает издание трудов Федорова в серии «Философское наследие», вспоминает, как посмеивались над мечтателем некоторые в Московском университете при его жизни. «Имя Федорова в мировой прессе воскресло 12 апреля 1961 года, ибо надо же такому случиться: в космос полетел Гагарин, а Федоров по отцу — тоже Гагарин, и это же сразу вспомнилось, и в МГУ в тот же день насмешки были уложены в сейфы... А ситуация в общем такая:

Жил-был мудрец,
Владелец пеших ног,
Босых, неисколесанных дорог.
Над ним смеялась божья мошара —
Сановники, попы, профессора, —
Глумились, указывая на погост...
Он в рубищах —
не в мантиях —
Взошел до звезд.

Стихи Забелина передают суть ситуации: «мошара» и сегодня жужжит вокруг имени Федорова, но мудрец взошел к звездам. Два Гагарина проложили человечеству путь в космос: один указал дорогу, другой первым пошел по ней.

Исходный постулат Федорова — человечество едино, единомышленце, единоравственно. Следствия из этого постулата нам известны: преодоление смерти (как строго мыслящий ученый, Забелин просит, однако, иметь в виду: «этот сюжет к науке отношения не имеет»), преодоление земного тяготения, преодоление войны. И далее, Забелин обращает внимание на важную деталь: «... За некий прообраз единого человечества Федоров принял воинские силы, армию. О разрушительных последствиях войн, о борьбе за «жизненное пространство», о перемещениях человеческих масс в ходе военных действий — обо всем этом писали многие. Но Федоров первым ввел армию в проблему взаимоотношения с природой как позитивную силу, как реальную с тысячелетними традициями силу. Для него, «всевоскрешателя», убийство само по себе было противостоятельно, армия как орудие убийства отцов и сыновей противоречила строю мышления Федорова. Но в таком несколько неожиданном повороте разговора об армии Федоров проявил себя диалектиком. Спустя почти столетие ход его рассуждений кажется несложным: я против войн, против братоубийства, но было бы непрактично утратить армейский опыт организации человеческих масс в нечто цельное, единое и, главное, умеющее единообразно действовать. И Федоров призвал от опыта не отказываться, но, если так позволительно выражаться, направить опыт в противоположную сторону. Иначе говоря, в отличие от пацифистов своего и более позднего времени Федоров предложил не разоружаться, а «переоружаться», сохранив при этом армейский (в широком смысле) устав».

Причем цель Федорова, как и А. Гумбольдта, — не «покорение» природы, а регуляция ее, единение с ней человеческого рода; в человеческом роде природа начинает осознавать себя и сознательно управлять собой. И разговор в книге о географии закономерно приводит к проблеме эстетического идеала. Автор сопоставляет два варианта. Один описан в «Фаусте» Гете: умирая, герой трагедии видит перед собой землю, отвоеванную у моря, правильные участки искусственной суши. Это мгновение он называет прекрасным и просит остановиться. «По Гете, именно то мгновение и прекрасно, когда природа подчиняется человеку, утрачивая независимость, утрачивая свободу, а человек все это — будто бы — обретает в чужом рабстве. Но можно ли быть свободным среди рабов? Бесконечное количество раз писалось, говорилось — нет, нельзя».

Иной выглядит «свобода в природе» у Гумбольдта и Федорова. Это «прежде всего естественность, а естественность и независимость близнецы». За кем истинна, за кем последнее слово? Вопрос риторичен, ответ напрашивается сам собой. Но нужна одна оговорка: Гете не был против такого решения вопроса. Картина, возникшая

перед умирающим Фаустом, — это лишь иллюзия, созданная его гаснущим сознанием, ничего такого на самом деле нет; Фаусту роют могилу, а он видит гигантскую стройку. Упреки «Фаусту» навеяны критическим эссе Федорова о трагедии Гете (см. «Контекст». М., 1975, 1977). Строго говоря, «конечный вывод мудрости земной» Гете и идеалы «свободной природы» Гумбольдта — Федорова совпадают. Иначе и быть не могло; гуманизм предполагает гуманное отношение к природе, частью которой является человек. Русский космизм явился закономерным продолжением не только отечественной, но и всей мировой мудрости, впитав все ценное, созданное на протяжении многих веков.

ФИЛОСОФИЯ БЕССМЕРТИЯ

С. Г. Семенова

Николаю Федоровичу Федорову неизмеримо больше везло на восхищения, удивления и тирады преклонения, чем на пристальное исследование существа его идей и проектов. Об авторе «Философии общего дела» были возможны такие восторженные слова: «Федоров — единственное, необъяснимое и ни с чем не сравнимое явление в умственной жизни человечества... Рождением и жизнью Федорова оправдано тысячелетнее существование России. Теперь ни у кого на земном шаре язык не повернется упрекнуть нас, что мы не бросили векам ни мысли плодовитой, ни гением начатого труда. В одном Федорове — искупление всех грехов и преступлений русского народа». Принадлежит такая головокружительно высокая оценка почтенному, но не столь уж широко известному деятелю отечественной культуры конца прошлого начала нашего столетия А. Л. Волынскому, эстетику и критику. Но среди высказывавшихся в подобном роде о Федорове были самые мощные умы и таланты, первые духовные авторитеты России: Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев. Смелые, предвосхищающие будущее мысли Федорова Достоевский «прочел как бы за свои», Толстой говорил: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком», а Соловьев называл его «дорогим учителем и утешителем». Николая Федоровича знали и любили в обществе Москвы, но сама необычная, поражавшая воображение образом жизни, поведением, убеждениями фигура его была окружена некоей тайной. «В нем было что-то, по своей загадочности напомнившее столь популярного в последнее время старца Федора Кузьмича», — свидетельствовал профессор литературы И. А. Линникенко. По самоотверженному служению людям его сравнивали с доктором Федором Гаазом, свято исполнявшим собственный девиз: «Спешите делать добро!». По своеобразной системе идей, распро-

странявшихся при его жизни преимущественно устно, называли московским Сократом.

Еще в начале 70-х годов прошлого века космические проекты Федорова захватывают юного Константина Циолковского. Встреча произошла в московской Чертковской библиотеке, где под руководством Николая Федоровича будущий отец русской космонавтики проходил свои университеты самообразования. «Федорова я считаю человеком необыкновенным, а встречу с ним счастьем», — говорил он. С Федорова начинается линия русского космизма, активно-эволюционной философии XX века, представленной именами таких крупных ученых и мыслителей, как К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский. Центральная идея Федорова — необходимость сознательного управления эволюцией, «регуляция природы», которую он понимал как творчески-трудовое овладение объединенным человечеством слепыми стихийными силами, выход землян в космос и достижение бессмертия, вплоть до «научного» воскрешения прошедших поколений. Им были предвосхищены идеи ноосферы, поставлены вопросы экологии, дано нетривиальное решение многих глобальных проблем, над которыми бьется современное сознание. Его идеи отмечены и рядом слабостей и противоречий, объясняемых исторически: консервативно-патриархальными иллюзиями, утопизмом.

Сфера действия и влияния учения Федорова нельзя ограничивать космической философией. Его наследие — прежде всего знаменательный факт русской культуры, в котором сошлись вековые духовные, нравственные традиции. Недаром многие смелые идеи учения Федорова, глубина этических требований, своеобразие эстетики привлекли к нему не только великих его современников, но и многих советских писателей: М. Горького, пролетарских и крестьянских поэтов от И. Филиппенко до Н. Клюева, В. Брюсова, В. Маяковского, Н. Заболоцкого, таких выдающихся прозаиков философского склада, как А. Платонов и М. Пришвин. В наше время, озабоченное поисками такого мышления, которое могло бы открыть горизонты коллективной планетарной надежде, идеи философа общего дела приобретают особую притягательную силу.

При поверхностном знакомстве с «Философией общего дела» может показаться, что Федоров часто повторяется; при более пристальном — создается устойчивое впечатление, что автор упорно строит здание, храм, как бы он сам сказал, своей мысли, тщательно выверяя общий план, возводит прочный фундамент, устремляя ввысь своды, любовно работает над малейшей деталью архитектуры и росписи. Основные несущие конструкции этого храма — несколько генеральных идей мыслителя. Не забывая о том, что полный смысл имеет только целое здание учения «общего дела», и не имея здесь возможности представить его во всей необычайной, влекущей в небо красоте и монументальности, остановим внимание лишь на центральной, «формообразующей» идее, связанной с преодолением смерти.

Философская картина мира — даже та, что претендует лишь на свое объяснение природы вещей, а не на их изменение, — неизбежно группируется вокруг своего нравственно-ценостного стержня, находящегося в прямой связи с вводимым принципом объяснения. Ценостная вершина философской системы, ее высшее благо вздыхается к сфере идеально-должного, попирая свое основное зло. В учении Н. Ф. Федорова таким злом предстает сам существующий онтологический статус человека и природы, мироздания вообще, которое подвержено закону конечности и смерти. Широко известно: философствовать — значит учиться умирать, убеждавшее целое stoicheski-nравственное, морализирующее философствование от античного автора этой сентенции до Монтеня и эзистенциалистов. Во всей истории мировой мысли русский философ подходит к факту индивидуальной конечности человека совершенно революционным образом. Для него смерть вовсе не неизбывный бытийственный факт: «Как ни глубоки причины смертности, смертность не изначальна, она не представляет безусловной необходимости. Слепая сила, в зависимости от которой находится разумное существо, сама может быть управляема разумом»¹.

Смерть царит во всей природе, но только человек определяет себя как смертного, тем самым чувствуя смертность как свою основную родовую характеристику. Однако, осознав свою смертность, человек тем самым уже возвышается над ней и может, в отличие от животных, вовсе ее не осознающих, признать ее жестоким, недостойным его уделом. Правда, до самой возможности прямого вызова природному закону путь далек.

«Смерть можно понимать и определять, — размышлял Николай Федорович, — «религиозно» и «философски». В первом случае человек переживает ее через утрату других, близких, распространяя далее свое чувство на всех людей, он помнит о смерти, уносящей матерей и отцов, «помнит умерщвленных». А философский подход с его «познай самого себя» (легко скатывающееся в «знай только себя») предвосхищает только собственный конец, ищет для себя способы душевно обезвредить эту угрозу. Самым эффективным было признано такое достаточно древнее уже заклинание: «Пока я жив, смерти нет, когда я умер, меня нет». Как же смерти нет, пока я жив, когда вокруг ежесекундно гибнут люди? Какое отрешенно-философическое сердце надо культивировать в себе, чтобы успокоиться на сентенциях, типа этой, эпикуровой!». Федоров призывает не к лично-эгоистическому «помнни о смерти», а к нравственному, скрыто содержащему обязанность и долг — «помнни

¹ Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, т. II, М., 1913, с. 203.

Первый том вышел в г. Верном в 1906 г. Ссылки на оба тома даются далее в скобках после цитаты. Указываются том и страница.

При ссылках на недавнее издание: Н. Ф. Федоров. Сочинения. М., Мысль, 1982 — после цитаты указывается только страница.

умерщвленных». (Это стремление дать свой вариант вошедших во всеобщее сознание изречений-формул мы у него встречаем постоянно.) Вместе с тем русский мыслитель предлагает созидательный синтез классической двоицы: «помнни о смерти» и «помнни о жизни», обычно или встававших в оппозицию, или шедших на жалкий компромисс. «В долгое воскрешения соединяется и *memento mori* как прискорбный факт и *memento vivere* как необходимая, неизбежная цель». В своей отдельности первое кредо источает только эзистенциальную трагедию, боль и тоску, второе — радостно-чувственный гедонизм, прикрывший глаза на изнанку жизненного цветения, а в федоровской перспективе возникает новое качество, трезво и смело глядящее в лицо трагедии и преодолевающее ее, выходя к апофеозу Жизни.

Федоров признавал внутреннюю направленность эволюции к порождению сознания как разума природы, который призван к тому, чтобы стать активным орудием дальнейшего развития мира.

В человеке впервые оформилось то, что мы называем личностью — неподменимое и неразложимое духовно-телесное единство, уникальное самосознание, включающее неприятие своего уничтожения, наконец, чувство, что возможности развития этой личности безграничны, если бы не роковые материально-природные границы существования. Точнее говоря, уничтожение человеческого «я» ощущается им самим как трагическая катастрофа, ставящая под сомнение разумность всего порядка вещей. «Страшно подумать, что настанет день, когда я не смогу сказать: я! — при этой мысли весь мир есть не что иное, как ком грязи», — разве не узнаем мы в этом интимнейшем метафизическом признании Лермонтова (письмо к М. А. Лопухиной от 2 сент. 1832 г.) скрытую невынимаемую занозу, которая — часто неосознанно — проявляется в каждый момент нашей жизни, отправляя ее капельками своего гноя, опознаваемого как раздражение, тоска, страх. Вынуть эту «занозу», самую глубокую причину зла в человеческой природе, — такую высшую и конкретную цель ставит Федоров человечеству.

Казалось бы, возвращение «золотого века», достижение совершенного состояния мира, бессмертие — давняя мечта людей, возникшая в той или иной форме в мировой литературе и философии. Но при всем этом бессмертие всегда понималось как достижимое в более или менее далекой точке будущего, причем оно, естественно, не распространялось на те неисчислимые мириады человеческих существ, которые за это время успеют смениться на Земле. Этим уже волей-неволей придется «уванавозить будущую гармонию». Им остается довольствоваться «философским» сознанием вечного круговорота их частичек в мироздании и будущим своим нахождением на правах анонимных строительных кубиков в составе тех бессмертных олимпийцев, к которым когда-то придет человеческий род.

В этом плане федоровская идея имманентного воскрешения — глубоко самобытная и уникальная идея. Рождение, половой раскол, эрос, смерть сцеплены нераздельно, и претензия на бессмертную жизнь требует своей последовательной логики. При сохранении природного порядка существования достижение абсолютного бессмертия невозможно: можно лишь увеличить на более или менее длительный срок жизнь человека, как об этом уже вполне серьезно говорят ученые-биологи. Природа — по своему внутреннему принципу на рождении и смерти стоящая — должна быть поколеблена в самих основах и превзойдена человеческим дерзанием. Природный способ существования — последовательность, осуществляемая через вытеснение и гибель старого для кратковременного торжества нового и последующего его вытеснения — заменить одновременностью, существованием всех когда-либо живших поколений в преображенном трудом и творчеством бессмертном виде.

Воскрешение имманентное, произведенное знанием и трудом самих людей, становится у Федорова действительным ответом на непрекращающееся «искорбление» каждого, без исключения, живущего человека основным его нравственным злом — смертью. Характерно, что для русского мыслителя нет неизбывных злодеев, укорененных в радикальном онтологическом зле, как не существует и последнего. Конечной причиной самых страшных людских злодейств является смерть, что ядами отчаяния, ожесточения, циничного вызова наполняет некоторые крайние души. В горизонте воскрешения и преображения жизни у Федорова и «сатана прощается».

Федоров продолжает и развивает то течение в лоне христианства, которое стремилось утвердить полноту его восстанавливавших и строительно-жизнетворческих начал (Ориген, Гр. Нисский с учением об условном характере адских мук и всеобщем апокатастасисе, т. е. восстановлении всего мира, без всяких исключений, в прославленное состояние). Русский мыслитель, обращаясь одновременно и к неверующим, и к верующим, излагал свои взгляды в системе и естественнонаучной, и религиозно-нравственной аргументации. Вл. Соловьев увидел в учении «общего дела» обнаружение глубокой истины христианской идеи, назвав это учение «первым движением человеческого духа вперед по пути Христову». Мыслитель понимал свое учение как активное христианство, в котором догматы превращаются в заповеди, и, наконец, в дело, и прежде всего в то Дело дел, которое Христос явил воскрешением Лазаря и собственным воскресением. Недаром любимым евангельским выражением Федорова были слова Христа: «Дела, которые я творю, и Вы сотворите, и большие сих сотворите».

Идея воскрешения становится у Федорова основной в осмысливании исторических путей человечества. «Воскрешение есть заповедь не новая, а столь же древняя, как культ предков, как погребение, которое было попыткой оживления: оно также древне, как и сам

человек» (1, 102). (Хоронили, прятали мертвого как в землю зерно, в надежде, что восстанет, опять вырастет.) Воскрешение, по Федорову, было первой мыслью, вызванной смертью. «Человек есть существо, которое погребает» — вот самое глубокое определение человека, которое когда-либо было сделано». Только с человека, с открытия законов эволюции, огромных успехов естественных наук освещается бездна прошлого самой природы, «мысленно» восстанавливается пространство-время былого, даже еще до появления человека, в точках-пересечениях возникновения и развития последовательных природных форм длительного эволюционного ряда. Человечество «хранит» и прошедшие людские поколения в виде созданных ими навыков мастерства, материальных сооружений, бытовых умений, устных преданий, книг, памятников искусства и т. д. «Кроме этого сабирания различных остатков, или останков (реликвий) прошедшего, наука имеет в своем распоряжении для попыток воспроизведения явлений жизни в малом виде лаборатории, физические кабинеты и т. п. Затем остаются еще страдательные созерцания, как наблюдения, над теми условиями, небесными и земными, от которых зависит жизнь. Этими тремя способами исчерпываются в настоящее время все средства науки для мысленного восстановления целого образа мира» (314).

Итак, воскрешение по Федорову есть явление продолжающееся, правда, пока еще лишь в «мысленной», мнимой форме подобий и образов. Вспомним и об изобретениях нашего времени, о которых еще не знал Николай Федорович: кино, телевидении, видеомагнитофонной записи, синтезаторах звука, голограмии, наконец методиках восстановления ушедших форм в археологии, палеонтологии. Кстати, здесь мы присутствуем при плодотворном сотрудничестве и даже синтезе науки и искусства, о котором мечтал философ. Речь идет, правда, о запечатлении и «воскрешении» голоса, лиц, событий, хотя и материальном, но в точном смысле «неживом». Федоров верил в неизбежность тут «качественного» скачка, по его убеждению, прогресс такого «воскрешающего» развития не может быть остановлен, ибо он отвечает объективной потребности эволюционного, общественного развития, а оно не может не включать в себя и требования нравственного, сердечного чувства человека. «Мнимое» воссоздание должно перейти в факт действительный.

Принцип делового доказательства, подход к идее воскрешения как к проекту, к гипотезе, требующей своей проверки только делом, стал главным в учении «общего дела». Начать с того, что всеми признаваемую безусловность смерти необходимо поставить под вопрос. Уже в наши дни человек начинает вторгаться в ее царство, отодвигая границу ее действительности (вывод из состояния клинической смерти), а Федоров в прошлом веке с надеждой отмечал редчайшие удачные случаи гальванизации умирающего. Но все эти попытки можно уподобить лишь первой горсти породы, снятой с высочайшей горы, которую намереваются срыть

до основания. Все умершие, в какие бы отдаленные века ни произошел их уход из жизни, должны считаться лишь клинически мертвыми, а все живые, пока они живы, поколение за поколением, мобилизованными на поиски средств для доказательства окончательной недействительности их смерти, т. е. для возвращения их к жизни. Только тогда — считает мыслитель — смерть можно будет признать действительной, когда в течение бесконечно длительного опыта будут испробованы буквально все средства для восстановления умерших, и они не приведут к положительному результату.

Окончательно представить эти средства сейчас трудно и даже невозможно: их откроет и разовьет исследование и творчество. Но в общем философском виде Федоров так определил путь воскрешения: это — «обращение слепой силы природы в сознательную», т. е. сознательно направленная регуляция природного типа бытия, овладение его законами и их превосхождение.

Вместе с тем философ «общего дела» прекрасно понимает, что открыть воздух надежде и человеческой силе в области дерзания «невозможного» способна лишь вера в реальность путей воскрешения, и он их ищет. Федоров продумывает проект синтезирования разложившихся элементов умерших тел на основе «познания и управления всеми молекулами и атомами внешнего мира». Для нынешнего человеческого сознания еще нетронутый тлением труп, как объект для предполагаемых экспериментов по его воскрешению, хотя и маловероятная вещь, но в некоторой фантастической дерзости (при посыпке научных «чудес» типа «невозможное сегодня станет возможным завтра») еще может допускаться. Но разложившееся, а тем более сгнившее и исчезнувшее тело — уже за всяkim порогом самых смелых допущений. «Гниение для всех, — писал Федоров, — считается таким признаком, который не допускает уже дальнейших опытов». Но ведь и «гниение — не сверхъестественное явление, и самое рассеяние частиц не может выступать за пределы конечного пространства», — значит и то, и другое не есть непереходимый рубеж для изучения и опыта. Но только такого опыта, которым занимаются все живущие, «освобожденные от торгово-промышленной суеты», опыта, который не ограничивается поверхностью земли, идет в ее глубины, распространяется по всему космосу («космо-теллурическая наука и искусство»). Наш визионер воскресительного процесса представляет себе такую картину: «Все вещества есть прах предков, и в тех мельчайших частичках, которые могли бы быть доступны невидимым для наших глаз микроскопическим животным, и то лишь, если бы они были вооружены... микроскопами, ...мы можем найти следы наших предков. Каждая частица, состоящая из такого множества частичек, представляет такое же разнообразие, в каком является для нас земля. Каждая среда, через которую проходила эта частица, оставила на ней свое влияние, свой след... Как бы ни дробилась частица, новые, произошедшие от этого дробления частицы, вероятно, хранят

следы разлома... Представим же себе, что мир вдруг или не вдруг осветился, сделался знаем во всех своих мельчайших частицах — не будет ли тогда для нас ясно, какие частицы были в минутной дружбе одна с другой, в каком доме или организме они гостили вместе или какого целого они составляли часть, принадлежность... Трудно открытие способов исследования, трудно также исследование первых двух-трех частиц, но затем работа становится доступною для многих, и, наконец, для всех... Наконец, самое исследование так упрощается, что то, для чего требовались прежде годы труда, делается достижимым для одного взгляда... Хотя частицы и могут сохранять следы своего пребывания в том или другом организме, в той или иной среде очень долгое время, но следы эти могут изглаживаться и исчезать, может быть; в таком случае, нам нужно знать закон сохранения и исчезновения следов» (419—421).

Итак, если будет восстановлена комбинация уникальных телесных частиц того или иного человека, он будет воскрешен для новой жизни. Тут для Федорова как будто не существует сложнейших проблем специфики сознания, «души», личности. Восстановите тело, все его клетки — и будет тот же человек. А какие частицы, если использовать федоровское выражение, в таком случае являются носителями индивидуальности, неповторимого духовного мира человека, его эмоционально-душевного склада, тайн его памяти? Не говоря уже о том, что разложившиеся клетки умерших людей продолжают свое великое кочевье по природе, входят в миллионы комбинаций, тем самым обнаруживая как бы свою анонимность, пригодность для постройки самых различных тел и существ. Буквально реализовав федоровский проект созиания частиц средствами космотеллурической науки и искусства, представляешь себе трагикомическую картину воскрешения. Великая пря частиц: чьи мы? На одну — тысячи претендентов.

Современная наука о человеческом организме экспериментально показала, насколько непрерывен процесс изменения тканей тела, ассимилирующего природные клетки через дыхание и питание и постоянно выделяющего их. От детства до старости проходят циклы почти полного обновления клеток и частиц человеческого тела, включенного и при жизни в бесконечный круговорот материи. Но при всем при этом обнаружилось, что каждая клетка организма как будто несет на себе мету принадлежности именно к этому организму, содержит в себе всю его наследственную информацию. На этом основана идея «клонирования», созидания генетических двойников по одной клетке.

Федоровская теория опознания и созиания рассеянных частиц праха умерших восходит к философским интуициям христианских эсхатологов (и прежде всего Григория Нисского), развивавших аристотелевский взгляд на «душу» как на некий «эйдос», некое «рациональное семя», из которого вырастает и формируется каждый раз весь неповторимый организм. Тем самым еще в древности

осмыслился тот очевидный и ошеломляющий (и для нашего времени, произнесшего слово «ген») факт, что капля физического семени, дающая начало человеку, уже содержит в себе словно в идеальном предсуществовании всю его организацию. Обосновывая надежду на воскресение, эсхатологи обращались к различным аргументам, в том числе, условно говоря, «научно»-философским. Эсхатологические учения первых веков христианской эры углублялись и оттачивались в столкновении с изощренной профессиональной диалектикой языческих философов, эпикурейцев, стоиков, неоплатоников, принимавших в штыки именно главный догмат новой веры: воскресение из мертвых. Казалось бы, неотразимые доводы противников телесного воскресения заставляли работать парадоксальную, антагоничную логику христианских мыслителей. Были высказаны предположения, что душа, т. е. некая идеальная форма тела, как бы отмечает каждую вещественную частичку тела, так что и в посмертном рассеянии они сохраняют эту индивидуальную печать. По словам Григория Нисского, «нет ничего невероятного, что эта простая и несложная природа (душа — С. С.) пребывает при каждой из частиц и после его (тела — С. С.) разложения. Напротив, однажды по какому-то необъяснимому закону вступивши в связь с составом стихий, она пребывает с тем, с чем соединилась, потому что, когда разлагается сложное, не подвергается опасности разложиться с ним и несложное» («О душе и воскресении»). Процесс воскресения может мыслиться, таким образом, как воссоединение родственных частиц, когда-то пребывавших в определенном теле, по «душевным» на них знакам.

Вместе с тем, в глубине воскресительных умозрений Федорова брезжут предположения и другого рода. Очевидно, способ воскрешения не может быть одним, ведь надо восстановить и преобразить такую сложнейшую и многоуровневую целостность, как человек, не только его уникальный физический облик, но и душевный склад, психику, особое самосознание. Ищущая мысль Николая Федоровича, его страстная интуиция направляются в разные стороны. Он проводит еще одну возможность воскрешения (назовем ее условно наследственно-генетической), связанную с вышеописанной, ибо в обоих случаях требуется глубочайшее и исчерпывающее знание предков, генеалогического древа человечества во всех его ответвлениях, побегах, связях частей. Мыслитель упорно настаивает на необходимости тщательного изучения прежде живших людей, восстановления их образов, пусть сначала лишь мысленных, теоретических, так сказать, причем в полной последовательности поколений, народов, групп, семей. Каждый человек, сколько бы он ни жил, должен найти свое место в подробнейшей генеалогической описи человечества; генеалогия, эта узкая и сословная наука, служившая чаще всего средством родовой гордости и превозношения, предназначена стать всеобщей и священной. Создается родственная генетическая «палеонтология», ищущая и восстанавливая все посредствующие, исчезнувшие звенья единой семьи народов. В фе-

доровской идеальной общине, психородовой ячейке человечества, вступившего на путь «общего дела», все становятся исследователями и самоисследователями, все ведут психофизиологические дневники, стремясь прежде всего к выявлению, просвечиванию в себе образов родителей: «Душа человека не *tabula rasa*, не лист чистой бумаги, не мягкий воск, из которого можно сделать все что угодно, а два изображения, две биографии, соединенные в один образ. Чем утонченнее будут способы познания, тем больше будет открываться признаков наследственности, тем ярче будут восставать образы родителей» (406). Все становятся и историками; наимельчайшее поселение и событие вносятся во всемирно-священную историю. Это уже не прежняя, профессиональная, «ученая» история, выносящая из забвения лишь отдельные, по преимуществу грозные дела, усобицы, войны, революции, отдельных личностей, официально представляющих за народ, эпоху, свершение. Постепенно выстраивается история как синодик, поминальный список всех умерших, по возможности обрастающий конкретными чертами бывших личностей (дело Музея). Каждый живущий, а затем и каждый воскрешаемый вспоминает и составляет описание всех людей, с которыми он был связан, кого знал; каждый несет в себе знание о целом «кусте» лиц, воскресающих в памяти вместе с ним¹. Ведь нет ни одного скромного, незаметного, самого убогого человека, в том числе жившего лишь несколько дней или месяцев, кого кто-нибудь из когда-то живших не помнил и не знал; у всех по самой крайней мере была мать, хоть секунду державшая свое дитя на руках.

А кто должен быть воскрешен — в свое время гениально просто утвердил Григорий Нисский: тот кто родился. Вот он — единственный необходимый факт и признак: чтобы когда-то воскреснуть, ты должен был когда-то родиться. Субъект воскрешения — рожденный, все люди, когда-либо рожденные. «Одного только требует понятие о воскресении, чтобы пришел человек в бытие рождением, или лучше сказать, как говорит Евангелие, родился человек в мир» («О душе и воскресении»). Есть, кстати, у этого представителя греческой патристики еще одна вещая идея; при встрече с ней ударяет неотразимо действующая волна внутреннего убеждения: тут истина, пусть достоверно еще не раскрыта знанием. «Богодохновенное Писание и в новом, и в ветхозаветном учении говорит, что когда естество наше в некоем порядке и в связи совершил полный оборот времени, непременно остановится, наконец, и сие текучее движение, совершающее преемством рождаемых, и, как наполнение вселенной не допускает уже возрастание в большее число, вся полнота душ из невидимого и рассеянного состояния опять возвратится в собранное и видимое, причем те же самые стихии

¹ Как известно, истинна по-гречески «алетейя» означает незабвение; полной человеческой истиной станет абсолютно восстановленная память о всех без исключения живущих, а затем и их возвращение к жизни вечной, где не может быть никакого забвения личностей, радостно сосуществующих.

сайдутся между собою в ту же опять связь. И таковое состояние жизни, по Божественному учению Писаний, называется воскресением» («О душе и воскресении»). Это же постулирование необходимого момента полноты человечества, народившегося в течение многих поколений, некоего предела природного развития мы встречаем и в учении Федорова: вся Земля до самых труднодоступных и неблагоприятных мест заселена и преобразована, связана в единое целое эффективными линиями сообщений и передачей информации, и уже человечество, живое и мертвое, все в совокупности, составляет число, пропорциональное количеству безжизненных миров вселенной. В этой пропорции провидится свой замысел и красота: единым человеческим родом заселить всю вселенную, единую огромную горсть персти земной забросить и рассеять в необъятности звездного мира.

Вернемся к рассмотрению «генетической» интуиции восстановления умерших, всюду пробивающейся в прогнозирующем умозрении Федорова. Способы познания отцов и предков в себе, т. е. выявление их наследственной информации, их черт, тех, что они вили в нас, своих потомков, будут все увеличиваться и утончаться, — считает мыслитель: «...тогда в каждой человеческой душе образы родителей получат точную определенность, и если бы всеобщее воскресение зависело непосредственно от мысли, то оно тогда же и совершилось бы» (409). В пределе ставится задача просветить весь наследственный ряд, говоря нынешним словом, последовательный генетический «код» человечества, как известно, восходящего к немногим прародителям. Душе Федорова настойчиво преподносится одна картина: сын и дочь воскрешают своих отца и мать, те своих и так далее, семья за семьей, поколение за поколением, раскручивается, оживает все свернутое временем полотно сознательной, чувствующей, личностной жизни. Конечно, тут несколько спрятанный образ: в реальном воскрешении, может быть, большую ценность в отдельных случаях будет иметь информация, полученная от боковых или более дальних наследственных линий: племянников, внуков и т. д., во всяком случае будет приниматься во внимание все сложнейшее и тончайшее сплетение генетических связей.

Итак, что же мы можем восстановить из себя и из самого обширного познания наследственных корней умершего предка? Очевидно, некую генетическую «формулу» его организма, которую он по частям записал в своих потомках. И вот эти «части» собраны в уникальное целое. Эту же, условно говоря, «генетическую» интуицию мы встретим и у эсхатологов. Христианский платоник Ориген высказывал идею некоего «рацио», «жизненного зародыша», содержащего уже в семени программу целого человека (что это, как не генетическая, хромосомная программа), и это «рацио» (или иначе «вид», «эйдос», как у Григория Нисского), сохраняющееся, как уже отмечалось, и в рассеянных частицах тела, как раз и должно явиться тем нетленным семенем, из которого пустит

росток воскресаемый организм. В логике идеи активного имманентного воскрешения возникает вопрос: где искать это «рацио», это «нетленное семя». И может быть, один из путей или лишь отрезок пути, действительно, пролегает через живых потомков, носителей отдельных граней генетической формулы предков и отцов.

Но вряд ли этого достаточно для воскрешения целостной личности. Через генетическую «формулу» можно будет воссоздать скорее всего потенцию личности, определенную формальную предрасположенность, возможность стать тем, чем человек был, сосуд его личности, как бы генетический двойник, а не самое личность. Уникальная восстановленная форма, конечно, многое определяет в содержании личности, но далеко не все. Ведь у эсхатологов основным оживляющим фактором является все же сама бессмертная душа, возвращающаяся в материальную форму, иначе говоря, главное — обретение самосознания личности, без него будет только физическая копия бывшей личности, ее бессмертный «одноязычный» близнец.

Сейчас, на стадии предвосхищения, невозможно угадать, как и где сохраняется душа человека, его самосознание после смерти, и сохраняется ли вообще, достаточно ли воспроизвести уникальную генетическую структуру организма, по ней его восстановить, чтобы к нему вернулось сознание, или необходимы какие-то дополнительные поиски души. Как эсхатологи окончательный довод относят к Богу, его сверхъестественным возможностям, так Федоров тот же довод адресует к исследованию и труду, т. е. к опыту в небывалом всечеловеческом и вселенском масштабе, направляемому убеждением в том, что совершается он по высшему велению. Сам ход и результат опыта обнаружат, куда идти, где искать, как решать.

Безусловно одно: сама смерть, ее причины, изменения, происходящие с человеческим организмом в процессе умирания, и особенно посмертное состояние должны войти в круг изучения и эксперимента. Федоров проектирует целостный, осмыслиенный во всех деталях уклад жизни общества, принявшего высшую цель «всеобщего дела», и в нем кладбище — в самом центре поселения. Необходимо с раннего детства пестовать чувство единства с умершими, сознание ненарушаемой смертью связи с ними. А эта связь не только нравственная, но физически и психически объективная: «и внутри предки против своей воли властвуют над своим потомством (закон наследственности, атавизм), доказывая тем солидарность всех поколений» (363).

Что остается от человека после смерти, действительно ли его покидает некая его бессмертная сущность, душа, «облачко памяти», некое биополе (которое, якобы, видят и у умерших в ослабленном виде, но видят экстрасенсы), где эта сущность сохраняется, в каком виде — вот один из бесчисленных вопросов, которые предстоит разрешать точному знанию, любовному чувству сынов человеческих. Между прочим, можно предположить «фантастическую»

возможность восстановления содержания личности воскрешаемого через ее стенограмму в памяти, причем на путях того собирания частиц, о котором Федоров мечтал в первом варианте воскрешения. Память — это отражение, идеальное эхо события, переживания, чувства, мысли и т. д., складывающееся как запечатленный результат нашего «я», на хранение в мозговые клетки. Поскольку память — отражательной природы, ее «кванты» могут быть представлены в виде неких волн-частиц, совершенно уникально-оригинальных в каждом случае. Отыскание и собирание их средствами «космотеллурической науки и искусства» или обретение их где-то сохраняющейся целостностью («облачко памяти») может оказаться более целесообразным, чем собирание буквально всех распавшихся частиц праха, тем более что оказывается достаточно и одной или нескольких частиц для восстановления целого организма.

Мне кажется ценным представить все те гипотетические варианты воскрешения или, скорее, различные дополняющие друг друга стороны одного воскресительного процесса, которые являлись вдумывающейся фантазии, пророческим вспышкам сыновнего гения Федорова. Выше уже отмечалось, как «наука бесконечно малых молекулярных движений, ощущимых только чутким слухом сынов, вооруженных тончайшими органами зрения и слуха, будет... разыскивать молекулы, входившие в состав существ, отдавших им жизнь, разыскивать всюду, но прежде всего извлекать из толщ земли, этого кладбища неисчислимых (точнее уже исчисленных к тому времени) поколений наших предков, наших отцов и матерей да и нас самих. Федоров предполагает, что распавшиеся телесные молекулы покойных должны сохранить в себе некую, пусть очень слабую, индивидуальную вибрацию (теперь бы, может быть, сказали след «биополя»), которую наши воскресители сумеют не просто уловить, но даже любовно опознать. Возможно определенное симпатическое принятие близкой, родственной волны, излучаемой частицами праха и идущей из раскрываемых глубин земного вещества. «Эти-то дрожь и трепет (молекул праха. — С. С.), — пишет Федоров в небольшой заметке «Родители и воскресители», где единственно и изложены именно эти воскресительные интуиции (II том «Философии общего дела»), — находятозвучный отзыв в содрогании частиц в существах живущих, связанных родством с умершими, коим принадлежали эти частицы». Бережно раскупорить толщи земли можно будет — предполагает Федоров — силой регулируемых воздушных потоков; они отрезают путь водам, несущим частицы праха наружу, где вступают в действие лучи света, ставшие «орудием совокупной, благой воли сынов человеческих»; эти лучи «способны к выбору, т. е. под их влиянием сродное будет соединяться, а чуждое отделяться». В творческой грязи Федорова вдруг мелькает смутное, но особо впечатляющее видение неких лучевых «оптических образов отцов», очевидно они являются собой одну из завершательных стадий воскресительного про-

цесса. Рисуется грандиозная своим художественным визионерством картина «строительной деятельности лучей»; они фокусируют вибрации молекул разрушенного тела и собирают их в цельный лучевой образ умершего, выводимый наружу и постепенно материализуемый: «Лучи от этих содроганий (частиц праха. — С. С.), проникая к поверхности, идут вместе с отраженными и другими лучами, составляя не только наружный образ земли и живущих на ней, но и внутренний с разлагающимися в ней умершими. При управлении или регуляции движениями других, кроме Земли, небесных тел лучевое изображение может быть отражено обратно к земле, где, как мы видим, скрытые в глубине частицы вынесены наружу. Возвращенные к земле, из земли и от земли вышедшие, и притом в последовательном порядке, лучи носят в себе образы существ живых, а потом и умерших, образы их разложенных на частицы тел; эти-то лучи, встречая частицы, воссоединяют газообразные молекулы атмосферы с твердыми на земле. Процесс, которым производилась бессознательно плесень или растительные формы, при сознании станет соединителем частиц в живые тела, коим принадлежали частицы» (II, 274)¹.

Так это будет или иначе — Федоров не настаивает на абсолютной верности своих воскресительных прогнозов; тут важнее всего намекнуть на возможности для поиска, намекнуть и развязать смелость наших собственных дерзаний. Без таких, пусть научно-наивных, разработок, пробных фантазирующих гипотез (а кто знает, может быть в них немало провидческой мудрости, и, как все гипотезы, они могут быть отвергнуты или подтверждены только практикой) воскрешение как «всеобщее дело» вовсе повисло бы беспочвенным желанием, благодушной фразой.

Проекты воскрешения у Федорова одушевляет одна гениальная интуиция; восстановление умерших никогда не мыслится им так, как это происходит, например, в научно-фантастических произведениях, изредка заглядывающих и в такую «безумную» мечту. Там объективно-научно воплощается в жизнь некий изобретенный рецепт бессмертия и воскрешения. У Федорова же это «дело личное каждого, как сына, как родственника» (II, 274). Воскрешение предчувствуется как глубоко интимный, высоко и интенсивно любовный, эротический процесс, в ходе которого сыны человеческие сознательно «рождаются» из себя всеми своими тончайшими и колossalно сосредоточенными энергиями вкупе с материей и силами внешнего мира, ставшими послушными их регулирующей воле, своих родителей, а те своих, и так постепенно всех людей, родственников одной, ныне далеко разошедшейся человеческой семьи. По текстам философа воскрешения пробе-

¹ Именно эти художественно-прогностические интуиции Федорова произвели особое впечатление на художника Василия Николаевича Чекрыгина, зrimо вплотившего то, что грезилось его философскому учителю. На графических воскресительных листах его неоднократно возникает разработка именно идеи лучевых образов воскресаемых, «строительной деятельности лучей».

гают обжигающие сполохи подобных откровений: «Всеобщее воскрешение не художественное только творение из камня, на полотне и т. п.; не бессознательное рождение, а воспроизведение из нас, как огонь от огня, при посредстве всего, что есть на небе и на земле, всех прошедших поколений» (152) (выделено мной. — С. С.). А вот фраза-мыслительный микрокосм, в ней стянуты все пути воскрешения, преподносившиеся пророческой мечте Федорова: «В воскрешении сыны человеческие в их совокупности являются по подобию Творца воссоздателями из праха земли и по оптическим образам небесного пространства тел отцов, оживляемых собственную жизнью сынов, от отцов полученною» (II, 200). Итак, тут и сбиение частиц праха, отмеченных индивидуальной метой, и некий «оптический образ» умершего (душа?, биополе?) и, наконец, главное — сами воскресители, сыны и дочери, извлекающие из себя (наследственно-генетически, материально-духовно) своих отцов и матерей.

Растительная метаморфоза, точнее, превращение посаженного зерна в новый колос, становится той центральной аналогией, что образно намекает на природу воскресительного акта и у христианских эсхатологов, и у провозвестника «всеобщего дела». Эта аналогия восходит, как известно, к апостолу Павлу. Именно он, можно сказать, первый философ воскресения, из самых глубин особого проницающего знания исторг первоопределения будущего воскресительного преображения: «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно... Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении... сеется тело душевное, восстает тело духовное... Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба» (I, Кор., 15, 35—37, 42, 44, 47).

Григорий Нисский разворачивает подобное же видение, углубляя его рядом точнейших уподоблений: «Ибо как пшеничное зерно по разложении своем в земной глыбе, оставив количественную малость и в качестве наружного вида отличительное свойство свое, не утратило себя, но, само в себе пребывая, делается колосом, весьма много отличающимся от себя самого величиною, красотою, разнообразием и наружностью: таким же образом и естество человеческое, оставив в смерти все свои отличительные качества, какие приобрела страстным расположением, разумею не честь, тление, немощь, разность возраста, не утратило себя самого, но как бы в колос какой пременяется в нетление, славу, честь, силу, совершенство во всем; и жизнь его не естественными управляет уже свойствами, но переходит в некое духовное и бесстрастное состояние» («О душе и воскресении»). Воскресение не мыслится без преображения, но каковым оно будет? Ответ дается самый общий: восстановление человека в его первобытной, райской, нетленной красе. Тело воскресения необходимо как форма, как сосуд восстанавливаемой личности, но соткано оно, по словам Григория Нисского,

уже «не в этом грубом и тяжелом составе, а так, что нить сложится в нечто легчайшее и воздушное» (там же). Не говоря уже о всякой физической немощи, болезни и телесном уродстве, но и сами органы, обслуживающие земно-греховную, пожирающую и убийственную природу человека, не являются, по его мнению, неотъемлемым достоянием человеческого естества в его божественном замысле, т. е. каким оно было до грехопадения и будет по воскресении. Воспринятая в страстно-природной жизни «кожа» смертных созданий, такие связанные с нею отправления, как «плотское смешение, зачатие, рождение, нечистота, сосцы, пища, извержение, постепенное достижение совершенного возраста, зрелость возраста, старость, болезнь и смерть», как, следовательно, и части тела, возникшие для этих нужд, должны целиком преобразиться. Действительно, даже в нашем теперешнем существовании составляет ли глубокую сущность человека его внешний телесный вид? Ведь сам он изменяется на протяжении жизни, и часто до неузнаваемости, при том, что самосознание человека, ощущение тождества его личности остается. Изуродованный, обожженный, скрученный болезнью и старостью человек — тоже «я», и только это «я» жаждет бессмертия и должно его обрести.

Душа, носительница «эйдоса», «идеального» информационного набора характерных черт приданного ей организма, восстанавливает тождество воскресенного тела с прежде жившим, но в обновленной, радикально претворенной комбинации. Точно описать ее сейчас нет возможности, но отец Церкви по крайней мере твердо знает чаемый идеал, то, чем тело не будет: оно не будет тленным, страдающим, превратно-текучим, слабым. Общие качества, в которые оно должно быть облечено: это слава, честь, сила, нетление. Григорий Нисский склонялся к мысли о повоскресном исчезновении таких материальных свойств, как тяжесть, считал, что такие особенности телесной формы, как «цвет, вид, очертание... должны измениться в нечто более божественное». Нынешний канон природной и телесной красоты, созидаемый особо гармоничным для глаза впечатлением от соединения объемов, черт, цветов, будет изменен. Ведь, скажем, форма того же человека создается сейчас исключительно всей совокупностью его работающих телесных частей. Органы пищеварения, дыхания, размножения, выделения и т. д. своими объемами, очертаниями и образуют форму тела.

Естественно, что сам вид бессмертного создания, преодолевшего закон пожирания и вытеснения, будет уже иным. Не может, впрочем, целый ряд эстетических сторон, в которых провидят и теперь высший лик и лад, быть целиком дискредитирован в вечности: симметрия, особое благообразие и одухотворенность форм или, напротив, живой причудливый ритм их сочетаний.

В своих воскресительных проектах Федоров углубляет эсхатологическую параболу зерна, распространяя ее на все земледелие; ведь в определенном смысле оно представляет собой естествен-

ное тканетворение новых органических форм из гнили и праха прежде живших существ. Земледелие существенно отличается от промышленности: последняя умертвляет, расчленяет, препарирует живые вещества, первопродукты природы и сельского хозяйства для производства мертвых вещей, в том числе наших искусственных покровов всех видов от одежды до жилища, а также разного рода предметов комфорта, всех вместе маскирующих фундаментальную необеспеченность человеческой жизни. «Всеобщее дело» способна осуществить в полном объеме только новая небесно-земледельческая культура. Покинув пути городской, мануфактурно-промышленной цивилизации, служащей потребностям эфемерного наслаждения, в тени которой неизбежно роятся мрачные призраки всеобщей розни, соперничества, войны и взаимоуничтожения, небесно-земледельческая культура ставит главной целью органический прогресс, творчество самой жизни, самосозидание живых, естественных тканей тел живых и воссоздание умерших, причем в новом качестве, способном к тому же самосозиданию. Человек должен так чутко войти в протекающие в природе естественные процессы, чтобы можно было по их образцу — но на более высоком, сознательном уровне — обновлять свой организм, строить для себя новые органы, овладеть направленным, творческим тканетворением: «...земледелие, управляя метеорическими процессами земли, будет все глубже входить в жизнь растительную, усвоять себе растительные процессы, пользоваться созидающей силой живого организма, чтобы самому себе фабриковать всю свою телесную оболочку со всеми органами, кои делали бы ненужными искусственные покровы и орудия, т. е. всю мануфактурную деятельность» (377). Тут особенно очевидно, что при постоянном изобличении природного порядка существования, стихийного хода смертной жизни как недостойного для чувствующего, сознательного существа факта, Федоров никогда не был врагом природы в совокупности ее неодушевленных и одушевленных объектов и существ и более того оставил указания, как всю природу целиком «обратить в целебную, животворящую силу, в орудие исцеления, оживления» (381).

Бессмертие возможно только при условии преодоления изолированности нашей земли от космоса при одновременной регуляции космических явлений: «Каждый обособленный мир по своей ограниченности (средств к жизни. — С. С.) не может иметь бессмертных существ» (350). «Земля — только исходный пункт, а целое мироздание — поприще нашей деятельности» (371). Все космические проекты Федорова включены в высшую цель достижения бессмертного, обожженного статуса мира. Идеал «сельского знания» — не благостная примитивная идиллия, а призыв к «небесной жизни»; только тяжким трудом человечество постепенно преодолевает природный принцип всего космического бытия.

Воскрешение невозможно для ограниченных физически, смертных существ, рабов теперешнего типа паразитарной жизнедеятель-

ности. Приходится особенно настаивать на этой самоочевидной истине; Федоров поразительно упорно развивал как раз момент преображения в воскресительном процессе, и тем не менее его критики как-то ухитрились этого не заметить, тупо упрекая учение «всеобщего дела» чуть ли не в «некромантии», «воскрешении трупов», «воскрешении смерти, каннибализме».

Федоров не устает повторять, что все даровое, природой данное в слепом рождении человек должен «выкупить» трудом, заменив на сознательно-регулируемое, творчески-трудовое: «наше тело будет нашим делом». Только самосозидающий человек сумеет воскрешать. Повторим и мы, что воскрешение идет одновременно с преображением самого организма воскресителей и воскрешаемых. К идеи апокатастасиса, восстановления уже существовавшего состояния «первого Адама» Федоров добавляет активно творческий момент: созидание в процессе Дела существенно новых качеств, более высокого онтологического уровня человека, чем когда-то бывшего, даже в раю.

Строить и воссоздавать себя человек научится из окружающего вещества (автотрофность), сумеет и «скоплять в себе запасы и солнечной силы». Полноорганичность — так называет русский философ обретаемую в будущем способность создавать себе всякого рода органы: это «полное подчинение органов личностям, господство сознания, дающего, вырабатывающего себе органы» (441). Полноорганичность — одно из достижений творческого самосозиадания человека: необходимые органы будут меняться в зависимости от среды обитания, прохождения, действия. «При сосуществовании, при полноорганичности личности бессмертны, а последовательность является свободным действием личностей, переменою форм, путешествием, так сказать, при коем меняются органы, как экипажи, одежда (т. е. время не будет иметь влияния на личность, оно будет их действием, деятельностью» (438—439). Кстати, подобное видение, но не как результат человеческого свершения, а как готовый факт преображения, мы встречаем и у эсхатологов. Ориген, в частности, отмечал, что будущее «эфирное тело» (иноскажение для Павлова «тела духовного») окажется «способным изменяться сообща» разно с местом, на котором оно будет пребывать».

Если воскрешение, осуществляющее сосуществование личностей вместо природной последовательности приносит тем самым победу над временем, то через полноорганичность, дающую возможность для «последовательного вездесущия», — человек действительно покоряет пространство. Действенная проектика Федорова не знает мистики: овладение временем не что иное, как направленная регуляция процессов жизни, исключающая индивидуальный ущерб; победа над пространством, еще одна важнейшая составляющая бессмертного статуса бытия, означает «всемирность» в смысле возможности «безграничного перемещения».

Как бы ни разнились эсхатологические взгляды учителей христианской Церкви, одни склонялись к так называемой спиритуали-

стической линии, утверждавшей условный характер адских муки и конечный апокатастасис, другие придерживались более ортодоксально-церковной позиции, верящей в вечность адских мучений, — и те, и другие признавали единую последовательность операций «конечных времен»: вначале идет воскрешение всех умерших при предполагаемой трансформации их «тела душевного» в «тело духовное», то есть их преображение, и только потом суд над ними и приговор и, наконец, полное уничтожение, «сгорание» старого мира и претворение всей природы в «новое небо и новую землю». Глубокая разумность именно такого порядка спасения по настоящему выступает только в логике идеи апокатастасиса, дальнейшее развитие которой является как раз активное христианство Федорова. Признание неизбежности осуждения грешников на адскую муку, и это уже не просто после воскресения в то же земное безобразное тело, самой своей природой, можно сказать, обрекавшее на грех, а после преображенного восстания в «теле духовном», представляет собой некий абсурд. Как же это «тело духовное», «образ небесного», предполагающее и другой уровень сознания в нем, должно идти в неизбытную «геенну огненную»? У Григория Нисского (и его предшественников) суд и осуждение раскрываются как некая духовная операция выживания в себе греха, въевшегося в земную натуру человека. Это и есть «адские муки», ведь подобное осознание всей своей гнили, всех губительных последствий прежнего поведения, покаяние в них и постепенное внутреннее избытие греха — дело болезненное и тем оно страшнее и длительнее, чем большим злодеем был человек. Ад не имеет пространственного бытия, т. е. это не определенное место мучений, а особое нравственное состояние, заключающееся в мучительном «врачевании от скверны греха». И «...по большему или меньшему количеству вещества (греха. — С. С.) возгорится мучительный оный пламень на время, пока будет питаящее его» («О душе и воскресении»). Но почему же подобный «суд» и «адские муки» не предшествуют преображению, ведь последнее, казалось бы, должно быть результатом первого, т. е. преображение результатом нравственного очищения? Но в том то и дело, что пройти сознательный «ад», понять всю глубину своей вины и перестрадать ее человек может только на высшем уровне сознания и оценки, который дает ему новая духовная, небесная «физика» преображенного тела. Если бы он воскрес буквально в том же виде, в каком жил, тогда он фатально мог быть лишь осужден на вечные муки как мерзавец и грешник (каковых большинство живущих), и только малая горсть святых и праведников явила бы в себе светоносные задатки для небесной обители.

Идея необходимости преображения при восстании из мертвых одна несет в себе абсолютную надежду на спасение всех. Эта глубочайшая интуиция выражена у Григория Нисского так, что по воскресении все будут обладать единым телесным совершенством, но разниться в смысле нравственного состояния их душ, иначе

говоря, всем будет дана одна физическая возможность оценить качество своих жизненных действий и, так сказать, подтянуть свою душу до бессмертного и славного ее телесного уровня. Вот тут-то с высоты новой природы, лишенной естественной необходимости вытеснения, пожирания и убийства, самосознание человека, его душа, полностью возвращенные в тело — иначе не будет и воскресения — проходят свой «крестный путь» нравственных муки за прежнее свое земное существование, с которым они сохраняют полную преемственность и за которое несут ответственность. Только после воскресительного преображения плоти, освобождения души от рабства тленю, рабства материи и чувствительности становится возможным сознательный, свободный и всеобщий отказ от зла, от злого выбора. Иррациональный, природный корень зла будет вырван для всех через обретение новой природы. Кто же может остаться носителем зла? Будет искуплен и простится и Сатана, и Иуда, и Нерон, и убийца собственных родителей, и сладострастный истязатель слабого. Зло не просто исчезнет, — считает св. Григорий, — но не оставит в конечном итоге по себе и памяти¹.

Наконец, последний этап эсхатологической катастрофы: окончательное уничтожение, сжигание этого мира, выход в новый эон божественного бытия, в «Царство Славы», находит свое отражение и в логике учения общего дела. Под этим финалом надо понимать не просто воскрешение людей, их преображение и искупляющее очищение (содержание предыдущих этапов), а радикальное изменение самого статуса бытия: Воскнесенные, бессмертные, самосозидающие существа не могут существовать каким-то аномальным островком в природном, космическом мире, где все имеет начало и конец, все сгорает и «падает» (закон энтропии), одно вытесняет другое от живого существа до неживой материи. Все, другими словами, живет во «времени», т. е. деградирует, сходит на нет, что для чувствующего сознательного наблюдателя приняло вид понятия «времени». Когда же воцарится, по слову Гр. Нисского, «непоколебимость и устойчивость», т. е. регуляция космических процессов, то «все временное бытие прекратится и исчезнет». Торжествуют новые принципы бытия; описаны они могут быть пока достаточно метафорически: любовь как тип связи всего со всем (а не вражда и вытеснение, нерасторжимая обратная сторона космического Эроса, точнее говоря, не нынешний дуальный Эрос), любовь по типу Троицы, когда каждая часть не вытесняет другую и не сливаются с ней в безразличное единство, взаимная прозрачность, свет, блаженство.

¹ Среди аргументов, приводимых отцом Церкви в пользу идеи апокатастасиса, всеобщего спасения и полного уничтожения зла, среди свидетельств Библии, теологических, метафизических положений (главное из которых: зло не обладает самостоятельной природой и есть лишь «лишение добра») особенно убедителен довод психологического порядка: добро несет в себе возможность неограниченного развития, зло же имеет свой предел; в крайней своей точке оно может дойти или до самоуничтожения, или... превратиться в добро.

Но то, что эсхатологи представляли себе как некий сверхъестественный катастрофический миг перехода в божественное состояние мира («Бог всяческая во всех»), для Федорова — длительный процесс творческого труда по преображению природы мира. Созидаемый статус бытия, основанный на постоянстве и неразрушимости, должен поддерживаться титаническими творческими усилиями сообщества бессмертных людей. Конец преобразовательной деятельности фактически не положен, ибо выход в вечность знаменует начало истинно свободного, ликующего, бесконечного творчества в блаженстве и красоте, распространенного на всю вселенную. Тут не вечный покой, блаженное созерцание Бога, вечного Света, чем обычно занимают жителей «нового неба»; уподобление божественной сущности означает овладение творческой природой Духа, ее развитие, принятие на себя радости и (возможно!) мук созидающего труда, того «Отец мой доселе делает и Я делаю», что есть высшее выражение активного Идеала.

Почему божественный, идеальный мир всегда представлялся неизменным, неподвижным, застывшим в каком-то блаженном, осиянном славой столбняке? Движение, изменение, становление в пределах природно-космического мира (его единственно человек прямо физически знает) всегда шло и идет с индивидуальным ущербом, несет в себе умаление и гибель личности, особи, единичной вещи. Несмотря на весь победоносно-великолепный, обновляющий пафос становления (включавший в себя, не забудем, и результат некоего качественного возрастания), на дне его потока для человека всегда оставалась горечь, боль от исчезновения единичного и единственного. Это и дискредитировало в ценностном плане Высшего Идеала сам тип становящегося и развивающегося бытия. Неприродный, бессмертный порядок мыслился прежде всего изъятым из потока становления, абсолютно неизменным, равным себе, беспримесным, чистым и т. д. (бытие идеальных сущностей Платона, Царствие Небесное христиан). Федоров же понимает это Царствие в труде, в движении, в творческом развитии. Здесь его оригинальный вклад в высший идеал: русский мыслитель поставил новую задачу — овладеть типом развития, лишенным индивидуального умаления, типом благого становления. Это и есть жизнь вечная, именно жизнь, а не неподвижно-косное, какое-то элеатское или платоновское бытие, в котором пребывают не преображеные личности, их бессмертный союз, а вечные «консервы» прекрасных идей, отвлеченных, провективных. Незменность, непоколебимость, устойчивость — эти качества всех вещей Царствия Небесного скорее описывают самое общее свойство процессов, которые идут уже без разрушения и «падения», а также принцип охраны живой личности, как бы ее иммунитет в вечности.

Федорова часто называют утопистом в том смысле, что он ставит ненаучные, фантастические задачи человечеству: управление всем космосом, воскрешение предков. Это, мол, безумные мечты,

идущие от прекрасной и максималистски настроенной души. Все бы этого хотели, но, увы, природные стены не прошибешь человеческим лбом, как бы он ни стал высок. Даже самые большие оптимисты, такие, как выдвинувший теорию антропокосмизма украинский академик Н. Г. Холодный, признающие за разумом огромную потенцию преобразующей активности, останавливаются перед высоким порогом имманентной «природы вещей». Законы природы и ее центральный — смерть — нерушимы. Человек — звено эволюционного процесса природы, из которого он не может выскочить волевым актом.

Но обернемся на эволюционный процесс: в нем светят моменты великих и, казалось бы, сверхъестественных метаморфоз, точки, в которых как будто прямо оперировало «чудесное». Мертвое, получающее способность жизни; жизнь, выделяющая сознание, — вот эти гигантские скачки, между которыми длительнейшие полосы развития, заполненные кишением бесчисленных форм от простейшей органической клетки до сложнейшего млекопитающего и человека. Этими двумя фантастическими переходами сама реальность в принципе доказывает возможность невозможного. Так почему бы не допустить возможность нового «скачка» такого же чудесного качества, такого же невероятного градуса, как возникновение живого, сознания, но «скачка» уже сознательно осуществленного. И это новое качество может быть только в преодолении самого породившего сознание природного порядка существования, в победе над смертью, восстановлении бывшего, вытягивании цепочки последовательности в круг, хоровод существования.

Теперь допустим, что человека удалось убедить, что преобретенный, бессмертный тип бытия может быть создан, что это не сумасшедшая мечта. Доказано, рассчитано. Пойдут ли все на его строительство? Человечество привыкло к своему состоянию части животно-природного царства, в котором рождение и смерть естественны, как естественна самоотверженная любовь к детям, ближайшему звену относительно бессмертной родовой цепи человечества. Сами тревожно-драматические условия человеческой жизни (краткое время и тесное пространство) рождают особое напряженное усилие мысли — вопреки всему понять, что создать, оставить после себя? «Вопрос о злом и благом начале по всей справедливости может быть назван вопросом «быть или не быть», разрешаемым совокупным действием всего рода человеческого» (I, 119). Выберет ли человечество высшее благо, жизнь вечную, роль творческого регулятора вселенной? Или сильнее окажется «похоть плотская» природного существования? Федоров настойчиво зовет вырваться из сладострастного гипноза похоти и смерти, полюбить радость преображающего труда и космического творчества, красоту света чистого, нетленного.

КОСМИЗМ КАК НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Н. Г. Боголюбова, Е. Л. Тюрин

I

После великого переселения народов в III—II тысячелетиях до н. э. основной чертой жизни большинства человечества стали оседлость и связанное с ней постепенное овладение природными ресурсами земли. Невысокий уровень развития цивилизации не позволял человеку стать по силам вровень с природой, поэтому его первобытная тяга к завоеваниям жизненного пространства неоднократно приводила к междуусобным войнам народов за мировое господство. История сохранила память о тяжести римского сапога, топавшего земли трех континентов; Европа и Азия содрогнулись от тяжкого топота монгольской конницы, стеревшей с лица земли многие народы и государства; в двух недавних мировых войнах человечество нанесло своему телу ужасные раны, обратив в пепел и прах десятки миллионов людей. В последние же десятилетия люди повели тотальную мировую войну уже против природы и, стремительно совершенствуя научно-технический потенциал, вышли на планетарный уровень военных действий в своем собственном доме, против своей собственной Земли. Побежденная планета уже сейчас вынуждена кормить за счет своих ресурсов 5 млрд. человек, причем, по прогнозам ООН, население в следующем столетии может достигнуть 14 млрд. Баловый продукт современной мировой экономики, который, как известно, создается за счет природопользования, уже составляет более 13 трилл. долларов и в следующем столетии может возрасти в 5—10 раз. Энерговооруженность человечества может сравняться разве что с энергией глобальных явлений и катализмов.

Природа побеждена, но побежденным оказался друг и кормилец. Слишком поздно человечество стало реально осознавать через печально известные «глобальные проблемы» всю остроту и даже ужас своего положения. Оскдение биосфера и топливно-минеральных ресурсов, угрожающий рост радиационного загрязнения, нарушение защитного озонного слоя в атмосфере планеты, распространение СПИДа — уже этот далеко не полный перечень проблем может привести человечество к катастрофе в ближайшее десятилетие, если еще ранее по чьей-либо злой воле на Земле не начнут взрываться ядерные бомбы над мирными городами и селениями!

Человечество поставлено перед фактом невозможности «влиять» свою деятельность в структуру планеты Земля при сохранении старых, «захватнических» концепций развития материального и духовного бытия. Хочет оно того или нет, но для обеспечения выживания необходимо осознать себя участниками строительства ноосферы — сферы разума — в космических масштабах, осознать

необходимость «нового мышления» во всех видах деятельности, посмотреть на свое земное бытие как на момент бытия космического, порождением и надеждой которого является коллективный разум. Современная парадигма человечества должна включать в себя как необходимый элемент «космический взгляд» на вещи, что и составляет суть концепции космизма, которую в знак признательности выдающегося вклада в разработку ее основ русских учених Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и других часто называют «русским космизмом».

Как и всякая бурно развивающаяся теория, космизм еще не имеет сложившейся общепринятой системы понятий, более того, фактически отсутствует его определение. По нашему мнению, сейчас уже можно предложить такое определение, описывающее происхождение, состояние и направление развития новой концепции. С точки зрения космизма:

— человеческий Разум является качественно новым этапом саморазвития, эволюции Космоса; он не только порождается законами природы, но является одновременно источником новых закономерностей, способных управлять дальнейшим развитием Вселенной;

— человечество рассматривается как космический объект нового типа, создающий себе новую сферу обитания — ноосферу — и являющийся ее центральным, определяющим звеном;

— ноосфера имеет общую тенденцию расширения за пределы Земли на всю Вселенную в соответствии с ее специфическими «разумными» законами, «морализуя» дальнейшую эволюцию Космоса.

Данное определение включает в себя весь комплекс идей основоположников не только отечественного, но и зарубежного космизма, наиболее выдающимся представителем которого является Тейяр де Шарден; дает основу для анализа политических, социальных и экономических проблем современности; уточняет роль этических и эстетических принципов в деле космизации общества. Но если естественнонаучный аспект ноосферных представлений обычно не вызывает сколько-нибудь серьезных возражений, то морально-этическая сторона вопроса трактуется иногда очень широко, вплоть до подмены тезиса о космизации гуманизма («человеческая природа» у К. Маркса) тезисом о божественном целеполагании. По нашему мнению, именно морально-этические и эстетические принципы, находящиеся в непрерывном становлении и развитии, обеспечивают истинно комплексное, а не только технократическое единство человека и природы, так как в отношении к природе, по всему нашему «бесконечному телу» «яснее всего видно, в какой степени осуществлялись фундаментальные ценности человека»¹. Человек, а не божество, ставит себе цели, осуществляет их и несет за них перед мирозданием всю полноту ответственности, даже если сущность этих целей ему не вполне ясна.

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 42, с. 123.

По образному выражению Н. Ф. Федорова, все мы, как «точно так же и художники суть только ученики, пробующие себя на камне или полотне... А между тем нравственность не только не ограничивается личностями, обществом, а должна распространяться на всю природу. Задача человека — морализовать все естественное, обратить слепую, невольную силу природы в орудие свободы»¹.

II

Истоки космизма уходят своими корнями вглубь тысячелетий. Уже первобытные верования наших далеких предков носят отчетливо выраженный космогонический характер, при этом люди и животные являются собой микрокосмы. Читая древнеиндийские пураны, поражаешься грандиозными пространственными и временными масштабами, в которых живут герои многих мифов — от глубоких земных недр, где владычествует Яма, до созвездий Большой Медведицы и метагалактических окраин, где обитают Браhma и другие божества и где часы превращаются в миллионы лет (например, половина суток творца Вселенной составляет 43,2 млн. лет). Для древнего человека космос рассматривался не как нечто отвлеченное, но как вместилище бессмертной души, представление о которой развивалось, видимо, одновременно с созданием погребальных культов.

Нравственные истоки космизма непосредственно усматриваются в философско-религиозных учениях древних народов Китая и Индии, которые в силу особых условий проживания на ограниченных территориях при большой плотности населения и постоянной нехватке продуктов питания обращали внимание прежде всего на поиски рецептов выживания и в природе, и в обществе. В соответствии с учением великого китайского философа Лао-цзы (VI в. до н. э.) «Воздержание — это первая ступень добродетели, которая и есть начало нравственного совершенства»². Создатель другой широко известной философской школы Китая — Конфуций — также основное внимание уделял учению о правилах поведения, о правильной жизни. В частности, в его книге «Чжун-юн» доказывается необходимость соблюдать во всем гармонию и не вдаваться в крайности. Совершенству, гармонии необходимо долго и упорно учиться. По китайской традиции, «мало человеком уродиться, надо еще родить в себе человека».

На творчество основоположника русского космизма Н. Ф. Федорова значительное влияние, несомненно, оказал культ предков (отцов), о котором очень часто упоминают древнеиндийские гимны Ригведы, созданные арийцами в очень глубокой древности. В отличие от китайской традиции, в философских воззрениях древних индийцев преобладают мотивы миро- и жизнеотрицания, откры-

вающие путь к безмятежности и покою. Знаток индийской философии А. Швейцер писал по этому поводу: «Основываясь на миру и жизнеотрицании, индийская мысль в области этики приходит к идею..., что наше этическое поведение должно относиться не только к другим людям, но ко всему живому. Европейская мысль и по сей день пытается не замечать проблем, связанных с тем, что область и требования этики не знают границы»¹. В соответствии с древнеиндийской заповедью ахимсы — «неубиения» «...если человек осознает свое единство со всем сущим, он не может причинить вреда ничему живому, не страдая от этого сам»². Швейцер очень тонко подмечает глубину и диалектичность мировоззрения древних индийцев, которое решает прежде всего «фундаментальный вопрос духовного единения человека с бесконечным бытием и, исходя из этого, определяет, как ему относиться к самому себе и к явлениям мира», в противоположность учениям Заратустры, израильских пророков и христианства, которые «учат человека, кем он должен быть в мире»². Любой наперед заданный идеал превращает человека, по-существу, в раба, отнимая у него право сотрудничества с природой, что несовместимо с воззрениями космизма.

Говоря о русских истоках современного космизма, прежде всего обращают внимание на присущую русскому народу особую «соборность» мышления, которая так естественно и гармонично вписывается в концепцию космизации. Но подобный космизм русичей был куплен дорогой ценой. После смерти Владимира Красное Солнышко и коварного убийства Святополком Окаянным князей Бориса и Глеба древняя Киевская Русь погрузилась в лишь изредка успокаивающуюся пучину кровавых междуусобных войн. Безымянный автор «Слова о полку Игореве» с великой болью в сердце оплакивал бессмысленные жертвы великого народа:

Так вот при Олеге, Олеге Гориславиче,
Прорастало поле русское усобицами;
Редко достояние Даждьбожье стало славиться
По весне распаханными мирными околицами.
Часто стали вороны граять в перебранках,
Трупы человечьи друг у друга рвать,
Галки говорливые сбираясь спозаранку
На добычу страшную в поле вылетать.

(Перевод Е. Тюрина)

Великая смута подорвала силы Руси, и она не смогла оказать сопротивления ордам Батыя, с огнем и мечом прошедшим страну с востока на запад и оставившим позади лишь дым пепелищ и груды трупов, не омытых слезами. Но, оправдывшись через 250 лет

¹ Федоров Н. Ф. Соч., с. 433. М., Мысль, 1982.

² Лао Си. Тао-те-кинг, или Писание о нравственности, с. 17, 35, 43.

¹ Швейцер Альберт. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика. Перед. в кн. «Восток — запад», Наука, 1988, с. 216.
² Там же, с. 207.

от ига кочевых народов, русский народ, памятуя о бедствиях раздора, перешел в другую крайность — беспредельную централизацию власти с монархией азиатского типа, что предопределило сохранение долгой и до сих пор не изжитой отсталости жизненного уклада и быта населения. И вот эта-то неустроенность, неудовлетворенность жизнью, печальный опыт прошлых раздоров и единения создали предпосылки для возникновения в умах лучших сынов России идей современного космизма, соединившего представления о соборности и свободе народа в новое учение о путях развития человечества. Нельзя поэтому не согласиться с Чаадаевым, писавшим А. И. Тургеневу в 1835 году: «...нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам»¹. Веря в мудрость и мощь великого народа, соединенные с воспитанной в нем по воле истории дисциплине повиновения, Чаадаев был уверен в том, что именно «мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»². История показала, что русские космисты оправдали предвидение выдающегося мыслителя XIX века.

III

Разработка основных положений концепции космизма, опирающегося на богатейший духовный опыт многих поколений людей, началась во второй половине XIX века трудами выдающегося русского мыслителя Н. Ф. Федорова. Он первым дал всестороннее и последовательное обоснование одной из основных идей космизма — необходимости объединения человечества ради выполнения задач в рамках «общего дела» и указал возможную последовательность таких задач: освоение космического пространства; продление жизни и достижение физического бессмертия человека; воскрешение всех умерших поколений людей. Федоров также разработал основы новой этики космизма, адекватной его задачам. Для метода Федорова было характерно абстрагирование от текущих задач ближайших десятилетий, что создавало иллюзию утопичности его взглядов и обусловило замалчивание его работ вплоть до 80-х годов XX столетия.

Сейчас уже не вызывает сомнений тот факт, что разработанная К. Марксом экономическая теория новых общественных формаций никак не противоречит концепции космизма; наоборот, дает нам реальный облик того общества — общества коммунизма, —

которое является оптимальной формой организации свободных людей для выполнения их космической миссии в развитии Вселенной. Успехи в становлении коммунистического общества будут определяться в первую очередь с точки зрения космизма, необходимостью разумной деловой организации людей, а не планами и пожеланиями каких-либо отдельных руководителей. Пути достижения оптимальной организации общества у разных народов могут быть различными, но, очевидно, в любом случае должно быть гарантировано свободное развитие каждого отдельного члена общества, их дружба и сотрудничество, развитие науки, культуры, охрана окружающей среды как среды обитания человечества — настоящей и будущей — и многое, многое другое. «Существование», предлагающее наличие враждебности, должно быть заменено сотрудничеством.

Выдающийся вклад в теорию и практику космизма со стороны научно-технической и экологической проблематики внесли В. И. Вернадский и К. Э. Циолковский. Благодаря их работам такие понятия, входящие в современную систему космизма, как ноосфера и космонавтика, стали неотъемлемой частью практической деятельности человечества. Именно Вернадский и Циолковский в России, а также палеонтолог Т. де Шарден во Франции взглянули на человечество, на пути его развития как на объект планетарного и космического масштаба, дав тем самым ключ к пониманию его роли и ответственности за развитие природы и всего мироздания.

Остановимся теперь на некоторых аспектах концепции космизма, трактовка которых не общепринята и не однозначна. Существует мнение, что космизация мышления была всецело обусловлена развитием практической космонавтики, также как и представление о ноосфере было инициировано нарастанием глобальных проблем. С подобным подходом нельзя согласиться, поскольку появление концепции космизма было предопределено объективным историческим ходом социоприродной эволюции. Более того, при счастливом стечении обстоятельств космизация мышления людей создала бы предпосылки для значительно более раннего и, главное, эффективного решения многих экологических и социальных проблем. К сожалению, темпы космизации мышления и его экологизации как составной части оказались значительно ниже, чем темпы нарастания глобальных экологических проблем, что создало непосредственную угрозу жизни человечества. Столь трагическое положение, как показывает опыт, не может быть решено какими-либо отдельными нескоординированными мероприятиями. В силу сложившейся ситуации экологические преступления следует квалифицировать как преступления против человечества, возведя их в ранг государственных и политических. Однако кампания запретов, предпринятая с большим опозданием в большинстве стран мира, не даст должного эффекта, если уже сейчас все народы, отбросив несущественные разногласия, не объединятся ради «общего дела» —

¹ Чаадаев П. Я. Сочинение и письма, т. 2. М., 1914, с. 200—201.

² Там же, с. 227.

спасения и восстановления биосферы и природы Земли вообще как нашей единственной среды обитания. Первый шаг на этом пути — организация единственной воспитательной и пропагандистской работы в национальном и международном масштабе.

На первый взгляд может показаться, что космизм в силу своей максимальной социоприродной общности предполагает ничтожной роль и влияние отдельного человека. Действительно, усложнение организационной структуры общества, способного решать задачи космического масштаба, ставит отдельного человека в довольно жесткие рамки, существующие в силу необходимости обеспечения дисциплины и ответственности каждого члена коллектива. Данный вывод, конечно, не имеет ничего общего с анархической трактовкой вседозволенности и полной свободы человека в обществе будущего. Но, с другой стороны, действие одного человека, усиленное огромной мощью коллектива, способно повлиять на эволюцию космических процессов и, следовательно, пропорционально возрастают влияние отдельного члена общества и его ответственность. В частности, уже в наше время неизмеримо возросла ответственность проектировщиков гидро- и атомных станций, авиаиспытчиков, космонавтов и работников многих других профессий; причем очевидно, подобная тенденция не только сохранится, но и усилится. В этой связи следует уже сейчас обратить самое пристальное внимание на экологию работников определенных видов профессий, вынужденных трудиться в условиях повышенной информационно-аппаратурной нагрузки. Кроме того, человек тоже является космическим объектом, тесно связанным прямо или косвенно через посредство различных физических полей с Космосом и, следовательно, в той или иной степени зависит от состояния последнего.

РУССКИЙ КОСМИЗМ — ЦЕЛЬНОЕ ЗНАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

О. Д. Куракина

Русский космизм — это тысячелетняя, по крайней мере, отработка в Российской метакультуре мировоззрения живого нравственного Всеединства человека, человечества и Вселенной. Русский космизм стал определенным мировосприятием, мирочувствованием, миросозерцанием русской интеллигенции: мыслителей, писателей, поэтов, художников, музыкантов и естествоиспытателей.

Русский космизм восходит к архетипам всеединства, которые Владимиром Соловьевым мыслятся в онтологии как «положительное всеединство» — свободное объединение в Абсолюте всех ожив-

вотворенных элементов бытия как первообраз и искомое состояние мира и в гносеологии как «цельное знание» — интуитивное образно-символическое постижение мира, основанное на нравственном усилии личности — «познании через веру».

Вслед за Соловьевым основной чертой мировосприятия Павла Флоренского — философа и историка, математика и физика, филолога и искусствоведа — становится чувство космической целостности, одушевленности и взаимной сопряженности всех частей мира. Для Флоренского вся природа одушевлена, вся жива — в целом и в частях, все связано тайными узами между собой, ничто не бездейственно, но все действия и взаимодействия вещей — существа — душ имеют в своей основе род изнутридействующего чувства родства; энергии вещей втекают в другие вещи и каждая живет во всех, все — в каждой. Флоренский видит свою задачу в развитии этих путей к будущему «цельному мировоззрению» — цельную картину мира он строит исходя из соответствия и взаимного просвечивания разных слоев бытия: каждый слой узнает себя в другом, находит родственное основание. Этим определилась структура всего творчества Флоренского как единого синтеза, охватывающего последовательно от центрального философского ядра («Столп и утверждение истины», 1914) все более широкие области самых разнообразных конкретных наук («У водоразделов мысли. Черты конкретной метафизики»).

Интенция Флоренского, направленная на выявление архетипов, первообразов, лежащих в основании различных сфер реальности, в соответствии с которыми организуются различные области наук и искусств, нашла свое воплощение и в поэзии символистов (В. Иванов, В. Хлебников, В. Брюсов, А. Белый, М. Волошин), и в музыкальных мистериях Александра Скрябина, и в картинах Н. Рериха и загадочной живописи художников группы Амаравелла (В. Черноволенко, С. Шигалев, П. Фатеев, Б. Смирнов-Русецкий и др.). Николай Морозов в многотомном исследовании «Христос: История человеческой культуры в естественнонаучном освещении» делает уникальную по своим масштабам и оригинальности подхода попытку обнаружить общие законы духовного развития человечества на основе эволюции его материальной культуры (с пересмотром хронологии).

В области естественных наук переживание живого единства космоса создает определенную школу, связанную с такими именами, как Н. Федоров, К. Циolkовский, А. Чижевский, В. Вернадский, которых собственно и называют русскими космистами. Однако в истории русской естественнонаучной методологии немало и других имен, для которых целостное восприятие мира, стремление к «органическому» синтезу является основополагающим. Так, и для Николая Страхова мир есть стройное целое или, как говорят, гармоническое, органическое целое. То есть части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать — иерархию существ и явле-

ний. Страхов убежден, что лишь на основе представления о самоорганизующей природе материи, формируемого с помощью «органических» категорий, можно будет рассматривать мир как единое целое (предвосхитив тем самым идеи синергетики — нового научного направления, призванного объединить физику и биологию).

Концепция мира как интегрального целого, содержащего высшие организующие принципы, разрабатывается физиологом Н. Беловым («Основы общей механики жизненного процесса»), кристаллографом Е. Федоровым («Перфекционизм»), гистологом В. Карповым («Основные черты органического истолкования природы»), ботаником К. Старинкевичем («Строение жизни»). Любовь как фактор космической жизни (психиатр Н. Осипов), любовь как фактор эволюции (иммунолог С. Метальников), организм как творчество или учение о «мировом разуме», «мировой мысли» из «Дневника» врача Н. Пирогова — вот некоторые черты этого направления. П. Кропоткин разрабатывает концепцию взаимной помощи как самого важного фактора эволюции. С его точки зрения, борьба за существование ведет не к большему совершенству, а к выживанию более примитивных организмов. Особи, у которых широко развита взаимная помощь, размножаются в большем числе, у них развиваются новые качества, например, способность эстетического творчества, интенсивной интеллектуальной деятельности и т. п.; взаимная помощь способствует богатству и полноте жизни, а также развитию сверхбиологической деятельности.

Руководствуясь принципиальной однородностью организационных функций человека и природы, единством организационных методов, Александр Богданов закладывает основы всеобщей организационной науки — тектологии (1912), на долгие годы опередившую и «кибернетику» Н. Винера, и «общую теорию систем» Л. Берталанфи, и «синергетику» Г. Хакена. Тектология, или учение о строительстве (организации), по мнению Богданова, должна выяснить, какие способы организации наблюдаются в природе и человеческой деятельности, затем — обобщить и систематизировать эти способы; далее — объяснить их, т. е. дать абстрактные схемы их тенденций и закономерностей; наконец, опираясь на эти обобщения, определить направление развития организационных методов и их роль в экономии мирового процесса. Задачу тектологии Богданов видит в исследовании процессов организации и дезорганизации в их неразрывной связи, в сфере природы (естественной и искусственной), в сфере человеческих отношений, в сфере идей.

Проблема овладения временем как основная задача организации труда ставится Валерианом Муравьевым, новая модель вселенной развивается в работах Петра Успенского, пространство-время и его высшие измерения прорабатываются в трудах Н. Умова и П. Аксенова, начала новой синтетической философии создает Владимир Шмаков. Развивается естественнонаучная школа, основной характеристикой методологии которой становится цельность, стремление к синтезу, объединение в единую систему: периодиче-

ская система элементов Д. Менделеева, концепция биогеоценоза В. Сукачева, учение о биосфере и ноосфере В. Вернадского и т. д.

Итак, русский космизм — это способ мышления и чувствования, это душа русского народа, воплотившаяся в науке, искусстве, культуре. Это способ мировосприятия, почти утраченный в современной западно-европейской научно-технической цивилизации (довлеющей в настоящее время и над Россией). Одним из ярких выразителей этого способа восприятия стал поэт и философ Даниил Андреев (1906—1959, сын известного писателя Леонида Андреева), автор поэмы «Железная мистерия» и книги-миссии «Роза Мира».

Понятие многослойности разноматериальной Вселенной лежит в основе всех переживаний Д. Андреева. Цельное мироощущение, идущее на смену дискурсивному, опосредованному, это ощущение прозрачности физического слоя («Энрофа», совпадающего с астрономической вселенной), сквозь который просвечивают слои, существующие в пространствах с другим числом координат и в других потоках времени. Совокупность таких миров, в зависимости от процессов, там протекающих, составляет метаисторию, трансфизику и метаэволюцию. Соответственно, объекты метаисторического познания связаны с историей и культурой; трансфизического — с природой нашего слоя и других иноматериальных слоев Земли, и метаэволюционного — со всей Вселенной.

Особое видение реальности, особый дар позволяют Даниилу Андрееву охватить в едином метаисторическом переживании огромную картину исторических и метаисторических перспектив, ветвящуюся цепь дилемм, встающих или должны возникнуть, панораму разноматериальных миров, тесно взаимосвязанных с нами в добре и зле. Формой такого переживания является сверх меры насыщенная, динамически кипящая образами минута или час озарения, когда личность оказывается переполненной сопереживанием целых эпох, целого метаисторического Космоса с великими борющимися в нем Началами. Не расчлененное ни на какие понятия и не выражимое ни в каких словах, совершающееся без видимой воли субъекта, метаисторическое озарение оказывает потрясающее действие на весь душевный состав, становясь его драгоценным внутренним достоянием.

«Результат метаисторического озарения, — пишет Андреев, — будет храниться в душевной глубине как нечто живое и живущее, и оттуда постепенно, годами, будут подниматься в круг сознания образы, идеи, целые концепции, но еще больше останется их в глубине — никакая концепция не способна охватить этого приоткрывающегося Космоса метаистории. Эти образы, воспринимаемые в их слитности с метаисторической реальностью, за ними стоящей, становятся объектами внутреннего созерцания, напряженного вживания, сосредоточенного взглядывания — определенной цепи состояний, охватывающей недели и месяцы и проявляющейся почти ежедневно. Эти образы не зрительное представление только, но и нечто большее, поскольку содержанием подобного созерцания бывают в

значительной мере и явления иномерных слоев материальности, которые воспринимаются не физическими органами зрения и слуха, но некоторыми другими, имеющимися в составе нашего существа, но обычно отделенными как бы глухой стеной от зоны дневного сознания».

Даниил Андреев указывает, что из европейских писателей к метаисторическому познанию причастен был, например, Данте Алигьери, и излагаемая им в «Божественной комедии» система может быть принята в основных чертах как панорама разноматериальных слоев романо-католической культуры.

Путь метаисторических озарений, созерцаний и осмыслений Андреев дополняет описаниями трансфизических странствий, «встреч» и «бесед», раскрывая перед нами новый способ мировосприятия и мышления, отличный от западно-европейского последних трех столетий по своей грандиозности и цельности. В «Розе Мира», посвященной созданию грядущей человеческой метакультуры, перед нами предстает картина человечества, в которой судьбы народов переплетаются с судьбами его пророков и гениев, восторг путешествия по восходящему ряду разноматериальных слоев Небесной России сменяется ужасами спуска в нижние слои планеты, эволюция Вселенной в трансмифе оказывается неразрывно связанной с метакультурой народов. В XX веке нет другого подобного свидетельства, в котором отдельная личность могла бы вместить в себя столь цельное переживание Космоса и Планеты, всех ее рас, народов, племен и отдельных судеб; переживание, в котором Роза Мира, состоящая из лепестков различных культур и народов, обретает реальность всечеловеческого братства.

В мире, который стал тесен как никогда, знамением времени является всечеловечность, всемирность. Решение всех насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения. К этому призывает Даниил Андреев — взглянуть на мир как на единое целое, вместить в себя переживание этого целого, обрести сознание этого целого. Как возможно такое сознание, какими свойствами души и ума надо обладать, чтобы индивидуальное сознание отдельной личности могло бы подняться до уровня планетарного сознания и творчества?

Трагедия современного мира состоит в том, что человечество стало крупнейшей геопланетной силой прежде, чем выработало соответствующий этой силе планетарный разум и нравственность, точнее, Нравственный Разум, который Владимир Вернадский называет ноосферой как сознательное развитие биосфера. Переход от биосферы к ноосфере для Вернадского — это закономерно идущий процесс от эпохи стихийного развития человечества как чисто природного, биологического организма к творческому, сознательному бытию и становлению человечества как единого сознательного целого. Однако переход этот еще не произошел, и биологический закон борьбы за существование правит в человеческом обществе с тем большим успехом и с теми большими разрушитель-

ными последствиями, чем бессознательной, разобщенной и чем более энергетически и технически вооруженной становится человек. Расселившись по всей поверхности Земли, человечество своей биологической жизнью образовало единое целое, но это целое до сих пор ничем не отличается от единства животного или растительного мира, подчиненного биологическим законам. Чтобы обрести единство, подобающее Человеку как существу сознательному, необходимо вывести сознание человечества на уровень планетарного, ноосферного мышления.

Задача человека, указывал Николай Федоров, состоит в том, чтобы в нем не осталось ничего животного, т. е. бессознательного; все даровое мы должны постепенно заменить трудовым, все бессознательное — сознательным, все механически-фатально совершающееся — целесообразным, волевым, добровольным. Необходимо, наконец, найти потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь сообразно с ней. К истории поэтому нужно относиться не «объективно» или «субъективно», а «проективно», т. е. превращая знание в проект лучшего мира. Истинное, конкретное и живое знание должно стать знанием не только того, что есть, но и того, что должно быть, т. е. из пассивной умозрительной констатации должно стать активным проектом действующего быть, проектом общего дела.

Общее дело Николая Федорова, совместное действие или синергия — это соединение всех сил всех людей планеты в сознательном и нравственном деле управления слепыми силами природы, в деле преодоления разрушения и самой смерти. Преодоление смерти путем регуляции природы впервые ставится в истории философии как единственная достойная сознательного существа цель, ради которой только и может произойти объединение человечества. «Жизнь наша, — пишет Федоров, — вовсе не наша: она отъемлема, отчуждаема, смертна; мы ее получили от своих отцов, которые в таком же долгу у своих родителей и т. д.; рождение — только передача долга, а не уплата его. Поэтому исход из мертввой петли один: регуляция природы, овладение ею, но не ради корыстолюбия, властолюбия или ученого тщеславия, а ради сиеобщего, включающего в себя человека и природу спасения. Род человеческий, оставаясь в розни, не объединяясь в труде познания слепой силы и подчиняясь ей, естественным путем придет к вырождению и вымиранию. Если же объединение в «общем деле» состоится, в таком случае и конца не будет, потому что в этом случае конец мирового процесса, совершающегося в нас и вне нас, будет превращением слепого хода земли и всех миров в управляемый совокупным разумом всех поколений».

«Человеку, — призывает Федоров, — должны быть доступны все небесные миры, но это будет возможно только тогда, когда Человек будет способен воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что тогда только он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы. Сущность

того организма, который мы должны выработать для выполнения нашего предназначения, есть единство знания и действия; питание его есть сознательно-творческий процесс обращения Человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани. Органами этого организма будут такие орудия, посредством которых Человек сможет воздействовать на условия растительной и животной жизни, а сами растения и животные формы станут продолжением Человека, образуя единое существо, управляемое Высшим Разумом».

«Человечество бессмертно! — вторит Н. Ф. Федорову его ученик и последователь К. Э. Циолковский. — Мысль о вечности человечества не должна обрываться на цветке, выросшем на могилке: это поэтично, но не научно. Такой кругооборот неоспорим, он уже осуществляется теперь, но он не космичен, а значит ограничен только миллионами лет». Допуская эволюцию человечества, Циолковский не оставляет его в таком внешнем виде, в каком человек пребывает теперь: с двумя руками, двумя ногами и т. д. Человечество, как единый объект эволюции, тоже должно изменяться и, наконец, через миллиарды лет превратиться в единый вид лучистой энергии, т. е. единая Идея заполняет все космическое пространство. Возможно, что это — Вечное блаженство и Жизнь бесконечная, о которой писали еще древние мудрецы. Космическое бытие человечества, как и все в Космосе, Циолковский разделяет на четыре основные эры: рождения, в которую человечество уже вступило; становления — расселение человечества по всему Космосу; расцвета человечества; терминальную эру, во время которой человечество полностью ответит на вопрос «зачем?» и сочтет за благо из корпускулярного вещества превратиться в лучевое.

Если жизнь (даже в ее белковой форме) не единичное явление в бесконечной и вечной вселенной, то, раз возникнув, она за бесконечное время уже давно могла пройти все эры космического бытия человечества, и в бесконечном пространстве обрести бесконечное разнообразие (выходящее из белковые формы жизни, только и известные нам). Это означает, что живое единство космоса русских космистов, многослойная структура вселенной и нашей планеты Даниила Андреева отнюдь не метафора или поэтический вымысел. Это означает, что человечество всех ступеней развития вполне может сосуществовать с нами и на нашей собственной планете и даже проявляться в тех или иных формах. Более того, при соответствующих психологических и физиологических предпосылках, подобных, например, врожденному свойству музыкальности, сознание отдельных индивидов может на протяжении одной жизни быть подвергнуто чрезвычайно ускоренному развитию, выводящему человека на новый уровень бытия, и будущая научно-воспитательная система должна ориентироваться на подобное развитие.

Во все времена и у всех народов существовали системы и школы, в которых познание космоса сочеталось с самосовершенствова-

нием человека и трансформацией его собственного существа, в которых веками разрабатывались практические приемы воздействия воли на человеческий организм и внешнюю материю, подводя человека к этому лишь постепенно, после длительной нравственной подготовки и многостороннего искуса. Этим они отличаются от современной научной деятельности, к которой допускаются все независимо от уровня их нравственного развития, так что вряд ли стоит удивляться, что каждое достижение науки и техники обращается одной стороной против подлинных интересов человечества. Современная наука, кропотливо накапливая великое многообразие фактов, выводя из них какие-то закономерности, не понимая ни их природы, ни направленности, но овладевая ими преимущественно механически, оказывается не в силах предугадать, к каким последствиям и социальным потрясениям приведут ее открытия. Разработанные высокоинтеллигентными умами плоды науки и техники оборачиваются в результате отказа от этического контроля для земной жизни целым набором средств уничтожения: мгновенного (посредством ядерного, нейтронного, химического, бактериологического, климато-геологического и традиционного оружия) и медленного (посредством загрязнения, отравления, истощения биосфера и природных ископаемых). Однако в перспективе космической эволюции человека современная техника выглядит лишь тяжеловесным, грубым и жалким подобием, назначением которого вместо творческого созидания жизни каждый раз оказывается уничтожение жизни, а потому и безнравственным по своей сути.

Цельное знание возможно, и не только как суммарное знание всего человечества, достигаемое через объединение, синтез различных наук, но и как цельное знание отдельного человека. Такое знание, имея в качестве стержня космическую цель человечества, организует и бытие, и познание человека вокруг этой цели, отбрасывая все ненужное и несущественное, и оставляя наущно-необходимое. В истории человечества были периоды, когда каждый член сообщества мог обладать всей полнотой знаний, которой располагало все сообщество, и жил согласно этому знанию в гармонии с природой. В наше время такая индивидуальная полнота знаний стала недостижимым идеалом, и в XX веке даже в физике, наиболее развитой науке, невозможно найти ученого, который бы знал свою науку целиком. Однако, если попытаться сделать инвентаризацию, пересмотр всего научного знания нашей эпохи в свете целей развития человечества, то окажется, что знание даже для обеспечения такой цели, как сохранение и становление жизни на Земле, составляет ничтожный процент от общего знания и вполне может быть постигнуто отдельным индивидом. Вся остальная, несозиеримо большая часть, оказывается с этой точки зрения всего лишь «знанием ради знания», знанием разрозненным, несущественным и ненужным.

Если продолжить пересмотр современной цивилизации с точки зрения космических целей развития человечества, превращения

биосферы в иоосферу, то мы с удивлением обнаружим, что подавляющая часть деятельности человечества направлена на саму себя, то есть «искусство для искусства», «наука для науки», «промышленность для промышленности», и притом это в лучшем случае, в худшем — «искусство для разложения», «наука для войны», «производство для отравления всего живого». В ходе научно-технического прогресса эта часть не уменьшается, а растет: свидетельство тому горы отходов, ставшие неотъемлемой чертой нашей цивилизации. Парадоксом нашего времени является то, что несмотря на все достижения науки и техники: качество и количество жизнетворческого обеспечения человечества во всем существенном (воздух, вода, пища, информация) не растет, а падает. Это дало основание Георгию Гурджиеву, которого мы берем на себя смелость отнести к русским космистам, утверждать, что для человека западной культуры трудно поверить, что мы со всей нашей техникой движемся по кругу. Мы верим в «прогресс», «культуру», но в вопросе жизни и смерти нет никакого прогресса. Все осталось таким же, каким было тысячи лет назад, изменяется лишь внешняя форма, сущность же не меняется: «цивилизованные и культурные» люди живут совершенно также, теми же интересами, в той же зависимости от природы смерти, как и самые невежественные дикари.

Для Георгия Гурджиева и его ученика и последователя Петра Успенского (на Западе идеи Успенского получили наибольшее развитие в работах Джона Беннетта) все в мире, от солнечных систем до человека и от человека до атома, эволюционирует или деградирует, развивается или распадается, но ничто не эволюционирует бессознательно, лишь деградация и разрушение протекают автоматически. То, что не в состоянии эволюционировать сознательно, вырождается — Прогресс и Цивилизация могут появиться лишь в результате сознательных усилий человека. Надеяться на то, что эволюция человека может протекать сама по себе вместе со всем природой, было бы величайшим заблуждением: эволюция даже планет протекает для нас в течение бесконечно долгих циклов времени. Эволюция человека — Дело самого человека, его предназначение и его цель. Бессмертие может принадлежать человеку, но это не значит, что оно действительно ему принадлежит; человеческое бытие и при жизни, и при смерти может быть весьма различным по своему качеству. Машинальный человек, у которого все зависит от внешних влияний, с которым все случается само собой, который представляет собой множество мелких сварливых «я», которые появляются и тут же исчезают, — такой человек не имеет никакого будущего. Чтобы говорить о каком-либо виде будущей жизни, у нас должно быть нечто, способное противостоять смерти физического тела. Формирование этого нечто у отдельного индивида в течение его жизни и посвящена вся деятельность Гурджиева.

Пробуждение человека к сознательной, творческой жизни приводит к отказу от «отождествления» со своими потребностями и

привычками — мощной силе, мешающей понять свою истинную сущность. Искусственно созданные потребности «ловят человека» и делают его неспособным к самобытному существованию, он живет так, как все, — автоматически, не задумываясь и не заглядывая в себя, не приходя в этом смысле в сознание, т. е. человек «спит» в бодрствующем состоянии, обладая лишь возможностью сознания, которое иногда, в минуты редких потрясений, посещает его, как проблеск. Но пробудиться, отказаться от своего сонного, машинообразного состояния, стать сознательным очень сложно. При определенных условиях целые сообщества могут отождествляться с машинообразным состоянием, утрачивая даже уровень сознания предшествующих веков, как это мы видим на примере современной цивилизации.

Представители современной науки тешат себя иллюзией, что знание не зависит от бытия, считается, что человек может обладать большими знаниями, делать открытия, двигать вперед науку, и в то же время быть ограниченным, эгоистичным, подлым. Однако, если знание идет впереди бытия, оно становится теоретическим, абстрактным и не приложимым к жизни или вносит в жизнь новые проблемы и трудности, которые приходится преодолевать с помощью такого же знания, порождая тем самым лишь замкнутый круг. Такое знание — это всегда знание деталей без знания целого, формы без сущности, оно допустимо в механическом мире, однако, если мы имеем дело с живым взаимосвязанным миром, то частичное знание, не обладающее целостью, всегда будет убийственно, ибо приоритеты, устанавливаемые на его основе, всегда будут приоритеты одних за счет других, нарушающих баланс природы.

Русский космизм в лице его широко известных и неизвестных представителей дает решение проблем нашей эпохи через формирование нового, цельного человека, в котором рост бытия будет сопровождаться ростом истинного, сущностного знания.

II. ФЕДОРОВСКОЕ ВИДЕНИЕ МИРА
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. Ф. ФЕДОРОВ И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В. В. Сорокин

Творчество Н. Ф. Федорова относится к тому времени в истории отечественной философии, которое можно по справедливости назвать откровением России. Современниками этого русского мыслителя были В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой; им наследовали духовно представители «золотого века» русской философии — П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов и многие другие представители того направления русской христианской философии, которое позже получило название софиологии. Не на пустом, разумеется, месте возникло это духовное движение. Ему предшествовал взлет интереса к русской истории, культуре, к русскому православию и национальным духовным ценностям. Полузабытая и всячески принижаемая в дурно европеизированном XVIII столетии в XIX веке русская культура переживает второе свое рождение. Усилиями А. Х. Востокова и И. И. Срезневского создается русская философия, открывающая изумленным современникам, не ожидавшим ничего подобного от допетровских «полудиких» времен, замечательный мир древнерусской книжности. Несколько позже С. М. Соловьев и В. О. Ключевский вырабатывают первую отечественную внутренне цельную концепцию русской истории. В то же самое время А. С. Хомяков, выражая своими духовными поисками сложившуюся в русском обществе середины XIX века потребность к возрождению и укреплению национальных духовно-нравственных ценностей, создает впервые законченную русскую философскую концепцию. Из этих корней вырастают замечательные фигуры новой русской философии.

Духовный взлет, коего и современником, и своеобразнейшим выразителем был Н. Ф. Федоров, сопоставим лишь с такими эпохами духовной жизни нового времени, как итальянское Возрождение, «северное Возрождение» и немецкая философская школа начала XIX века. Каждое из этих движений имело глубокие корни в мировой культуре. Итальянское Возрождение имеет своим истоком античную культуру, прежде и более всего культуру художественную: итальянская революция в живописи представляет собою во многом результат перенесения приемов скульптурного, трехмерного изображения на плоскость холста с соответствующей модели-

ровкой живописного пространства. Философия итальянского Возрождения вообще есть по преимуществу философия художника; не случайно у истоков его стоит Данте, воскресивший давно забытую форму философской поэмы, а центральной фигурой оказывается один из величайших художников-мыслителей нового времени Леонардо да Винчи: философская мысль требует художественного оформления — в слове ли, в живописном ли образе. Иное дело «северное Возрождение», основанное на европейской католической традиции. Систему его мышления следует считать скорее логической, чем образной; она представляет собою результат средневекового европейского рационалистического философствования. Самым характерным его представителем надо считать Николая Кузанского. Применительно к Библии средневековый рационализм ходластиков порождает своеобразнейшую протестантскую теологию нового времени. Немецкая философия начала XIX века подводит своеобразный итог европейской философии нового времени: исчерпав внешний мир, она обращается к миру человеческой мысли. Это обращение дает новую пищу рационализму, представляя ему самый обширный круг для исследования в духе католических ходластиков. Выводы, сделанные вначале применительно к области гносеологической, обращаются впоследствии на область онтологическую. Гносеологический эмпиризм И. Канта превращается в панлогизм Гегеля. Все эти духовные движения имели, очевидно, европейские корни и сущность, состоящую во все более проявляющейся тенденции к абстрактному философствованию, к тем категориальным философским системам, которым было положено начало древнегреческими софистами и первым панлогистом в истории европейской философии — Аристотелем. Не то в России; русской духовной культуре, как и вообще православию, всегда был чужд принцип абстрактного философствования, которому предпочиталось обретение и осмысление конкретного духовного опыта, и прежде всего своего собственного, затем — опыта православных святых — подвижников. В истории русской духовной культуры не так важны философские и богословские системы, как живые образы, которым можно следовать на путях духовно-нравственного совершенствования — святые подвижники, ученые монахи, книжники. Такими образами для русского православного сознания были в XVIII столетии св. Тихон Задонский, а в XIX — св. Серафим Саровский и оптийские старцы. Эта именно духовная традиция и стала основой мировоззрения русских христианских философов нового времени.

Восточное христианство изначально много внимания уделяло вопросу личного самосовершенствования. В мире нет, разумеется, религии, которую не занимали бы вопросы личного, мистического отношения человека к богу: ведь это, помимо прочего, делает возможным достижение цели всякой религиозной жизни — личного спасения. Но восточное христианство уделяло этому куда больше внимания, чем христианство западное; последнее было склонно скорее к спокойному ходу литургии и привычному, умиротворяющему

душу обряду, чем к мистическим откровениям и озарениям. Результатом такого развития стало то, что православие гораздо глубже и тоньше разработало мистическую сторону христианского учения, чем католицизм или протестантизм. И можно с уверенностью назвать православное софийное мышление как наиболее глубокое и тонкое понимание личного отношения к Богу как мистического единения человека с духовной реальностью. София есть предвечно существующий Промысел Божий, Мировая Душа, в которой начали творения есть также и его конец, в которой мировая материя существует в том виде, в каком помыслил ее Бог, и которая поэтому не нуждается ни в какой эволюции. Все развитие вещественного мира есть лишь отблеск перемен, происходящих в Мировой Душе. Душа человеческая спасается, приобщаясь к Мировой Душе; такое приобретение преображает человеческую душу, наполняя ее Божественным Светом. Учение это сложилось в Византии; начало ему положили в III столетии египетские монахи; их духовный опыт обобщили св. Макарий Египетский и св. Иоанн Лествичник. Но высшее выражение свое учение это получило в XIV веке на Афоне; выражением этим стал исихазм, а главными выразителями — Григорий Синаит и Григорий Палама.

Естественной частью такого учения должно было стать (и стало) учение о человеке как о микрокосмосе. Но Космос представлялся византийским богословам не в нынешнем смысле этого слова; под Космосом разумели сопряжение разных уровней духовной реальности. Таким же Космосом, но в уменьшенном, разумеется, виде, представлялся и человек; преображение становилось возможным через сопряжение двух Космосов, через вхождение микрокосмоса в макрокосмос. Это учение о мистическом преображении человека было хорошо известно на Руси ученым монахам и книжникам: уже в XV веке оно было принесено на Русь трудами св. Нила Сорского. Здесь оно получило дальнейшее развитие в несколько неожиданном направлении. Русское мышление, русская духовная традиция никогда не ставила вопроса о бытии отдельной личности в противовес бытию семьи, общины, нации. Это ни в коей мере не свидетельствует о недоразвитости индивидуального сознания; можно лишь говорить об иной, отличной от европейской, его направленности. Европейское индивидуальное сознание, чем более отделяется внутренне от семьи, общины, нации, тем далее стремится от них уйти, и невозможность ухода становится для такого сознания истинной трагедией; таков трагизм Дж. Байрона, В. Гюго, Г. Гессе. Русское индивидуальное сознание, видя свое отличие от семьи, общины, нации, стремится не к уходу, но к еще большему слиянию, надеясь личным воздействием изменить те общественные институты, которые кажутся ему недостаточно хорошими. Невозможность такого изменения также переживается трагично: это трагизм А. С. Пушкина, Ф. М. Достовского, Л. Н. Толстого. Такой взгляд на мир делал личное спасение делом уже отнюдь не только личным, не перестав быть личным делом человека, его отношение

к Богу становилось делом каждого, кто искал спасения. Так софийность сознания порождала соборность церковной жизни.

Соборность характерна для православной церкви; в особенностях же она характерна для русского православия. Здесь недостаточно уже преображения одного лишь человека; преображению через Богочеловеческое сотворчество подлежит вся планета, вся вселенная; спасается уже не один человек и не церковь только — спасается вся нация, все человечество. Так из сочетания софийного мышления и соборного сознания рождается космичность мировидения. Она проявила особенно в XV веке, когда иноком Филофеем была создана теория «Москва — третий Рим».

В XVII столетии патриархом Никоном был сделан первый опыт по претворению в жизнь этой уже не новой для его современников теории, и более всего помешали тогда поспешность и чрезмерное внимание к внешним формам церковности. Следующее столетие было проникнуто духом слишком практически-рационалистическим для того, чтобы подобные идеи могли увлечь умы. Но уже в XIX веке времена изменились, и возросший интерес к русским духовным ценностям вновь поставил вопрос о всеобщем спасении и о преображении Земли.

Именно на этот вопрос искали ответа деятели русского христианского возрождения конца XIX века, и первым из них можно по справедливости назвать Н. Ф. Федорова.

Н. Ф. Федоров обратил прежде всего внимание на несоответствие слова и действия, теории и практики, на отрыв мыслящей части общества от части, исполняющей физическую работу. Это было, в сущности, требование вернуться к тому единению, которое осознавалось как реальность в допетровской Руси и единственно почиталась Н. Ф. Федоровым нормою жизни. Это единение должно произойти через всеобщее спасение и преображение Земли — что вполне соответствует принципам русского софийского мышления. Но спасение Н. Ф. Федоров понимает нетрадиционно: это воскрешение силами объединенного человечества всех живших прежде поколений и расселение их на планетах преображеного Космоса. Эта идея Н. Ф. Федорова есть, в сущности, соединение традиционного православного мировидения с естественнонаучными взглядами и позитивной философией XIX века. Ведь всеобщее воскресение — это не что иное, как результат Богочеловеческого действия, достижение той абсолютной гармонии в отношениях человека и человечества к Богу, о которой говорили византийские исихасты. Вселенская Церковь есть, по богословскому определению, сообщество всех христиан всех времен и народов; наличие живых и мертвых означает с этой точки зрения несовершенное единство Церкви; совершенным же будет такое единство, в котором живы все без исключения. Но достижение этой цели должно привести, по Н. Ф. Федорову, и к изменению материальной структуры Космоса, к полному подчинению природных, вселенских стихий духовным задачам. Внутреннее единение с духовным Космосом должно со-

проводиться овладением Космосом внешним, материальным. На эту внешнюю сторону процесса и указывают обычно как на космизм философии Н. Ф. Федорова.

Естественнонаучный и позитивистский подход проявился у Н. Ф. Федорова и тогда, когда он предлагает использовать в процессе воскрешения достижения естественных наук и техники. Вопрос о техническом прогрессе Н. Ф. Федоров ставит вполне закономерно и своевременно; однако ответ на него во многом разрушает стройную постройку федоровской концепции. Воскрешение живыми умерших, рассматриваемое как Богочеловеческий вселенский процесс в духе православного синергизма, предлагается вдруг решить естественнонаучными и техническими средствами, которые в наши дни не могут вызвать ничего, кроме улыбки; действие внутреннее, духовное заменяется чисто внешним, инструментальным воздействием. Преобразование материального Космоса и регуляция природы, которые автор понимал как следствие завершения Богочеловеческого процесса, становятся вдруг необходимым условием самого этого процесса.

Эта двойственность федоровского учения преодолевается концепцией всеединства В. С. Соловьева. Для В. С. Соловьева преображение Земли и обожжение человека, как процесс Богочеловеческий, не требует никаких предварительных условий; он начался с пришествия Христа и продолжается по сей день, преображая природу прежде всего внутри самого человека, а через это — и внешнюю природу. Но двойственность учения Н. Ф. Федорова позволяет сделать и обратный вывод: внутреннее преображение Космоса есть результат внешнего воздействия на него человека. Таков, например, атеистический космизм К. Э. Циолковского. Трудность, однако, состоит в несоизмеримости материального бытия человека, ограниченного в пространстве и во времени, и бесконечного бытия Космоса. Эта бесконечность пугала еще Лапласа; для преодоления ее К. Э. Циолковский разработал теорию «разумных атомов», и все же ему не удавалось до конца решить ту проблему отношения человека к Космосу, которая, в сущности, была решена задолго до его рождения.

Итак, учение Н. Ф. Федорова явилось миру далеко не случайно. Первый представитель русского христианского возрождения, он поставил и пробовал дать ответ на те главные вопросы, без практического ответа на которые русская философия осталась бы навсегда цветущим древом, не приносящим плода.

ИДЕИ Н. Ф. ФЕДОРОВА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА

А. К. Попов

Когда сегодня обращаешься к идеям Н. Ф. Федорова, то невольно задумываешься о том, что к психике, этому самому бесценному дару природы, относимся мы хуже всего.

Мы не замечаем своей психики как воздух, которым дышим, и потому не ощущаем, как подчас разрушаем ее. Происходит это самым различным образом и совершается зачастую как нечто само собой разумеющееся. Действительно, казалось бы, что особенного в том, что существуют различные профессии, в которых по-разному используются те или иные составляющие психики. Но лучшие умы человечества всегда требовали гармонического развития человека и сохранения его психики во всей целостности ее составляющих.

Нельзя не сказать, что в истории человечества не обошлось без спекуляции на понимании необходимости всестороннего развития личности и культуры вообще. Так, в частности, апологет фашизма физиолог Шерингтон декларировал, что, воспитывая в человеке убийцу, мы тем самым способствуем гармоническому развитию его личности. Мы видим, что, таким образом, вопрос о психике человека и о развитии тех или иных ее составляющих всегда был и остается ареной острой классовой и политической борьбы. Именно она прикрывается заявлениями о том, что люди прошлых веков ничем не отличаются от современных, что нет различий в психологии социалистического и капиталистического мира, а есть просто психология человека вообще. Истина, однако, в том, что каждая социально-экономическая формация имеет свой психологический эквивалент.

Сегодня, когда надо сохранить мир на Земле, важно отдавать себе в этом отчет и не ретушировать различия психологии людей различных государственных систем и национальностей. И надо понимать, что условия, при которых целые блоки психики уже не используются, то есть тем самым уничтожаются, способствуют только разъединению и конфронтации, а не объединению людей. Именно об этом был тревогу основоположник нашего русского космизма Н. Ф. Федоров, когда ратовал за сохранение единства всего, что есть в человеке и его психике и их неразрывной связи с окружающей природой и космосом.

О том, что разъединение сущностных сил человека, его физической и духовной жизни оборачивается против человека, писал К. Маркс в своей работе «Экономическо-философская рукопись 1844 года». В научных воззрениях К. Маркса человек и его развитие неотделимы от природы. «Сама история, — писал К. Маркс, — является действительной частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 124).

Как и классики марксизма, наш соотечественник Н. Ф. Федоров был тревогу о разрушении целостности человека и его психики. Но самое страшное заключается как раз в том, что процесс этот сегодня приобрел особенно глубокий характер. Более того, он стал средством психологического обеспечения сложившейся в последние десятилетия нашей командно-административной системы. «Распа-

дение мысли и дела, — писал Н. Ф. Федоров, — произвело все другие распадения, в том числе и распадение на богатых и бедных. Распадение на ученых и неученых — причина несовершенолетия человеческого рода, его зависимости от природы» (Н. Ф. Федоров. Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, то есть немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Соч. АН СССР. Ин-т философии. М., «Мысль», 1982, с. 53). Распадение мысли и дела, то есть выхватывание из целостности психической жизни человека отдельных ее составляющих, противоречит природе и назначению психики. Ибо именно в процессе общественно-трудового формирования психики сложилась она в полной своей целостности и во взаимной предназначности всех ее составляющих. Так в ней восприятие поставляет материал для памяти, память — мышлению, оно — прогнозам, которые оцениваются эмоциями. Все это дает знания, необходимые для программирования поведения и деятельности. Благодаря воле их реализация в речевой и неречевой форме служит удовлетворению материальных и духовных потребностей. Что означает расчленение этой взаимопредназначенности психических процессов и функций как для образования, так и для труда, легко понять на следующих фактах.

В одном классе весь урок учили наизусть начало «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого.

В другом классе на память ничего не зурили, а работали с этим же текстом.

Повесть начинается словами: «Лось пил воду из ручья...» Дальше идет описание тишины леса, которую нарушило падение самолета.

Спустя три месяца после этих уроков проверка показала, что в том классе, где учили отрывок наизусть, его уже не помнили. Даже в попытках пересказать содержание отрывка учениками делались грубые ошибки. Так, одна девочка стала вместо лося говорить о медведе. Напротив, в другом, классе, отрывок хорошо усвоили, хотя и не учили его наизусть. Текст запомнился потому, что служил материалом для размышлений.

Эти эксперименты доктора психологических наук Г. К. Середы показывают, что нормой является предназначность памяти для мышления, а не просто для хранения тех или иных знаний и сведений. Значит, из целостной психики нельзя выхватывать память и строить на ней обучение. Между тем, как отмечает С. А. Герасимов, «на всех без исключения уроках, независимо от их специфики, нагрузка падает на память» (С. А. Герасимов. Система эстетического воспитания школьников. М., Педагогика, 1983, с. 94). Но, несмотря на все призывы теоретиков педагогики и новаторов-педагогов, массовая практика не изгнала зуржеку, механическое заучивание из своего арсенала.

Сегодня, когда осуществляется реформа всей системы образования и делается попытка поставить его на научную основу, мето-

ды педагогики нужно изучать, оценивать и совершенствовать на базе психологии.

Особенно важно не допускать разрывы не только, говоря слова-ми Н. Ф. Федорова «Мысли и дела», но и памяти и мышления. Ведь от разрыва между ними страдает не только память, но и мышление и дело. Не получая материала от памяти, мышление не развивается. Это очень опасно, поскольку тем самым уменьшается возможность прогнозирования людьми хода общественных событий, предвидения будущего, реалистической оценки настоящего и прошлого, программирования поведения и деятельности.

Не менее важным является и процесс восприятия. Это вообще фундамент всего здания психической жизни человека.

Поэтому опора на восприятие через наглядность очень важна. Но когда, провозгласив принцип наглядности в обучении, возвели его чуть ли не в абсолют, то стали получать только отрицательный результат. Школьники начали воспринимать наглядный материал лишь с целью сообразить, что им показали, не более того.

А между тем еще педагоги древности, начиная с Квинтилиана, указывали на необходимость использования наглядности не просто для развития только восприятия, а для упражнения памяти, мышления и других составляющих психики человека.

Плохо обстоит дело и с нравственным воспитанием. Чтобы овладеть нравственностью, в ней надо упражняться. Тут-то и пришелся бы ко двору принцип «повторение — мать учения». Но именно здесь его и не используют, а ограничиваются только сообщениями знаний о нравственности.

Злоупотребление изолированным использованием составляющих психики отчетливо выступает в трудовом обучении. В нем деятельность, труд — эти, так сказать, верхние «этажи» психики пытаются достичь, проскаакивая нижние «этажи», т. е. минуя обеспечивающую нормальный труд всю иерархию предшествующих ему психических процессов и функций. В результате, кроме отвращения к труду, ничего не достигается.

Часто в последние годы приходится слышать: «В школе не учат думать!», «Не учат трудиться!». Однако сама по себе констатация ненормального явления еще не позволяет его устраниить. Для этого требуется преодолеть непонимание важности единства и взаимопредназначенности всех психических процессов и функций, использование этого принципа в образовании. С позиций этого единства неприемлемо изолированное, а потому ограниченное использование только восприятия, только памяти, только мышления или только любой другой составляющей психики человека, сколь бы важны они ни были сами по себе. И это не сколастическая проблема педагогики или психологии. Ведь люди с неразвитой психикой не только не способны прибавить к общественному богатству, но и расточают его. Не в этом ли психологический источник явлений, называемых сегодня застойным?

Чтобы противостоять этому разрушению, необходимо использовать в образовании всей психики, во всей целостности ее составляющих. В этом направлении и билась мысль Н. Ф. Федорова. Важность целостного использования психики в процессе обучения хорошо демонстрируется в частности таким экзотическим способом, как гипноз. Одновременность участия всех психических процессов и функций при гипнозе внешне легко наблюдается как по прямым результатам обучения, так и по ряду косвенных признаков. В частности это проявляется в работе элементарных мышечных волоконец. В норме они работают, включаясь последовательно, небольшими группами, или как принято говорить, некогерентно! При гипнозе же резко возрастает одновременность их участия. Теоретически, если бы включились сразу все элементарные мышечные волоконца, то сила мышцы увеличилась бы в 1000 раз. Сравните, поднять 25 кг или 25 тонн.

Это увеличение силы часто демонстрируется гипнотизерами на эстраде. Человека кладут затылком на одну спинку стула, а пятками на другую, и, в довершение всего, становятся на него как на доску. В норме обычный человек выдержать такую нагрузку не в состоянии.

Анализ картин, нарисованных людьми, которые обучались с использованием гипноза, отчетливо показывает, что они значительно превосходят работы художников обычной подготовки по целому ряду своих качеств. А именно, по интенсивности и количеству используемых психических процессов и функций.

Упоминание об этом сделано, понятно, не для того, чтобы пропагандировать обучение с помощью гипноза. Но высокие результаты такого обучения несомненно подтверждают эффективность одновременного участия всех психических процессов и функций.

А следовательно, одной из главных задач перестройки, в частности образования в школе и в вузе, должно быть создание системы обучения, использующей все составляющие психической жизни человека.

Без полноценного развития психики человека не может быть его должного участия в развитии общества.

Надо сказать, что указанный недостаток присущ не только нашему образованию. Аналогичная картина наблюдается и в других странах. Во всемирной педагогике еще не сложилось оптимальной системы образования. И нельзя не поразиться тому, что то, что стало ясно только сегодня, было ясно уже Н. Ф. Федорову. Он предупреждал, что выхватывание из целостной психики отдельных составляющих и построение на их основе жизнедеятельности людей не только не эффективно, но и разрушает психику.

Что же можно сегодня противопоставить этому разрушению?

Уместно вспомнить, что одним из важнейших средств целостного и всестороннего развития психики всегда являлось искусство. Об этой функции искусства в последние десятилетия стали забывать. Да и само искусство стало все больше утрачивать эту важ-

нейшую свою общечеловеческую функцию. Благодаря художественной литературе человек не только узнает те или иные сведения об условиях и жизни героев, но и развивает свою психику, так как читая, он вместе со всем прочим упражняется во всех без исключения психических процессах и функциях.

Не только литература, но также и живопись, и музыка, и архитектура оказывают воздействие на человека, развивающее его психику.

Это связано с тем, что в тот момент, когда, например, художник прикасается к холсту, он, естественно, «не видит» изображаемого объекта. Он воспроизводит в этот момент его психический образ. Но в сознании художника кроме зрительного образа есть еще и память об аналогичных предметах, есть мысли, прогнозы, эмоции, словом, есть все составляющие его психической жизни. И это богатство внутреннего мира отражается на полотне, благодаря опыту их выражения, по крупицам накапливающемуся в течение многих веков. Вместе с тем, на рубеже текущего и прошлого столетий в искусстве стало происходить расчленение психики. Выхваченные из ее целостности восприятие, эмоции, мышление породили, соответственно, импрессионизм, экспрессионизм, абстракционизм. Например, на полотне Пикассо, названном «Скрипка», отсутствует практически все, что составляло содержание процесса восприятия художника.

Но аналогичная деформация происходит и с психикой зрителя, который оказывается занят тем, что пытается восстановить все опущенное художником и обычно не более того.

Человек тратит при этом свое время, но, поскольку описывающий процесс не требует волевых усилий, он не развивает своей психики. Известно, что то или иное направление, возникнув в одном каком-либо виде искусства, затем охватывает и все остальные. Так, экспрессионизм, появившись в живописи, возник потом и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, и в музыке. Сегодня этот процесс членения продолжается еще дальше. Например, дробление эмоций, выхватывание присущих им ритмов сердечно-сосудистой и мышечных систем и использование этих ритмов породило современную рок-музыку. Акцент на телесных ритмах разрушает природную иерархию и целостность ритмической системы организма. Происходит то, что специалисты называют десинхронозом ритмов, вызывающим стресс. Организм борется со стрессом выработкой антистрессантов, являющихся природными наркотиками. Эта самонаркотизация, собственно, и доставляет удовольствие молодежи, увлеченной рок-музыкой. Однако избыток наркотиков в организме может вызвать появление ферментов. С их возникновением возникает потребность в наркотиках, которая удовлетворяется только недостающими дозами. Вот почему многие исследователи связывают распространение по нашей стране рок-музыки с подростковым алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. Конечно, это не единственная причина и не всегда возникают ферменты, но,

как говорят медики, тут есть большая степень риска стать наркоманом.

Добавим, что ультразвуковые составляющие, особенно в метал-роке, действуют на мозг непосредственно, вызывая в нем биохимические процессы, такие же, как при введении в организм морфия. По этой причине врачи называют ультразвук «эндорфином», т. е. искусственным морфием. В этой связи можно только поражаться степени безответственности так называемых отечественных сотрудников радио и телевидения.

Вместе с тем, кроме тенденции расчленения в искусстве наблюдается и стремление к синтезу. Когда, например, такие выделенные из зрительного восприятия элементы, как линия, цвет, контур, стали затем синтезироваться с помощью памяти и мышления, то это в конце концов породило современный дизайн. Сегодня ясно, что из двух тенденций — расчленения и сохранения целостности психики — только последняя приносит человеку благо. Отсюда ясно, что именно в этом направлении необходимо перестраивать образование.

Подводя итог, можно констатировать, что мальчики и девочки обречены самой методикой образования в школе на шпаргалки, подсказки и списывание. В их психике оказываются не использованными и, стало быть, не развитыми целые блоки психических процессов и функций, необходимых для нормального усвоения знаний.

В настоящее время группа под руководством первого заместителя председателя Госкомитета по народному образованию члена-корреспондента АПН СССР В. Д. Шадрикова обследует развитие психики во время обучения в школе. Сотрудник группы В. Н. Дружинин сообщил, что с 1-го по 10-й класс практически не развивается вербальное мышление, не развиваются познавательные процессы. Более того, с 9-го по 10-й классы происходит значительное падение уровня развития познавательных способностей. Единственно, что наблюдается, это с 4-го по 5-й классы и далее по 10-й класс развитие контрольной функции произвольного внимания.

Что касается индивидуальных способностей, то они влияют на успеваемость в 4-х и 9-х классах, когда происходит резкое усложнение программ, но вообще способности и успеваемость образуют два независимых друг от друга класса.

Показательно, что оценки успеваемости имеют ситуативный характер, т. е. зависят от условий выполнения учебных заданий. Все это прямое следствие процветания в школьном образовании принципа «повторение — мать учения».

«Академия педнаук — «зубная боль» нашей педагогики, — пишет преподаватель СПТУ В. Усенко из якутского города Мирный. — Существующая АПН, с успехом выполнявшая социальный заказ застойных времен (и личностей) по внедрению воспитательных методик, соответствующих духу и запросам этих времен (и личностей), и яростно отстаивавшая инертную, безынициативную

массу, является диким анахронизмом во время перестройки... Вещи пора называть своими именами... Усилиями ныне сформировавшейся педагогики уже загублены несколько поколений...

Требуется срочное оперативное вмешательство... До каких пор «мы будем беззубо бороться за свое будущее?» («Комсомольская правда» от 31 мая 1988 г.).

Таким образом, в период школьного образования в результате расчлененного использования психики не происходит ее должного развития, что равноценно ее удушению и уничтожению. Итак, в возрасте от семи до семнадцати лет происходит уничтожение психики. Оно, по сути дела, и составляет главный результат школьного образования. Но самое удивительное заключается здесь как раз в том, что такая деформированная психика оказывалась затем не только вполне пригодной для последующей жизни человека, но и разрушалась еще дальше. Это можно утверждать потому, что когда человек оказывался на производстве, то зачастую здесь и не требовалось от него развитой психики. Действительно, например, сверху спускаются нормы. Но если человек не сам нормирует свой труд, то сколько психических процессов и функций оказывается им совершенно не используемыми? И это обстоятельство по сути завершает деградацию психики. Здесь альтернатива. Или в процессе труда человек использует свою психику, или он ее не использует. Но если человек не пользуется своей психикой, то он просто «робот», и тогда все, что побуждает его трудиться, находится вне его. Это и начальник, и капиталист, и феодал, и работладелец, и т. д. Или, напротив, в процессе труда человек пользуется своей психикой, и тогда все, что побуждает его трудиться, находится внутри него. Здесь уместно снова процитировать Н. Ф. Федорова. «Истинно нравственное существо не нуждается в приказе, в настоящии; оно само сознает долг и раскрывает его во всей полноте; оно само дает себе командировку, назначает то, что должно сделать...» (там же, с. 60).

Говоря иначе, человек должен быть хозяином своей психики, своего труда, средств труда, продуктов труда и их распределения. Вся психика должна использоваться человеком в труде, а если этого нет, то тогда это уже не труд, а только его профанация. И это вполне понятно, потому что все составляющие психики собственно и возникли в процессе трудового общественного развития человека.

В силу того, что все составляющие психики человека сложились благодаря труду, соответственно и овладение трудовым опытом и производительность труда тем выше, чем полнее в труде человеком используется его психика. Овладевая своей психикой, человек становится ее хозяином, а вместе с тем и хозяином своего труда.

Надо сказать, что полноценное развитие психики, как при обучении, так и в трудовой деятельности, находится в тесной связи

с общественной психологией, с тем, что, в частности, называется общественным сознанием.

Совокупный опыт индивидуальной памяти, материализованный в культурно-исторических ценностях, дает нам историческое сознание. Но если нет исторических памятников, нет книг по истории и т. п., то это сказывается и на индивидуальной памяти, которая не может быть развитой вообще без опыта общественной памяти. Аналогично не может быть развитого общественного и идеологического сознания. Невозможно развитие индивидуальной способности прогнозировать без соответствующего общественного футурологического сознания. Не может быть индивидуальной нравственности без развитого правового общественного сознания. Не может быть и должного индивидуального труда без общественного трудового сознания. Эмоции отдельного человека зависят от развитости и богатства эмоций общества. Надо также иметь в виду, что общество может жить не только эмоционально, но и находиться в состоянии стресса.

Часто стресс и эмоции принимают за нечто идентичное и тождественное. Это неверно. Стресс как раз и возникает тогда, когда аппарат эмоций не срабатывает. К этому надо добавить, что в отличие от эмоций стресс в третьей своей фазе может вызвать гибель организма. Это принципиальное отличие. Даже, надо сказать, что, как это выше уже отмечалось, организм борется со стрессом, вырабатывая антистрессанты. Все антистрессанты — природные наркотики типа алкоголя, морфия и т. п. Говоря иначе, организм борется со стрессом посредством самонаркотизации. Когда этого недостает, то человек добавляет внешним приемом. В этом плане количество потребляемого алкоголя и других наркотиков, вообще эйфоризирующих средств, есть меры стрессового состояния общества.

Первоочередной задачей здесь должен явиться вывод общества из состояния стресса в состояние эмоционального реагирования. Гарантией этого может быть возрождение перестройкой в стране нравственного, идеологического, футурологического, исторического и трудового общественного сознания. Говорить об этом приходится потому, что в кодексе социалистического гуманизма и общечеловеческих чувств это не просто идеи того времени, той современности, которые явились человеку задолго до сегодняшнего дня. Нет! То, что они предшествовали будущему и были в свое время передовыми, а сегодня стали общественным сознанием, говорит о том, что есть идеи, которые адаптируют человечество к его будущему. Такими и были идеи Н. Ф. Федорова. Можно сегодня только поражаться, как Федоров мог предвосхитить заботы сегодняшнего дня, можно удивляться перекличке его мыслей с тем общим интересом, который объединяет всех людей в их заботе о бессмертии человечества и его культуры.

ОБ ИСКУССТВЕННОМ УВЕЛИЧЕНИИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

С. Е. Борисов, Т. А. Белова, В. К. Васильев

Ограниченнность сроков жизни, возможность их увеличения с давних пор занимали умы ученых и мыслителей. Первые геронтологические работы специалисты связывают с именем Гиппократа, первый печатный труд относят к 1489 году, а с XVII века отмечается бурный рост числа трудов, посвященных проблемам старости и борьбе с ней. В нашей стране осмысление этой проблемы тесно связано с тем широким мировоззренческим течением, которое известно как русский космизм. Идея объединения человечества вокруг практического достижения бессмертия людей высказывается в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова. Подчиненности человека силам природы философ противопоставлял управление ею на основе достижений науки и техники.

Идеи космизма синтезированы в учении В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере, в развитом им представлении о разумной жизни, о научной мысли как планетарном, космическом явлении. Задача разумного вмешательства в ход процессов жизнедеятельности рождается противоречием между новой, ноосферной сущностью человечества и ограничениями, свойственными человеку как биологическому виду. Видовая продолжительность жизни человека является продуктом его эволюции, соответствует условиям приспособления к окружающей среде. Но сейчас человек сам кардинально меняет эти условия; продолжительность жизни очень коротка по отношению к потенциальным творческим возможностям личности, мы тратим до 20 лет только на обучение, и когда приходит опыт, начинают уходить силы.

Становление нового этапа развития геронтологической науки, на котором она перешла от простого изучения своего предмета к проблеме направленного вмешательства в биологию процесса старения, которое приводило бы к радикальному, на десятки лет и более, увеличению продолжительности жизни, во многом связано с именем Л. В. Комарова. Еще в 1959 году он писал: «Между тем, наука достигла достаточно высокой степени развития, чтобы приступить к разрешению проблемы радикального увеличения продолжительности жизни людей и далеко превзойти современный уровень продолжительности жизни». В его научных статьях, в выступлениях в прессе и перед научной общественностью звучал настоятельный призыв к организации широких поисковых исследований в принципиально новом биологическом направлении. Л. В. Комаров был убежден, что проблема обеспечения людям много большей продолжительности жизни равнозначна таким глобальным проблемам современности, как проблема предотвращения загрязнения окружающей среды, и уступает только проблеме ограждения человечества от полного истребления в ядерной войне.

Есть несколько оснований считать, что время для начала решения проблемы пришло. Сейчас в экономически развитых странах продолжительность жизни приблизилась к видовому пределу, и возрастное снижение жизнеспособности определяет большую часть патологии. А без борьбы с причиной борьба со следствиями малоэффективна. Считается, что даже при полной ликвидации болезней сердца средняя продолжительность жизни возрастет только примерно на 6 лет, при полной ликвидации рака — на 2,5 года.

Возросло понимание сущности старения. Достаточно подробно изучены многочисленные возрастные изменения, стала складываться общебиологическая концепция старения. И, наконец, современная научно-техническая революция, выразившаяся в биологических науках прежде всего в бурном развитии молекулярной биологии, биотехнологии, генетической инженерии, дала новые методы для практической работы.

Разными исследователями предлагались средства противодействия старению и продления жизни — геропротекторы. К сожалению, данные о средствах продления жизни человека крайне немногочисленны. Достаточно надежный и значительный эффект у млекопитающих (увеличение продолжительности жизни до полутора раз) получен при применении специальных диет, ограниченных по калорийности или содержанию белка. В числе синтетических соединений и природных биологически активных веществ, различных воздействий, для которых отмечался геропротекторный эффект, — антиоксиданты, ингибиторы биосинтеза белка, витаминные комплексы, некоторые гормоны, умеренные стрессорные воздействия, электрические и магнитные поля и другие. При проведении серии умеренных стрессов наблюдалась обратимость возрастных изменений структуры ДНК. Это принципиально важно в связи с тем, что изменениям генетического аппарата при старении большинством геронтологов придается ведущее значение.

Чтобы на базе отдельных умеренных успехов при воздействии на некоторые звенья в процессе старения перейти к существенному, радикальному продлению жизни, нужно, несомненно, комплексное применение ряда средств в том сочетании, в котором их действие суммировалось бы. Нужна обратная связь, постоянный контроль регулируемых характеристик, что могло бы позволить обеспечивать неизменность ряда основных параметров обмена веществ, искусственно поддерживая их на уровне, соответствующем молодости.

С развитием генетики и генетической инженерии в перспективе открывается новая возможность — продлить жизнь не за счет постоянных внешних воздействий, а за счет вмешательства в наследственную природу организма. За основу могут быть взяты известные геропротекторные эффекты. Скажем, вместо постоянного потребления повышенных количеств аскорбиновой кислоты, что, по нашим данным, способно продлить жизнь, можно было бы восстановить ответственный за ее синтез ген, утраченный человеком и

его предками в ходе эволюции. Эта потеря компенсируется в достаточной для выживания мере поступлением витамина с пищевыми продуктами, но, видимо, продолжительность жизни при этом не максимально возможная.

За счет модификации регуляторных элементов, например, промоторных участков генов, задающих уровень их функционирования, можно было бы снизить образование свободных радикалов, являющихся сильнейшим повреждающим фактором, усилить функционирование системы их инактивации, системы восстановления повреждений ДНК, воздействовать на работу гипоталамических центров вегетативной регуляции и т. д.

Генетическое вмешательство опасно возможностью непредсказуемых последствий. Еще не настолько известна работа генетического аппарата и организма в целом, чтобы точно вычислить результат изменения наследственной программы. Для снижения риска можно использовать, например, «инженерию РНК». Если бы удалось защитить от распада вводимые новые для организма информационные РНК, мог бы быть получен стойкий эффект.

Человечество тратит много сил на борьбу с болезнями, сопровождающими старение, гораздо меньше — на исследование этого процесса, совсем мало — на испытание средств, направленных против отдельных механизмов его развития. А вот постановка вопроса о глубоком целенаправленном вмешательстве в биологию процесса старения пока не пользуется достаточным признанием.

Между тем, развитие проблемы поиска путей искусственного увеличения продолжительности жизни сейчас находится в той стадии, когда это направление готово воспринять и быстро реализовать современные успехи теоретической биологии, фармакологии, кибернетики, молекулярной биологии и других наук, и ответ на многие важные вопросы мог бы быть получен в течение ближайших десятилетий. Соревнование в достижении все большей продолжительности жизни людей могло бы явиться хорошей альтернативой гонке вооружений.

«ПРИНЦИП ФЕДОРОВА» (НЕПРЕЛОЖНЫ ЛИ ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ?)

А. В. Быховский

Среди основополагающих принципов, впервые сформулированных гением Николая Федоровича Федорова, особое внимание в свете последних достижений нашего века привлекает принцип преодоления законов природы силами человеческого ума. Сам автор этого удивительного по своей смелости принципа в качестве примера такого преодоления смог использовать только лишь распро-

100

страненный в то время миф о воскрешении Лазаря и воскресении Христа. Конечно, этот пример, казавшийся автору данного принципа убедительным, отнюдь не связан органически с самим «принципом Федорова». Реализация указанного принципа в современных условиях требует учета новейших достижений научно-технического прогресса, а вовсе не использования древних легенд.

В связи с таким подходом к творческому наследию основоположника русского космизма следует критически оценить использование им таких терминов, как «воскрешение» и «бессмертие». В представляемом докладе применяется более корректный, на наш взгляд (но отнюдь не идеальный), термин «сохранение личности». Недопустимо не подумать о том, что наряду с принципами сохранения вещества и сохранения энергии может существовать еще один принцип, имеющий для человека самое большое значение, — принцип сохранения его неповторимой личности. Лишь на первый взгляд этот принцип следует трактовать как чисто фантастический, иными словами, выражающий ту же самую идею бессмертия. По словам Гете, на некоторые вопросы мы не имеем ответа не потому, что его вообще не существует, а потому, что сами вопросы неверно поставлены. Нам представляется, что примером такого неверно поставленного вопроса является термин «бессмертие». Попробуем вместо этого термина рассмотреть цель сохранения личности в плане решения тех конкретных задач, которые следует реализовать для достижения этой цели. Анализ такого «дерева целей» выявляет три задачи, которые следовало бы решить для практического осуществления сохранения личности. Решение почти каждой из этих трех задач связано с вполне определенными технологическими приемами, значительная часть которых уже в настоящее время наметилась.

Первая задача связана с поисками той части головного мозга, которая ответственна за чувство «я» человека, и моделированием тех биологических структур, которые находятся в этой части.

Вторая задача состоит в создании такого биологического субстрата, который мог бы воспринять ту модельную основу, что определяет ощущение «я».

Третья задача заключается в переносе ощущения «я» человека на модель функциональной структуры или в биологический субстрат, способный воспроизвести это ощущение.

Но прежде чем подойти к практическому решению этих задач, придется преодолеть ту власть стереотипных представлений, которая мешает соответствующим исследованиям и работам. Эти стереотипные, традиционные взгляды являются значительно более интенсивным тормозом прогресса, чем неизбежные технические трудности, стоящие на пути решения каждой из предложенных задач. Сущность требующих преодоления стереотипов и ожидаемых трудностей видна при рассмотрении этих трех задач.

Первая задача связана с проведением серии исследований, которые имеют ближайшей целью выявить биологические структу-

101

ры, ответственные за ощущение человеком или животным чувства «я» или эквивалента этого чувства.

Приходится исходить из того эмпирического факта, что такое чувство появляется у человека далеко не сразу, оно возникает в детстве по истечении нескольких лет жизни, а у близнегов еще позже. У лиц после операционного общего наркоза или подвергнутых реанимации чувство «я» возникает не сразу, а после восстановления общего ощущения бытия. У лиц с глубокими нарушениями головного мозга это чувство может оставаться не нарушенным, а у других людей при выходе из строя небольшого участка мозга (например, вследствие эмболии) чувство «я» исчезает. У некоторых животных отмечается обостренное неприятие других животных того же вида (медведи), у других — невозможность единичного существования (пчелы, муравьи). Исследования методом стереотаксиса, проведенные в Ленинграде под руководством Н. В. Бехтеревой, показали, что вторжение инородных тел в стволовую область головного мозга вызывает у человека нарушение ряда чувств, в том числе чувства «я». Казалось бы, для решения первой задачи было бы необходимо провести серию исследований, и все эти работы не должны отличаться с точки зрения методики от обычных исследований. Однако возникают дискуссионные проблемы, переключающие усилия исследователей на словесные ристалища.

Возникает, во-первых, вопрос о соотношении между чувством «я» и личностью человека. Совершенно очевидно, что чувство «я» представляет собой не всю личность человека, а ее основу, имеющую для него главное, определяющее значение. Конечно, личность человека включает не только чувство «я», но и многое другое, связанное с информационным опытом человека, — например, знание английского языка. Но тем не менее именно чувство «я», а не эти, присущие каждому человеку сведения, определяет в первую очередь его личность. Поэтому, ставя перед собой общую цель сохранить человеческую личность, было бы неверным видеть в первой задаче попытку сохранения всего опыта человека. Это означает с самого начала внести в проблему чрезвычайную сложность, требующую отказаться от ее решения.

Дискуссионной проблемой является, во-вторых, соотношение между формированием чувства «я» и морфологическими структурами, определяющими это чувство у данного человека. Многое написано и сказано о том, что в формировании чувства «я» решающую роль играет социальный фактор. Опыты Мещерякова убедительно показали это. Но ведь любое формирование имеет результатом ту или иную морфологическую структуру, обеспечивающую эффективное выполнение усвоенной организмом функции. Почему бы не искать эту структуру? Тем не менее, ученые, убежденные, что «я» находится не в мозгу, а где-то в обществе, исходя из этого убеждения, полагают какие бы то ни было поиски ненужными.

Одной из дискуссионных проблем является и вопрос о том, весь ли мозг ответствен за ощущение человеком своего «я» или его не-

102

которая часть. Казалось бы, ответ на этот вопрос следовало искать в результатах экспериментальных исследований. Однако, традиционный подход без всяких исследований дает словесный ответ на такой вопрос: за чувство «я» ответственен весь мозг. Подобным же образом несколько десятилетий тому назад сторонники общих принципов наследственности категорически отрицали роль генов в этом процессе. Можно было бы соглашаться с тем, что весь мозг человека ответствен за чувство «я» лишь до той поры, как были открыты конкретные морфологические структуры таких центров, как центр голода и центр удовольствия. Значит поиск и других центров может вестись без упреков в еретичности подобного рода исследований.

Принципиальной основой для решения первой задачи представляется положение о функциональных структурах, построенных на совершенно иной материальной основе. Как известно, ЭВМ состоят из нестареющих носителей, но они так же выполняют функцию счета, как живые люди-счетчики, осуществляющие счет с помощью стареющих структур головного мозга. Поэтому вопрос о старении и смерти биологических структур нам кажется вопросом более низкого порядка, чем проблема функциональной структуры. В создании функциональных структур на основе достижений научно-технического прогресса можно усмотреть реальное воплощение «принципа Федорова» о преодолении законов природы на основе силы человеческого ума.

Решение в т о р о й задачи на первый взгляд фантастично и не реально, однако успехи в области клонирования заставляют подойти к ее анализу вполне реально. Основу для ее решения составляет особенность строения клеток, входящих в состав организма человека. Каждая из них содержит полный набор генетических структур, предопределяющих устройство всего тела человека. В начале 80-х гг. XX века удалось воссоздать весь организм лягушки из клетки ее кишечника. Очевидно, не так уж фантастично такое же воссоздание и человека.

При переходе к третьей задаче приходится признать, что возможность ее решения на сегодня остается проблематичной. Но и при нерешенности этой задачи практическая значимость первой задачи столь велика, что ее решение явилось бы важным шагом в выполнении того принципа, который завещал Н. Ф. Федоров.

Если представить себе, что три задачи удалось бы решить, перед человечеством возникли бы совершенно новые возможности. Ограниченность жизни человека ставит, казалось бы, предел космическим полетам на далекие небесные тела. Однако решение всех трех вопросов, ограниченных, как принято считать, незыблыми законами природы, позволило бы перейти к следующей стадии развития человечества. В наше время мы находимся на стадии биосферы, когда циклическое развитие общества и циклы природных ресурсов стали соизмеримы между собой. Биосфера, как показал опыт последнего века, не совместима с техносферой, которую соз-

дало человечество в процессе своего социально-экономического развития. Техносфера не совместима и с человеком, который ее сформировал. Одним из проявлений такой несовместимости является истощение озоносферы как одной из уязвимых частей биосферы. Созданная человечеством безнравственная техносфера должна быть преобразована человеком нашего поколения, и тогда наступит та стадия биосферы, которую великий В. И. Вернадский обозначил как ноосферу.

Переход к ноосфере решает важные противоречия между циклами общества и природы: 1) между сложившимися природными циклами биосферы и вновь возникающим циклом «общество»; 2) между интересами личности и требованиями общества внутри нового цикла «общество» в условиях его беспрерывного расширения и создания новых технических средств.

Возникают новые свойства человеческой личности:

— меняется отношение личности к природе, связанное с коренным изменением этических компонентов; принцип напора на природу вытесняется концепцией ее защиты;

— патоцентризм (от слова патос — болезнь) сменяется саноцентризмом (от слова санус — здоровый);

— в сознании человека возникает новое чувство «мы» без «они», которое способствует дальнейшему расширению и увеличению цикла «общество», чувство «мы» без «они» отвечает этике ноосферы.

Перечисленные изменения личности уже наметились в настоящее время и успешно реализуются в условиях социалистического общества, где развиваются принципы колlettivизма, интернационализма и других этических начал, присущих ноосфере. Недаром В. И. Вернадский считал социализм государственным строем, отвечающим интересам создания ноосферы.

Именно в этих условиях приобретает особую остроту нерешенность третьего противоречия развития биосферы — зияющего различия между кратковременностью существования человеческого организма и космической (т. е. вечной) природой человека. Как указывает в «Правде» Ю. А. Жданов, «Весь исторический опыт свидетельствует о том, что по своей природе человек является существом космическим. Сознание этого первоначально стихийно возникло в мифах, легендах и преданиях людей» (6.03.87). Попыткой подойти к этому драматическому противоречию является и опыт Н. Ф. Федорова, генетически связанный как с вполне современным «принципом Федорова», так и с мифологической традицией первоначального периода развития человечества.

Сегодня нет реальных предложений о том, как может быть преодолен этот зияющий разрыв. Однако, если бы удалось решить все три задачи, которые сформулированы в этом докладе, в том числе и третью, требующую участия гениального ума, возникла бы фантастическая ситуация полного преодоления противоречия между кратковременностью человеческого существования и вечной природой человека на основе силы человеческогоума, преодолеваю-

щего пределы, установленные природой. Тогда стал бы возможным полет к далеким небесным телам, требующий многих тысячелетий. За это время основа личности человека — его «я» — многократно оказывалась бы в телах, которые на основе клонирования воспроизводили бы биологические структуры человека, но эта основа была бы сохранена.

Сегодня, к сожалению, конкретные пути сохранения ядра человеческой личности еще далеки от своего конкретного решения. Однако несомненно, что поиск этих путей на стадии ноосферы будет вестись, и их открытие на строго научной базе явится крупным достижением научного гуманизма, намечающего переход к следующей, «постноосферной» стадии развития биосферы.

На этой грядущей стадии биосферы будут удовлетворены все без исключения потребности человека, в том числе и потребность в ничем не ограниченном сохранении его личности. Осознание этой потребности не стало еще общим свойством людей. Подавляющее большинство жителей Земли без какого бы то ни было протеста считают себя смертными, и лишь поэтически мыслящие представители человеческого рода и гениальные философы, каким является Н. Ф. Федоров, восстают против такого установленного природой жестокого порядка.

Решение проблемы, поставленной перед человечеством Федоровым, перевело бы биосферу в новое качественное состояние, в эпоху, которую можно было бы обозначить как этерносферу (этернос — вечность). На стадии этерносферы продолжительность существования человеческой личности стала бы соизмеримой, по желанию этого человека, с периодом существования космоса, т. е. практически вечной, и тогда главной задачей общества окажется только его расширение схватом других космических тел, как и предвидел Федоров.

Итак, «принцип Федорова» и поставленная им задача освоения человечеством далеких космических тел тесно связаны между собой. Эти космические тела, несомненно, будут освоены человеком, и на основе бесконечного развития научно-технического совершенства человеческого рода будет достигнута и та цель, которая послужит условием такого распространения, — сохранение личности человека путем преодоления «вечных» законов природы. Сохраненная на века личность потребует более совершенных этических начал, при выработке которых так важен пример и труды Н. Ф. Федорова.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ СМЕРТИ ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЖИЗНИ

С. А. Стебаков

Предпринята попытку подсчитать и взвесить шансы практического решения проблемы Федорова (в этом тексте она подразумевается с некоторыми ограничениями), автор высказывает по во-

просам: что есть жизнь? что есть смерть? каковы перспективы «большой реанимации»?

Изложенное можно разбить на части, озаглавленные:

1. Рекурсия.
2. Трансгенерация.
3. Некрогенез.
4. Некротигенетическое покровительство.
5. Обратимая имитация умирания.

1-е и 2-е отвечает на вопрос «что есть жизнь?» (моделированием живой системы выявляются необходимые и достаточные условия жизнеспособности), 3-е и 4-е отвечает на вопрос «что есть смерть?», 5-е дает попытку ответа на вопрос о перспективах «реанимации».

Доказательной силой обладает то, что следует из испытанных временем закономерностей и из общепринятой (порожденной такими же закономерностями) логики умозаключений. Выходящие за пределы всего этого теоретические рассуждения способны лишь выявить преемственность понятий и привести к формированию достаточно выразительной и правдоподобной описательной модели, подсказывающей проекты экспериментов, могущих обогатить накопленный научный опыт. Поэтому все изложенное, само по себе, то есть до проведения эксперимента, не доказывает ничего, кроме возможности обсуждать ранее не подлежащее обсуждению и этим подготавливать возможность будущих строгих доказательств.

Если по-деловому подойти к Федоровской проблеме «общего дела», то надо начать с внесения отчетливой определенности в известные насущные вопросы бытия, а тут неизбежно использование «математического языка». В данной статье мы ограничимся лишь самым необходимым. Объясним сперва, чем отличается перемножение чисел от декартова перемножения геометрических образов. Перемножая длину и ширину прямоугольника (т. е. два числа), мы получаем площадь прямоугольника (т. е. тоже число). Декартово перемножая две взаимно перпендикулярные стороны прямоугольника (т. е. геометрические образы), мы получаем прямоугольную пластинку (т. е. геометрический образ). Декартово перемножение полезно тем, что помогает ввести в рассмотрение «многомерные пространства», которые можно представить себе лишь умозрительно, но ведь говорим же мы об атомах, вакууме и черных дырах, которые, несмотря на «ненаглядность», определяются как физические реальности.

Декартово умножение прямолинейного (одномерного) отрезка на перпендикулярный к нему прямолинейный отрезок дает двумерную пластинку. Умножая ее на перпендикулярный к ней отрезок, мы получаем трехмерный «кирпич». Умножая его на перпендикулярный к нему отрезок (это уже не наглядно, но впол-

не определимо на языке геометрических обобщений), получаем «четырехмерный кирпич». Поступая аналогично, после перемножений получим n -мерный кирпич, а в пределе, при неограниченном росте n , получаем «бесконечномерный» кирпич. Нумеруя кирпичи последовательно возрастающей размерности, мы неизбежно исчерпаем все множество натуральных чисел, используя их как значения нумерационных индексов, поэтому пополним множество порядковых чисел новым «трансфинитным» числом, обозначаемым греческой буквой омега. Продолжая декартовы умножения на прямолинейный отрезок, получим кирпичи, имеющие трансфинитные индексы: омега, омега+1, омега+2 и т. д. Когда упомянутые отрезки растягиваются в стороны до бесконечности, то каждый кирпич превращается в имеющее ту же размерность и то же значение индекса «пространство». Декартово перемножение двух конечномерных пространств дает пространство, размерность которого равна сумме размерностей сомножителей и также значению индекса. Если, по крайней мере, один сомножитель является бесконечномерным, то их произведение имеет порядок, превосходящий индекс первого сомножителя соответственно индексу второго сомножителя и также является бесконечномерным пространством.

Если на плоскости расположена какая-нибудь совокупность неподвижных точек, то мы можем найти ее «горизонтальную» и «вертикальную» проекции на соответствующие координатные оси. Пусть, например, каждая проекция состоит из как-то расположенных точек и тире (которыми в «коде Морзе» когда-то передавались телеграммы). Тогда каждая проекция может быть надписью осмысленного текста или слова. Например, проекции будут читаться, как «папа» и «мама». Взаимная независимость проекций состоит в том, что вертикальными смещениями точек на плоскости мы можем так перегруппировать точки вертикальной проекции («мама»), что получится «тетя», а надпись «папа» останется нетронутой. Эту независимость можно нарушить, условившись, что точки на плоскости насыпаны не как попало, а лежат на некоторой кривой линии, а вертикальные и горизонтальные смещения каждой точки согласованы так, чтобы точки не могли сойти с этой кривой. Тогда, перегруппируя точки горизонтальной проекции, например, так, чтобы она превратилась в текст «Войны и мира», мы, при соответствующей фигуре кривой, можем получить превращение другой проекции в текст «Капитанской дочки» и ни во что другое. Если форма кривой меняется, а текст выбирается нами только на одной оси, то она может вступить в «диалог» с другой осью, по смыслу ответных текстов другой оси догадываясь об изменениях кривой. Такая («прямая» и «обратная») зависимость формы кривой от «ответа» и зависимость «ответа» от формы кривой называется функциональной зависимостью. Когда расположенная на плоскости точечная совокупность является тенью объекта, закономерности изменений которого определяются отражаемым тенью взаимодействием физических факторов, то закон этого воздействия

описывается математическим законом взаимозависимости проекций тени на координатные оси.

Заметим, что в тех случаях, когда это удобно, можно условиться считать, что каждая из наших координатных осей является символическим обозначением некоторого многомерного пространства, а наша «координатная плоскость» является символическим обозначением их декартона произведения.

Известно, что перевод некоторого высказывания на математический язык вовсе не является «доказательством истинности» того, что этим высказыванием утверждается, но могущие в нем быть скрытые противоречия выходят на поверхность. Истинность физического утверждения или проверяется экспериментом, или следует из накопленного физического опыта.

Теперь, говоря о разобщенности двух пространственных объектов, мы можем различать «дистанционную» разобщенность (когда один объект удален от другого на некоторое расстояние) и «размерностную», когда объекты разобщены как прообразы различных (например, «горизонтальной» и «вертикальной» проекции) так что говорить об их, друг от друга, удаленности бессмысленно. А ведь непонимание этого различия побуждало сторонников Аристотеля и Платона, знавших только о дистанционной разобщенности, споря о разобщенности души и тела, ломать голову над вопросом «где и как душа прикреплена к телу?». Мы часто повторяем, что психическое есть «функция» (в смысле выражения или в смысле отражения) телесного, не уточняя своего мнения о сохранности психического при распаде телесного. Некоторые считают, что отражение обязательно распадается вместе с распадом отражаемого, так что о «душе», независимой от тела, нечего и говорить. Но ведь «отражением» может быть и фотоснимок, и отражение в зеркале. В первом случае сохранность будет, во втором — нет. В случае «выражения» распадителен. Что же будет с «душой»? При решении «психофизической» проблемы, трактуя ее как «диалог функционирований» трехмерной и бесконечномерной «осей», мы почувствуем пользу математического языка, более внятно излагающего то, что на ту же тему высказывали Аристотель, средневековые диспутанты, Декарт и Марат, который тоже отстаивал позитивное решение психофизической проблемы. Декарт, не вполне отчетливо сознавая, что делает, разлагал пространство в произведение трехмерного пространства и некоторого многомерного, рассматривая «контакт души и тела» как «диалог двух проекций». Так было по существу, но сознавалось это самим Декартом далеко не во всей полноте. Многомерных пространств математики тех времен еще не знали, хотя догадки о них и были. Проекцию на вертикаль, перпендикулярную к трехмерности обычного мира, Декарт характеризовал тем, что эта проекция проектируется на горизонтальную символически изображающую трехмерность ось как точка, имеющая «нулевую длину». Поэтому он полагал эту вертикальную проекцию (т. е. «душу») состоящей из «непротяженной субстанции».

Еще раньше, на схоластических диспутах в средневековых монастырях, этой вертикальной проекцией изображали «сонм ангелов», а вместо «непротяженной субстанции» говорили, что все ангелы могут уместиться на «конце иглы» (т. е. на «территории» одной точки). Говоря, что психический аппарат (т. е. «душа») и тело разобщены «размерностью», мы вносим в этот вопрос геометрическую ясность.

В дальнейших рассуждениях мы применим математический язык, пытаясь модернизировать физическую модель мира, а побочным результатом этой попытки будут некоторые выводы о возможности практического осуществления Федоровского «общего дела».

Чтобы не запутаться в трудностях предстоящей попытки решения нашей задачи, надо произвести четкое деление излагаемого материала на то, что принимается без обсуждения, как исходные данные, и то, что обсуждению подлежит. К первому относятся общепризнанные факты и научный опыт, а также смысл произвольно («по определению») вводимых автором терминов. Ко второму относятся добавляемые автором предположения и использование их, и всего относимого к первому, для обоснования выводимых следствий. В тексте первое и второе будут выделяться заглавиями «исходное» (не обсуждаемое) и «обсуждаемое».

Исходное. Психизм есть функция «психического аппарата», которому в первую очередь подведомствены «сознание», «память», «способность к возникновению идей». Сущность этих явлений неуловима (поскольку в процессе самопознавательных самоощущений человек выступает и как объект, и как средство исследования, и как сам исследователь), но свойства этих явлений допускают постепенно совершенствующуюся описательность (об этом позже). Психизму свойственна способность «эмпатии», т. е. «вживания в образ» (например, литературный или сценический); термин этот введен Роджерсом, а его смысл восходит к Станиславскому. Мы будем употреблять его в расширенном смысле, говоря, например, об «эмпатии летчика в самолет» и т. п. Психический аппарат принято включать в состав физиологически функционирующей телесности, именуемой сомой, и психизм полагается «функцией», т. е. «отображением» состояния сомы.

Обсуждаемое. Чтобы не стеснять себя при необходимости широких обобщений, расширим наше представление о пространстве физического мира, предположив его бесконечномерным и превратим это пространство в «мир», заполнив его «средой» (т. е. ареной возможных событий), распространив на нее требование причинно-следственных обусловленностей, т. е. описывая ее как «обобщенную материальность». Совмещены ли области прообразов и образов в функциональном соответствии психизма и соматизма? Не имеет ли место размерностная обособленность сомы от ее управляющего органа (т. е. психического аппарата)?

Исходное. Произведем условное, функционально-морфологическое структурирование человеческого организма:

1. Совокупность чувствительных органов (ЧО).
2. Совокупность исполнительных органов (ИО).
3. Орган переработки информации (ОПИ), циркулирующей в замкнутом контуре: среда — (ЧО) — (ОПИ) — (ИО) — среда.
4. Опорная система («скелетная вешалка»).
5. Защитная оболочка.
6. Средство энергообеспечения.
7. Каналы связующей ЧО, ИО, ОПИ сигнализации.
8. Энергомеханические преобразователи.
9. Орган обеспечения «воли к жизни» (ОВЖ), включающий источник поведенческих инициатив и средоточие личностных качеств.
10. «Остаток», образованный «всем остальным», т. е. средствами, обеспечивающими самообновление телесного материала, средствами регуляции физиологии, органами размножения и т. д.

Психический аппарат = ОПИ + ОВЖ.

Первая восьмерка перечисленных компонентов = «сома».

Обсуждаемое. Если бы мы располагали запасом запчастей для ремонта «сомы», то необходимость остатка отпала бы. Современный уровень техники и знание тенденций его развития в будущем дают надежду на искусственное приготовление «сомы», обеспеченной запчастями. Если наш мозг (точнее ЦНС) является носителем психического аппарата, то отвязаться от остатка не удастся, и возможность искусственной сомы не даст никакой выгоды. Если же мозг есть лишь транслятор, связующий тело с обособленным от него психическим аппаратом, то, решив проблему синтеза транслятора, мы сможем протезировать тела, создав «тотальную» (всесистемную, от телесных, но не от психических болезней) медицину, а также возможность неограниченного продления безаварийной биологической жизни. Может ли такое быть? В предыдущем «обсуждении» мы, отметив возможность размерностной обособленности, поставили вопрос об альтернативности двух версий — наличия или отсутствия разобщенности психического аппарата от остаточной части организма. Кибернетический анализ понятия «сознания», «памяти» и «возникновения идей», как увидим далее, благоприятствует версии разобщенности, а не версии совмещения. Вызываемую нашим самоощущением иллюзию совмещения создает эмпатия управляющего органа в тело (необходимая для оптимизации управления телом). Версия разобщенности предполагает систему обратной связи, стыковку психического аппарата и сомы через транслятор (Тр) по схеме:

психический аппарат \longleftrightarrow Тр \longleftrightarrow сома.

Для экспериментальной проверки этой версии надо заменить сому на «сому» (т. е. на протез сомы) и изобрести Тр и способстыковки. В случае успеха будет получен способ «транслокации» (пересадки на протез) психического аппарата, а следовательно, и «тотальная медицина».

* * *

Назовем «рефлексирующим» фактором нашего психизма такой фактор, который, воздействуя на некоторую совокупность объектов, сам является одним из объектов этой совокупности. Можно привести много примеров таких факторов, рефлексность которых общеизвестна и отражена в их названиях включением словесной частицы «само», например: самоощущение, самосознание, самокоррекция; самонастройка, самоуправляемость; самоорганизация и т. д. Существуют технические устройства, функционированию которых свойственно участие некоторых из этих факторов (например, «самонастройка» и «самоуправляемость»), но в довольно ограниченной мере. За пределами этих ограничений начинается участие человека («оператора»), который считается наделенным этими факторами «от природы», так что если тут возможности и ограничиваются, то лишь «мерой работоспособности». Есть некоторые «само», искусственно вообще не воспроизводимые, например, «самосознание», «самоощущение» и т. д. Человек сознает свое существование, «сознавая себя созидающим», ощущает себя, «ощущая себя ощущающим». Таковы свойства этих явлений, в которых мы явно отдаляем себе отчет, хотя сущность явлений нам загадочна. Не понимая их сути, нечего говорить об их технической реализации, но умозрительные модели их функционирования и даже «аппаратурное оформление» (тоже умозрительное) таких моделей можно себе представить. Рядом с созидающим наличие внешне и внутренне ощущимого мира «органом сознания» должен существовать другой «орган сознания», осознающий наличие и функционирование предыдущего органа, а рядом с этим вторым должен существовать третий и т. д. Будет это нескончаемая цепочка органов или ее можно взять конечной и «заклинить»? Но от заклинивания придется отказаться, поскольку эта цепочка помимо многих других «само» должна обладать еще и свойством «самокоррекции», которому заклинивание противопоказано. Рефлексность фактора отражается и в определяющей его формулировке (а терминологически это закреплено добавкой «само»). В формулировку этого определения входит то самое, что определению подлежит. Следовательно, перед тем, как использовать формулировку, надо ее уточнить, определив это самое «в нее входящее», а определять придется с помощью той же самой формулировки и т. д. до бесконечности. Примером может служить та же формула «сознание осознает себя созидающим», подсказанная отчетливостью нашего самоощущения. Бесконечную це-

почечность умозрительной модели мы окрестим словом «рекурсивность» (заимствованным из теории алгоритмической вычислимости, где этот термин определяется иначе).

* * *

Итак, феномен «жизни» — это «парадокс бесконечности», порожденный неисчерпаемостью ее удивительных потенций (из бесконечности можно, вообще говоря, вычерпать «что угодно»). Примерами математических порождений этих потенций являются гладкость кривой, трансцендентность суммы степенного ряда и т. п. Полагая, что всякая функциональная зависимость в живой системе порождается функционированием некоторой ее подсистемы, а модель такой подсистемы допускает «аппаратурное» оформление, мы представляем себе каждую из рассмотренных здесь рекурсий как цепочку сигнальных преобразователей, что приводит к вопросу о вмещении этой цепочки в пределы габаритных ограничений.

Живую систему естественно полагать габаритно ограниченной, иначе она непосильна нашему познанию и на какую-нибудь науку о жизни придется махнуть рукой. Загнать же бесконечную цепочку, звенья которой имеют одну и ту же размерность, в ограниченную область той же размерности можно лишь при условии неограниченной миниатюризации звеньев, т. е. при стремлении к нулю габаритов звена при возрастании его номера. Далее следует некоторое предположение о свойстве физической среды. Это ее свойство, именуемое «флюктуационностью», состоит в том, что среда беспрерывно самопроизвольно «встряхивается», причем промежуток времени между соседними встряхиваниями стремится к нулю вместе со стремлением к нулю максимального, вызванного этим точечного отклонения. Без такого «встряхивания», рано или поздно, зашло бы в тупик «самодвижение» (а с ним и «саморазвитие») материи. Эта «флюктуационность» разрушает всякую «тонкую» подструктуру системы. Уйти от такого разрушения можно, лишь оборвав миниатюризацию на каком-то не слишком миниатюрном звене, и повысив размерность звена (что повышает его сопротивляемость разрушениям), выйти в ортогональную (т. е. обобщенно-перпендикулярную) расширенность пространства. Но там действует разрушительность флюктуаций повышенной размерности и, сталкиваясь с аналогичными явлениями, мы вынуждены повторять операции ортогонального расширения снова и снова до бесконечности, что приведет нас к бесконечномерности физического пространства, вмещающего живые системы. Оказывается, что эта бесконечномерность не только необходима (из-за рекурсивности «сознания» и других свойств «живого»), но и достаточна для «возникновения идей» и других свойств психизма. Опуская доказательство сказанного, ограничимся замечанием, что рекурсивная модель психического аппарата мыслится нам как управляющая иерархия звень-

ев, подключенных одной стороной к соме, а другой к уходящей за горизонт бесконечности, в область трансфинитных порядковых индексов, возрастающих в направлении от сомы.

Каждое звено является отчасти преобразователем сигнальной информации, отчасти ее транслятором. Каждая пара смежных звеньев соединена каналами прямой и обратной связи (а первое звено также соединено с сомой), так что по всей цепи текут два встречных потока информации. Один (восходящий) поток осведомляет каждое последующее звено о состоянии предыдущих (включая ощущения сомы), а другой (нисходящий) снабжает предыдущие (включая сому) управляющими рекомендациями. Преобразовательные способности звена (и сложность его реконструкции) растут с возрастанием индекса и сопровождаются возрастанием размерности, а бесконечность обеспечивает феноменальные возможности переработки информации. Мы назовем эти звенья «трансгенераторами» (ТГ) информационных потоков по причине указанного совмещения их транслирующих свойств и их генерирующих преобразования функционирований.

Задаваясь вопросом о местонахождении той «сердцевины» психического аппарата, где сосредоточен «потенциал жизнеспособности», мы приходим к выводу, что этого средоточия в определенном месте нет, что он распределен по всей цепи неравномерно, так что при удалении от сомы потенция не убывает.

* * *

Далее мы приходим к выводу о неизбежности постепенного и нескончаемого «отмирания хвоста», называя «хвостом» нашей умозрительной конструкции психического аппарата ту ее часть, которая с одной стороны примыкает к соме, а с другой стороны ограничена звеном некоторого произвольно заданного индекса. Отмирание (распад звеньев) начинается с распада сомы и происходит из-за накопления флюктуационных разрушений, а затем распространяется далее, туда, где с возрастанием индекса возрастают и размерность, и сложность, и сопротивляемость разрушению, и восстановительная способность звена. Итак, ТГ-звенья (иначе говоря, «лестничные ступени») отмирают и цепь (иначе говоря, лестничная иерархия) «сокращается», если так можно говорить о чем-то бесконечно-звенном (бесконечно-ступенчатом). Однако «живучесть» сохраняется, поскольку сохраняется бесконечность, а следовательно, и сохраняется потенциал жизнеспособности. Жизнеспособность сохраняется, но реализуется каждый раз новым «оконечным» звеном наименьшего индекса. В силу усложнения звеньев (с возрастанием индекса и, в частности, возрастанием способности к самообучению, уровень функционирования системы (реализуемого оконечным звеном), с ростом индекса оконечного звена возрастает. «Выход на авансцену» каждого нового оконечного звена становит-

ся все более эффективным, если не считать некоторых дальнейших, весьма существенных оговорок. Тут следует задержаться, сделав некоторые философские заключения.

Подобно всему тому, что нам желательно подвергать обобщению, можно обобщить и понятие биологической жизни. Условно изображая отношения понятий и сравнение этих отношений той же символикой, которой в математике изображают числовые отношения и пропорциональности, можно представить себе определение обобщенной жизни через символическую пропорцию:

$$\begin{array}{c} \text{физическое определение матери} \\ \text{философское определение матери} \end{array} = \begin{array}{c} \text{биологическое определение жизни} \\ \text{обобщенное определение жизни} \end{array}$$

Если каждое обобщение жизненного существования будет мысляться в условиях новой материальности мира, то каждому новому обобщению будет соответствовать новая пропорция. Каждому акту отмирания одного звена (или нескольких звеньев сразу) будет соответствовать новое (окончное) звено наименьшего индекса, новая обобщенность жизненного существования, новая материальность нового мира. Это окончное звено будет играть роль новой обобщенной сомы, взаимодействующей с новой средой обитания, а вся цепь вышестоящих звеньев будет играть роль нового психического аппарата и новое (обобщенное) сознание эмпатируется в новую сому. Итак, исходя из условия возрастания (с ростом индекса) сложности ТГ-ра (без этого нельзя объяснить присущий психизму феномен возникновения идей) и условия флюктуационности среды (иначе прекратился бы динамизм бытия), мы открываем перспективу бесконечной последовательности «обобщенных смертей» (т. е. прекращений обобщенных жизненных существований) и «посмертных метаморфоз», наделяющих новые сомы новыми средствами взаимодействия с новыми средами, т. е. наделяющих их новыми чувствительными и исполнительными органами. Гарантией такой нескончаемости восхождения по ступеням усложняющихся обобщенных существований является сохранение потенциала жизнеспособности при каждом новом акте умирания. Назовем этот бесконечный процесс восхождения «некрогенезом»¹ и будем считать его обобщением того, что в масштабах нашей обычной жизни именуется «борьбой за существование». Различные обобщения этой жизнеутверждающей тенденции имеют место на каждом этапе обобщенного (теперь уже в самом широком смысле) существования и все они будут выражениями того, что уместно назвать «некрогенетическое покровительство». Оно диктуется «заинтересованностью» в том, чтобы на каждом этапе человек накапливал достаточный жизненный опыт, помогающий ему осваиваться с более сложными существованиями на следующих этапах, чтобы процесс этого накопления не был прерван преждевременностью аварийной

¹ В этом в состоит упомянутая в заголовке «ненебожность жизни», если под «жизнью» понимать бесконечную цепь обобщений того, что мы называем «теперьшей жизнью».

гибели. Поэтому в непосредственно управляющую систему окончного звена (т. е. в первую ступень психического аппарата) закладываются «страх смерти», «инстинктивная борьба за существование» или, по крайней мере, «цепляние за жизнь» и «самоохранительное убегание от опасности». Наряду с примитивными спасительными стимулами закладываются и высшие, моральные ценности жертвенных порывов и благородства чувств, но мотивировать эти стороны личностной характеристики мы сейчас не будем. Это некрогенетическое покровительство вызывает подсознательное понимание необходимости оптимизировать свой личностный статус, чтобы на следующем этапе предстать с достаточным багажом накопленного жизненного опыта. По-видимому, эта оптимизация (понимаемая каждым в меру «кому что дано») и составляет так называемый смысл жизни. Живущий «бессмысленно», оказавшись «там», рискует, капитулировав перед «тамошними» повышенными трудностями, погрузиться в анабиоз (в смысле обобщенного биологии) или быть, грубо говоря, «недоумком».

Если не полагать, что такие «постлетальные метаморфозы» скаткообразны, то простой здравый смысл заставляет предположить, что еще до отмирания окончного звена окончное будущее уже располагаетrudimentами будущих чувствительных и исполнительных органов.

Исходное. Мы часто сталкиваемся с рассеянными тут и там непонятными явлениями: открытия молекулярной биологии (опыт Френкеля — Конрата, «самосборка»), загадки митоза, мейоза и эмбриогенеза, постынсультные (и прочие) репарации, координированный бег обезглавленного петуха (и опыты Тарханова в таком же роде).

Обсуждаемое. Не следует ли отсюда возможность (а в силу принципа «единства мира» и необходимости) распространить на биологию законы инерции, столь действенные в неживых системах (особенно эффективное в случае электрического «электротока размыкания»), высказав некоторый универсальный закон инерционности?

Исходное. В математической физике рассматриваются «краевые задачи», когда происходящее внутри границ области вполне определяются пограничными условиями и, зная второе, можно вычислить первое. Когда в существующей модели мира мы видим некую «зияющую дыру» и хотим заделать ее правдоподобной гипотезой, то на границе «дыры» эта гипотеза должна согласоваться с известными фактами, так что здесь встречается некий аналог «краевой задачи». Наряду с таким проникновением математической описательности «извне внутрь», бывают и способы обратного проникновения «изнутри вовне» (аналитические продолжения, экспрополяция).

Обсуждаемое. Если мы выскажем «универсальный закон инерционности», то решая «краевую задачу», можно (хотя бы эвристически) обосновать сам некрогенез. Нами наблюдается последова-

тельность отмираний и метаморфоз: «я младенец», «я ребенок такого-то возраста», «я юноша», «я взрослый», «я пожилой», «я дряхлый старец» (могут быть и более мелкие градации). Младенческая ограниченность, детские интересы, юношеская энергия и т. д. «отмирают» перед наступлением следующей возрастной фазы. Думается, что дряхлость — это «большое отмирание» перед «большим изменением».

«...О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела».

Заболоцкий

Я не уверен в том, что Игорем Северянином мыслилось «постлетальная метаморфоза «души» в «тело», но вспоминаю о ней, читая его строки:

«возникнуть может каждый миг страна,
где чувственна душа, как наше тело».

Вышеприведенные жизненные наблюдения, а тем более стихи, ничего не доказывают, но они наводят на мысль о проектировании проверочного эксперимента. Перспективность эксперимента должна быть мотивирована. Думается, что трудности экспериментирования оправданы тем, что на основе сравнительно правдоподобных предложений мы получаем целостную картину там, где не было ничего.

Когда полеты на Марс и т. п. стали газетным материалом, то фантасты пришли в растерянность («Космос ... Что дальше? ...»). Я предлагаю многомерное пространство, как «ортогональное» (т. е. обобщенно-перпендикулярное) расширение космоса. Выход космонавта в открытый космос — это «выход в звездное небо», а что такое «выход ортонавта в многомерную пространственность?» Объяснить это неподготовленному читателю не проще, чем объяснить ребенку «за что папа любит маму», но ребенок растет и постепенно многое понимает. Читателя тоже надо растить (писать соответствующие романы, ставить фильмы и т. д.), а пока «могущий вместить → за вместит».

Если бы человечество, сделавшее так много для культуры оформления надгробий, вознамерилось создать научно-исследовательский «Институт смерти», то прежде всего он должен был бы рассмотреть вопрос о «модели смерти» в виде лабораторной установки, включающей «подопытного человека» и обеспечивающей выполнение эксперимента «Обратимой имитации умирания» (ОИУ). Здесь, во-первых, понадобится предложить легко устранимую и не вредящую здоровью причину смерти и способ реанимации при отсутствии временных ограничений на продолжительность вызванной безжизненности. Во-вторых, надо, чтобы побывавший «там» подопытный человек вернулся не пережившим беспамятство, а мог поделиться хоть каким-то впечатлениями.

Исходное. Существует мнение, что узнать об этих впечатлениях можно, пронтервьюировав тех, кто прошел реанимацию. В США Моуди издал сборник их рассказов. Если это и не сплошная выдумка, то подправленные выдумкой сновидения перед приходом реаниматов в сознание. И вообще, «клиническая смерть» осложнена многими обстоятельствами, не позволяющими считать ее «моделью смерти».

Рассмотрим антропоморфный манипулятор с операторским управлением. Этот антропоморфизм (человекообразность) позволяет оснастить оператора устройствами, имитирующими воздействия на манипулятор от окружающей среды, и устройствами, обеспечивающими имитацию манипулятором реакций оператора на эти воздействия. Оператор находится в кабине, изолирующей его от любых внеманипуляторных внешних воздействий. Такую пару «оператор-манипулятор», связанную сигнальными линиями и разобщенную друг от друга иногда на значительные расстояния, назовем «одноступенчатым эмпатотроном» (ЭТ). В случае идеального ЭТ оператор «эмпатируется» в манипулятор, т. е. «вживается» в него, забывая о собственной телесности, невольно отождествляя себя с ним, подобно актеру, «вошедшему в образ Гамлета». Идеальный ЭТ еще не построен, но близкие к идеальному строятся и, по материалам научной прессы, можно заключить, что осуществление идеального ЭТ не за горами. Углубить операторскую «самозабвенность» можно, оснастив оператора «буксирующим» устройством, избавляющим его психический аппарат от надзора за всяческими соматическими функциями. Внезапный обрыв связи «от манипулятора к оператору» способен вызвать у оператора более или менее длительный шок.

Обсуждение. Если манипулятор играет роль оператора для следующего манипулятора, а этот для следующего за ним и т. д., то мы получим двух-, трех- и т. д. ступенчатый ЭТ. Эмпатия будет всегда проходить в последующую ступень, а убавление ступени будет вызывать «реэмпатию» в предыдущую ступень. Факт таких эмпатических реэмпатических переходов утверждается «теоремой задвижки». Каждой реэмпатии предшествует шоковое состояние, а упражнения с многоступенчатыми ЭТ, доводящие реэмпатию до первого манипулятора, превращают такой ЭТ в «антишоковый тренажер». Антишоковым тренажером может быть и одноступенчатый ЭТ, если то смыкать, то размыкать упомянутый канал связи. Однако нам нужно приучать оператора не только к «исчезновению всей окружающей обстановки», что и является причиной шока, но и к неожиданности изменения обстановки после выхода из шока. Поэтому и нужна многоступенчатость.

Когда тренированный оператор подвергается отключению первого манипулятора, он не может реэмпатироваться в свое собственное тело, ибо оно изолировано от него наличием бусира. Следовательно, реэмпатия отступит еще на один шаг назад, т. е. на первую ступень психического аппарата, станет «ортонавтом». Заметим,

что сам психический аппарат, для своего исходящего потока сигнальной информации есть бесконечно-ступенчатый ЭТ¹, и подключение лабораторного многоступенчатого ЭТ есть попросту его искусственное удлинение.

Пройдя антишоковую тренировку, оператор не будет «шокирован» необычностью нового окружения и будет способен регистрировать впечатления. Когда «буксир» будет отключен, то оператор, согласно теореме задвижки, эмпатируется в свое тело и мог бы поделиться впечатлениями, «неказанными» даже больше, чем для обитателя тропического леса, попавшего в сутолоку большого города. Тут возникает информационно-лингвистическая задача, допускающая решение, на котором мы задерживаться не будем. Отметим не менее важную задачу проверки объективности впечатлениями. Произведенная нами ОИУ провоцирует гипертрофиюrudиментов как побочное следствие этого эксперимента. Отсюда проистекает коммуабельность двух операторов-«напарников», а совпадение их отчетов позволяет судить о мере их объективности. Так решается проблема ОИУ.

* * *

Помимо проверки предыдущих предположений и суждений кооперирование ортонавтов даст возможность использовать одного из них для выяснения природы «моста», соединяющего психический аппарат и сому другого ортонавта. Психизм и соматизм разноприродны, подобно тому как разноприродны магнитное поле, электропроводник, электрический ток, перемещающая проводник сила — в законе Ампера. Может быть, четыре перечисленных фактора имеют четверку соответствующих аналогов и в случае психосоматической связи? Может быть, таковыми являются биополе (определить которое необходимо, не связывая себя безответственными утверждениями парапсихологов), жидкокристаллическая среда (столь существенно участвующая в физико-химизме нервной системы), биотики нервной сигнализации, мышечные сокращения и расслабления. Это сказано довольно неопределенно, но все же как-то очерчивает характер исходных предположений. Напрашиваются многие уточнения и экспериментальные проекты, но пока ограничимся самыми общими замечаниями.

Обладая гипертрофированнымиrudиментами чувствительных и исполнительных органов более высокого уровня, чем присущие переживаемой ступени существования, спаренные ортонавты могут решать не только познавательные задачи, но и производить активное вмешательство в устройство и функционирование многоступен-

¹ Отсюда следует, что сознания всех ступеней эмпатированы в трехмерную сому и потому мы не замечаем свою многомерность.

чатой зоны («микст-технологические» операции). Тут мы подходим к ответу на поставленный ранее вопрос о синтезе Тр и о транслокации психического аппарата на протез «сомы».

Полагая, что горизонтальная ось символически изображает обычную трехмерную пространственность, а вертикальная ось изображает пространственную бесконечномерность, назовем горизонтальную проекцию нашего бесконечномерного организма его «норма»-проекцией, а его вертикальную проекцию — «орт»-проекцией. Норма-проекция моста — это мозг. Орто-проекция моста состоит из двух частей: «ауры», прообраз которой примыкает к соме, и контр-ауры, прообраз которой примыкает к психическому аппарату.

При отмирании сомы аура распадается, а контр-аура метаморфизует, порождая чувствительные и исполнительные органы новой сомы. Тр состоит из ауры и мозга (точнее говоря, из прообразов этих орто- и норма-проекций). Синтез Тр состоит из реставрации ауры и из протезирования упрощенного мозга, т. е. «мозга», который отличается от мозга, как «сома» от сомы. При синтезе Тр действуют универсальный закон инерционности, некрогенетическое покровительство и повышенная самообучаемость покровительствующего фактора, а также гипертрофированность чувствительных и исполнительныхrudиментов.

* * *

При полном выполнении технического задания уровень протезного дизайна должен превзойти эффективность лучших витринных манекенов. Ясно, что протез должен быть приготовлен не «из железа», а из биополимеров (хотя и «железо», и «кристаллы», и «пластмасса» в разумной дозе допускаются). Человек, прия в себя, после транслокации должен почувствовать себя молодым, здоровым и сильным, а не в «бащмаках, которые жмут». Ставить сроки и объявлять цены еще рано, но грубо прикидочно можно говорить о пяти годах и о цене автомашин высшего класса. Это говорится о серийно выпускаемых протезах. Цена же первого образца (включающая стоимость всех предыдущих поисковых проб и ошибок) может сравниться с тем, во сколько обошлось достижение Луны (проект «Аполлон»). Можно было бы описать способстыковки психического аппарата с протезом, дающий неограниченное «растягивание земной жизни» и тем самым доказывающий правоту сделанных выше предположений, а также обобщить транслокацию на случай, когда отмирание достигло не только сому, но и некоторое количество ступеней психического аппарата, но мы на этом заканчиваем, так как указанные предположения выходят за пределы намеченного плана.

ЭВОЛЮЦИЯ МАТЕРИИ — ЭВОЛЮЦИЯ РАЗУМА

М. М. Дерковский, М. З. Брызгалов

Зачем существует материя, космос? Зачем существуют растения, животные и человечество — мыслящая материя? Какова роль человека в мироздании? Эти вопросы всегда задавал себе человек в минуты наибольшего понимания мира. Сегодня, на пороге XXI века, эти вопросы приобрели статус практических проблем, от оперативного решения которых зависит судьба грядущих поколений. Как отразится на эволюции нашей планеты начавшееся разрушение хрупкого озонного слоя атмосферы, защищающего все живое от губительного космического излучения? Не исключаем ли мы из схемы эволюционного процесса существенно необходимые звенья, варварски уничтожая растительный и животный мир? Как влияет на генетическую память человека все возрастающий уровень физико-химического загрязнения окружающей среды? Не приближается ли наша цивилизация к тому трагическому моменту, когда начнется необратимый процесс рождения мутантов, обреченных на физические и нравственные страдания, а в конечном счете — на вымирание? Однозначные ответы на эти кричащие вопросы могут быть получены лишь тогда, когда будут осознаны те закономерности, те информационные механизмы, которые лежат в основе развития материального мира и его неотъемлемой части — планеты Земля.

По существующим научным представлениям материя, подчиняясь еще не познанным законам эволюции, в течение многих миллиардов лет своего существования создавала все более и более сложные объекты: на начальном этапе этого грандиозного синтеза из вечно существующего физического вакуума за счет его энергии возник «слой» элементарных частиц, которых на сегодняшний день экспериментально обнаружено более 300 разновидностей; в результате взаимодействия элементарных частиц с «нулевым» слоем — вакуумом сформировались атомные структуры и на их основе — «второй» слой интеграции: все космические объекты, в том числе и наша планета Земля; на Земле, а также в других точках космического пространства, если отказаться от эгоцентристической идеи о том, что Земля — «центр» Вселенной, лишь в пределах которого справедливы законы эволюции, интеграционный процесс ознаменовался новым человеческим скачком: на инертном, «мертвом» слое вещества в результате физико-химических реакций родилась удивительная структура — живая материя, которая на нашей планете приняла форму живой клетки, появились многочисленные и разнообразные организмы в воде, на суше и в воздухе, Земля «оделась в биосферу»; этот третий слой, слой живой материи, активно преобразовывая «нижние» слои и сам при этом усложняясь, возшел на следующую ступень эволюционной лестницы — синтезировал мыслящую материю — Человечество; с появлением этого «чет-

вертого» слоя претерпел глубокие изменения и сам характер эволюционного процесса: из спонтанного, управляемого волей случая он все более становится управляемым волей человека; по мере роста сознания человек со все большей интенсивностью и целенаправленностью изменяет окружающую материю, и уже сегодня, овладев энергией атома, он в состоянии превратить свой родной дом в огненный шар; какой же «взрыв» может устроить человек при существующих темпах развития научно-технического прогресса через несколько десятков или сотен лет, овладев более мощными источниками энергии?

Человечество стало могущественным! Но это могущество — могущество подростка. Мать-природа выпустила на волю свое любимое дитя, предоставив ему самостоятельно прокладывать Путь в бескрайних просторах Вселенной. Но, прежде чем отправиться в опасное путешествие, Человечество должно возмужать! Перед ним стоит неотложная задача: осознать свое эволюционное предназначение. А для этого оно должно понять, как устроен этот, будем надеяться, праздничный «слоеный» пирог, который мы называем таинственным словом — материя! Какими каналами связи управляется как единое целое эта постоянно усложняющаяся дискретная структура и как на ее «вершине» сознательно, под контролем Разума, сконструировать новый, более совершенный слой мыслящей материи — Новое Человечество?

Идея о том, что появление живой, а тем более мыслящей материи — не случайное явление, а закономерный этап в развитии мира, лишь только сейчас начинает овладевать умами ученых-естественников-испытателей. Поэтому в космологических моделях, разработанных до последнего времени, нет места человеку. Он как бы является сторонним наблюдателем, анализирующим процессы, происходящие в космическом пространстве. Эти космологические модели являются физическими моделями, с помощью которых научная мысль пытается постичь некоторые стороны эволюционного синтеза, выяснить отдельные детали общей картины образования Вселенной. Но ни одна из существующих моделей не может быть положена в качестве основы для разработки теории развития материи как эволюционного процесса, так как они рассматривают явления, происходящие только в «мертвых» слоях материи, и не касаются главного аспекта этой проблемы — феномена человека. В основу построения теории развития материи должна быть положена не физическая, а философская концепция, которая позволила бы сформулировать методологию построения математической и машинной модели развития материальных структур. Моделирование на ЭВМ процесса формирования пространственно-функциональных структур возрастающей степени сложности — единственный реальный способ исследования эволюционного процесса.

Наиболее отвечающей, по нашему мнению, поставленным требованиям является философско-космологическая модель основоположника космонавтики К. Э. Циолковского, охватывающая все

слои материи. Эта концепция мыслилась ученым как конкретный план деятельности человечества в масштабах космоса. Именно во имя реализации этого плана он жил и работал: «Многие думают, — говорил Циолковский, — что я хлопочу о ракете и беспокоюсь о ее судьбе из-за самой ракеты. Это было бы глубочайшей ошибкой. Ракеты для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но не самоцель. Не дарошие до такого понимания люди говорят о том, чего не существует, что делает меня каким-то однобоким техником, а не мыслителем... Не спорю, очень важно иметь ракетные корабли, ибо они помогут человечеству расселиться по мировому пространству. И ради этого расселения я-то и хлопочу. Вся суть — в переселении с Земли и в заселении космоса. Надо идти навстречу, так сказать, космической философии! К сожалению наши философы об этом совсем не думают. А уж кому-кому как не философам следовало бы заняться этим вопросом. Но они либо не хотят, либо не понимают великого значения вопроса, либо просто боятся. И то возможно! Представьте себе философа, который боится! Демокрит, который трусит! Немыслимо!

Свою гипотезу развития Вселенной К. Э. Циолковский назвал «Теорией космических эр». ТКЭ — это смелый взгляд в такие глубины будущего, когда человек, непрерывно изменяясь как вид, придет в конце концов к форме существования в виде сгустка энергии — «лучистого человечества»! По Циолковскому, эволюция Вселенной представляет собой многократное чередование качественно противоположных состояний материи — корпускулярного (вещественная форма) и энергетического (лучистая форма), процесс развития в каждом цикле материальных структур от простых к более совершенным. «Человечество, — утверждает Циолковский, — как единый объект эволюции тоже изменяется и, наконец, через миллиарды лет превращается в единый вид лучистой энергии, то есть единая идея заполняет все космическое пространство... Материя через посредство человека не только восходит на высший уровень своего развития, но и начинает мало-помалу познавать самое себя!.. Природа шла к этой победе неуклонно, сосредоточив все свои грандиозные возможности в молекулярно-пространственной структуре микроскопических зародышевых клеток» (с. 424, 425).

Человечество, по Циолковскому, как и все в космосе, пройдя последовательно эры рождения, становления, расцвета, во время терминальной, четвертой эры, «сочет за благо включить в действие второй закон термодинамики в атоме, то есть из корпускулярного вещества превратиться в лучевое... Такова будет смена великих космических эр и великий рост разума!.. Перейдя в лучистую форму высокого порядка, человечество становится бессмертным во времени и бесконечным в пространстве» (с. 425, 426).

Для того, чтобы циклическое развитие материи было прогрессивным, в мировом пространстве должны фиксироваться результаты прошлой деятельности вещества, должна существовать мировая память, чтобы вещество, возродившись в очередном цикле, продол-

жало свою жизнь в новой среде, точно также, как вновь рожденный человек начинает развиваться в культурной среде, созданной деятельностью предыдущих поколений. Существует ли форма материи, способная нести функции памяти? По-видимому, это физический вакуум. Ученые пришли к выводу, что вакуум является сложной и неподверженной распаду средой, способной сохранять следы происходящих физических процессов, что «история Метагалактики — это история развития вакуума». Если в ТКЭ Циолковского ввести еще один структурный элемент — мировую память, в которой развивающееся вещество формирует код своего развития, то мы получим более совершенную модель, согласно которой каждый очередной цикл развития материи начинается синтезом вещества под управлением кода, сформированного в мировой памяти во время предыдущих циклов. Вновь возникшее вещество быстро формирует свою структуру, в сокращенном варианте повторяя процесс своего исторического развития, и, продолжая развиваться, совершенствует свой код, подготавливая его для следующего цикла. Этот процесс в общих чертах напоминает процесс развития человека, включая период его эмбрионального развития, в течение которого он за короткое время проходит эволюционный путь предков.

Итак, с учетом введенных понятий эволюция материи — это процесс формирования в каждом цикле ее существования слоев пространственных структур в порядке возрастания сложности последних под управлением кода, хранящегося в мировой памяти.

Творческая деятельность самого человека в этом процессе имеет два аспекта:

во-первых, она заключается в познании строения существующих слоев материи — аналитическое изучение природы,

во-вторых, — в конструировании новых, более совершенных слоев материи, иными словами, — конструировании самого себя.

Отсюда и эволюционное предназначение человечества — самоконтролирование через самопознание.

Познавая самого себя как материальную систему, человек будет развивать свой разум и на этой основе учиться создавать его искусственные модели, с течением времени все более близкие к оригиналу. Двигаясь по этому пути самоусовершенствования, человек на определенном этапе своего развития придет к логическому выводу, что разница в интеллектуальных способностях модели и оригинала пренебрежимо мала, и тогда он сбросит с себя «белковую оболочку» и продолжит бытие свое в новой, небелковой форме. Это позволит ему покинуть Землю с ее тепличными условиями и бесприятственно расселиться в космосе. Перейдя к существованию в небелковых формах, человек сделает первый шаг к реализации идеи бессмертия.

Зачатки этого эволюционного движения уже сегодня можно разглядеть в производстве разнообразных роботов и «интеллектуальных» ЭВМ. Вначале будут сконструированы «сознательные» ав-

томаты — верные помощники человека в космических путешествиях, научных исследованиях, промышленности и сфере быта, полностью подчиненные воле человека. Начнется этап параллельного развития двух видов систем — естественно «Я» и его модели — искусственного «Я» (ИЯ).

Проблему ИЯ мы считаем элементом космической философии, составной частью ТКЭ Циолковского. Коллектив ученых, объединенный в общественный Институт проблем управления биологическими объектами (организован в 1973 году), приступил к решению задачи, которая нами сформулирована как «продление интеллектуальной жизни человека в форме ИЯ». Составлен план работ на период до 1999 года и получены первые результаты в области машинного моделирования сложных систем, управляемых генетическим кодом.

Последней формой существования мыслящей материи в каждом цикле эволюции, по Циолковскому, является «лучистое человечество». При первом чтении этот термин воспринимается как метафора, однако это не художественный образ. Человечество всегда было и будет «лучистым». Каждый человек, как и любое физическое тело, поглощает лучевую энергию из окружающей среды и одновременно сам излучает определенные виды энергии, тем самым воздействуя на окружающую среду и на самого себя. Таким образом, человек всегда окружен лучевой (энергетической) оболочкой, которая является его неотъемлемой частью, его продолжением как материальной структуры. В литературе эта оболочка часто называется «аурой». Диалектическое единство тела и его ауры — это и есть истинный материальный объект, способный обмениваться информацией с другими объектами на огромных, по существу, неограниченных расстояниях. Человек видит или чувствует ауру других объектов, ощущая тепло солнечных лучей или туристского костра, слушая музыку, подвергаясь гипнозу или внушению со стороны других людей, реагируя на определенный спектр электромагнитных колебаний, а также подвергаясь воздействию так называемого биологического поля, структуру и физическое свойство которого еще только начинают исследовать ученые. Но не каждую ауру, в том числе и свою собственную, дано человеку почувствовать, а тем более увидеть. Однако, используя эффект «Кирлиан», можно увидеть и зафиксировать на снимках изображение эманации энергии органических и неорганических тел, находящихся в поле высокой частоты. Авторы системы С. Д. Кирлиан и В. Х. Кирлиан так описывают изображение биологического поля человека: «В поле зрения, на фоне топографической конфигурации человеческой кожи пылают, светятся и тлеют электрические разряды — яркие или бледные, светящиеся или мигающие, передвигающиеся или неподвижные».

Принимая за элементарную структурную единицу материи вещественный объект вместе с его внешней энергетической оболочкой, образно Вселенную можно представить в виде огромной сово-

купности тел, плавающих в информационном море излучения — переплетения бесчисленных аур. В каждый момент времени состояние Вселенной характеризуется определенным соотношением вещественной и лучистой составляющих материи, и, следовательно, формирование новых объектов, в том числе и биологических, осуществляется на фоне нестационарного космического излучения, которое, как обладающее проникающей способностью, выполняет роль управляющего фактора эволюции, а вещество — объекта управления, при этом мыслящая материя, стремясь со временем принять форму существования в виде «лучистого человечества», сама все в большей степени будет становиться источником излучения (воистину: чем умнее — тем «светлее»). Человек будущего, обладая мощной управляемой аурой, внешне будет представлять собой «светящийся» объект и, по-видимому, со способностью непосредственно, без технических средств, воздействовать на структуру окружающей среды волей своего разума (в тех пределах, которые будут соответствовать законам эволюции разума, которые нам еще предстоит познать в будущем).

Если гипотеза об управляющей роли лучевой составляющей материи на процесс эволюции Вселенной верна, то должна существовать связь между характеристиками космического излучения и процессами, происходящими во всех сферах Земли. Систематическое изучение влияния космической радиации на физические и биологические процессы, происходящие на нашей планете, было начато советским ученым А. Л. Чижевским. На огромном статистическом материале он убедительно показал, что солнечная активность, как один из компонентов космического излучения, оказывает сильное управляющее влияние на многие земные процессы. На основе своих собственных исследований и исследований предшественников А. Л. Чижевский приходит к выводу, что «в некоторые эпохи все живое на Земле приходит в волнение вследствие судорожных спазм неорганической материи, окружающей все живое», что «...и человек, и микроб — существа не только земные, но и космические, связанные всей своей биологией, всеми молекулами, всеми частичками своих тел с космосом, с его лучами, потоками и полями».

Ниже приводится далеко не полный перечень явлений в неорганическом и органическом мире, поставленных в причинную зависимость от степени солнечной активности (А. Л. Чижевский. Земное эхо солнечных бурь. М., Мысль, 1976, с. 114—115, 103—104, 331):

напряженность земного магнетизма, частота магнитных бурь и полярных сияний, частота появления перистых облаков и их радиация, количество ультрафиолетовой и радиоактивной эманации в воздухе, степень ионизации верхних слоев атмосферы, колебания напряженности атмосферного электричества, частота и интенсивность грозовой деятельности, количество озона в воздухе, количество тепловой радиации, температура воздуха и воды морей, давление воздуха, частота бурь, ураганов, смерчей, количество осадков, частота градобиений, число полярных айсбергов, высота уров-

ния озер и их иловых отложений, колебания климата, землетрясений; величина урожая злаков, рост древесины, время цветения растений, размножаемость и миграция пасековых и рыб, время весеннего прилета птиц, падеж скота; количество кальция в крови, колебания веса младенцев, психопатические эпидемии, массовые истерии, частота преступлений, частота несчастных случаев, модификация нервной возбудимости, частота внезапных смертей, частота обострений в течение болезней, частота эpileптических припадков, колебания общей смертности, рождаемость, эпидемии и пандемии. «Можно не сомневаться, — замечает А. Л. Чижевский, — что предстоят еще замечательные открытия таких явлений, которые и не снились нашим мудрецам».

Относительно предшественников А. Л. Чижевского, изучавших проблему влияния Солнца на явления земной жизни, в первую очередь следует отметить работы Д. О. Святского, известного своими оригинальными работами по истории астрономии. Сопоставляя хронологические даты крупнейших революций с годами максимумов солнечной активности, он обнаружил, что годы особенно сильной пятнообразательной деятельности Солнца — 1830, 1848, 1860, 1870, 1905, 1917 — были отмечены бурными социальными событиями: революциями в Италии, Франции и России. И в этом, пожалуй, нет ничего удивительного. Влияние солнечной активности на психическую активность сегодня не вызывает сомнений, а всеобщее повышение умственной активности, впрочем, так же, как и ее понижение, должно определенным образом влиять на ход исторических событий, если придерживаться материалистических позиций.

Из последних работ, посвященных проблеме взаимодействия Солнце — Земля, отметим две работы. Интересные исследования провел И. Идлис. Он установил, что появление фундаментальных работ в различных областях знания, в литературе и музыке учащаются с периодом 11,1 года, то есть с периодом, совпадающим с классическим периодом солнечной активности. Ученый-гелиофизик А. Э. Шемьи-заде, который задался целью ответить на вопрос: «что может быть общего между звездой, удаленной от нас более чем на сто миллионов километров, и воздухом, которым мы дышим? — дал на него блестящий ответ. Он экспериментально доказал, что уровень естественной радиоактивности атмосферы колеблется вместе с интенсивностью вспышек на Солнце за счет буквально выжимания радона из горных пород, где его содержание в 10^6 — 10^7 раз выше, чем в атмосфере, под действием возмущенного электромагнитного поля планеты. Основываясь на этом открытии, А. Э. Шемьи-заде выдвинул концепцию влияния «радоновых бурь» на эволюцию живых организмов. Работы А. Э. Шемьи-заде наводят на мысль: не окажутся ли радиоактивные элементы, сконцентрированные в горных породах за счет подземных ядерных испытаний, в конце концов — в атмосфере? Здесь уместно вспомнить учение В. И. Вернадского о геологических процессах. Касаясь ди-

рамики перемещения химических элементов, он писал, что можно свести историю всех химических элементов в земной коре к их передвижению, к их миграции из одной геосфера в другую, к миграции закономерностей, непрерывно возобновляемой. Этот вопрос лежит на совести тех ученых, которые «благословили» проведение подземных ядерных взрывов, и тех ученых, которые понимают сегодня, возможно, и к каким отрицательным последствиям в будущем приведут эти испытания, но... молчат!

Приведенный краткий обзор работ по солнечно-земным связям демонстрирует влияние на земные процессы лишь части полного спектра космической радиации — излучения Солнца. Изучение космо-земных связей еще только начинается. Но и имеющиеся сегодня экспериментальные данные показывают, что Земля, как целостная система, находится под управляющим влиянием космического излучения, а живая материя вынуждена не только приспособливаться к новым условиям, но и совершенствовать формы своего бытия под отеческим воздействием этого животворного космического света, приходящего из глубин Вселенной.

Какой универсальный механизм интеграции поднимает материю на новые ступени сложности в ее неуклонном движении к более совершенным формам существования? Таким универсальным механизмом является генетический принцип интеграции и управления, который осознан в настоящее время в достаточной степени лишь на уровне живой клетки. Вспомним пророческие слова Циолковского о том, что «природа сосредоточила все свои грандиозные возможности в молекулярно-пространственной структуре микроскопических зародышевых клеток». Генетический аппарат клетки — это сложная управляющая система, которая объединяет в единое целое все клеточные структуры и синхронизирует их функционирование, используя для этой цели генетический код — упорядоченную в пространстве клетки молекулярную структуру, отдельные участки которой биологи назвали «геном», а всю структуру — «геномом». Каждый ген инициирует определенный комплекс биохимических реакций, которые, в конечном счете, определяют характерные черты внешнего вида или поведения организма. Геном — это память организма, его неуничтожаемая часть как вида, в которой зашифрованы алгоритмы его развития, жизнедеятельности и смерти. Эволюция — переход к новым формам, но чтобы создать новую форму, новый организм с желаемыми качествами, необходимо внести соответствующие изменения в структуру его генома. Уже сейчас мы научились реконструировать живые организмы: генная инженерия, как наука, занимает все более прочные позиции. Но важно не слепо копировать природу, а позаимствовать у нее принцип формирования сложных систем из элементарных на всех уровнях организации материи. И тогда появится новая дисциплина — генетика — основной инструмент разумной, осуществляющей по воле человека эволюции.

Анализируя мыслительную деятельность человека, мы видим, что эта работа также основана на генетическом принципе интеграции. Информация, непрерывно поступающая в память человека в течение всей его жизни, должна быть определенным образом упорядочена, то есть она должна не только запоминаться, но и одновременно классифицироваться, иначе ее просто невозможно было бы извлечь из памяти в нужный момент времени. Несмотря на то, что этот процесс первичной обработки информации происходит подсознательно, его можно представить следующим образом: одновременно с запоминанием очередной порции взаимосвязанных данных (образа) в некоторой области памяти формируется признак этого образа — код, фиксирующий смысл и местонахождение запоминаемого образа. Назовем этот код психическим геном, а взаимосвязанную сеть цепочек таких генов, которая образуется в памяти человека в процессе его трудовой и умственной деятельности — геномом ума. Тогда выполнение заданных операций можно связать с определенной точкой входа в этот геном. Считая подсознательно информацию, заключенную в соответствующих цепочках психических генов, аппарат мышления инициирует каскад нервно-мышечных реакций, и человек, например, рассказывает все, что он знает о А. С. Пушкине, либо, если это музыкант, виртуозно исполняет в течение нескольких часов произведения Шопена, не задумываясь над каждой нотой.

Переходя на уровень общественной жизни, мы видим уже совершенно отчетливо, что образование и функционирование социальных структур — семьи, трудовых коллективов, государства и всего человечества — основано все на том же генетическом принципе интеграции. В этом случае роль генома (назовем его социальным геномом — социогеномом) выполняют принятые обществом законы, веками сложившиеся традиции и обычаи, письменные и устные приказы. Все это — социальные гены (социогены), управляющие поведением человека в обществе. Такую же роль выполняют науки, литература, искусство, одним словом, культура, созданная человечеством на протяжении его существования. Этот огромный социогеном — окружающая нас культурная среда — определяет взаимодействие людей друг с другом и ими же постоянно совершенствуется. Именно эта деятельность является истинным предназначением человека, а не эгоистическое накапливание материальных благ.

Если принять концепцию универсальности генетического принципа интеграции, то остается обсудить «технологическую» сторону эволюции: появление новых форм жизни происходило путем медленного усовершенствования существующих форм, что связано с появлением бесчисленного количества видов организмов, мало отличающихся друг от друга, или скачкообразно, когда новые виды появляются как бы «внезалко», минуя промежуточные формы? Ответ на этот вопрос дает философский закон перехода количества в качество. Этому закону подчиняются все процессы, происходя-

щие в материальном мире, и у нас нет никаких оснований считать, что живая материя составляет исключение. Так же, как ваятель, постепенно создавая произведение искусства, в конце концов выставляет его на суд зрителя, так и Природа, пусть даже подчиняясь законам случая, накапливает новые качества внутри организма, а в итоге дарит миру новый организм с новыми свойствами, не выставляя напоказ промежуточные варианты.

До недавнего времени биологи считали, что геном живой клетки является стабильной структурой, а появление новых видов животных и растений связано с мутациями, то есть случайными поломками генома клетки. Первую брешь в этой догме пробила женщина — американский генетик лауреат Нобелевской премии за 1983 год Барbara Маккленток, которая доказала, что в геноме клетки существуют так называемые прыгающие гены, и, таким образом, в генетическом аппарате заложены реальные механизмы реконструкции генома, а другая женщина, московский генетик Татьяна Герасимова, открыла замечательное явление — «взрывы» нестабильных генов! Смысл этого явления заключается в том, что гены-путешественники все одновременно срываются со своих мест и меняют положение в геноме клетки, причем этот процесс поддается управлению. А это уже экспериментальное доказательство идеи скачкообразного самозарождения новых видов организмов.

К аналогичным выводам пришел ленинградский ученый Сергей Неручев, изучая органическое вещество осадков. Он полагает, что в истории Земли неоднократно наступали периоды резкого повышения радиоактивности природной среды за счет концентрации урана, сопровождающиеся глобальными катастрофами в жизни биосреды. «Единая космическая, геодинамическая периодичность в эволюции Земли» — так назвал ученый свою теорию. «Все новые виды животных, — утверждает С. Неручев, — возникали сразу, без, так сказать, предварительной подготовки, и творцом их мог быть, скорее всего, только мутагенез. Вспышки этого процесса возникали синхронно — на суше и на море, у всех организмов от одноклеточных водорослей размером в 10—15 микрон до пятидесятитонных динозавров... Наша планета всего лишь частица космоса. Я полагаю, — продолжает С. Неручев, — что в его глубинах скрыт и механизм, отвечающий за работу всего этого грандиозного геолого-биологического конвейера, благодаря которому регулярно возникают радиоактивные эпохи и связанные с ним трансформации органического мира планеты. Так думать позволяют уже имеющиеся факты. Наиболее мощные и устойчивые в глобальном масштабе слои радиоактивных осадков повторяются в фанерозое, по моим подсчетам, через каждые 220 миллионов лет. Такова продолжительность звездного галактического года. Вероятно, это смена вызывает в Галактике, а значит и в Солнечной системе, какие-то сдвиги, отзвуком которых являются земные события. Что касается менее ярко выраженных радиоактивных аномалий, повторяемых в пределах галактического года с интервалом в 30—32 миллиона

лет, то их возникновение, видимо, можно объяснить действием другого космического фактора. Примерно через такие же промежутки времени Солнечная система при своем движении вокруг центра Галактики пересекает ее плоскость. При этом она встречается с крупными газоневесовыми облаками — сгустками материи, близкое с которыми может вызывать возмущения в недрах Земли. Скорее всего, этот процесс и определяет пульсационный ритм Земли, вызывая все те крупномасштабные явления — усиления рифтогенеза, повышение выбросов урана и других тяжелых металлов, что влечет за собой перестройку всего комплекса организмов биосферы».

Влияние космических факторов на земные процессы осознано с незапамятных времен, но это влияние рассматривалось биологической наукой скорее как фон, на котором разыгрывается сценарий эволюции живых организмов на нашей планете вне связи с эволюцией всей Вселенной. Внимательный анализ имеющихся научных данных показывает, что Земля чутко реагирует на известные компоненты космического излучения. Постепенно вырисовывается управляющая роль космического излучения как одного из каналов связи, включающего нашу планету в непрерывно развивающуюся по единым законам систему — Вселенную.

В связи с осознанием управляющей роли естественного радиационного излучения на эволюцию биосфера следует безоговорочно признать, что радиационное загрязнение окружающей среды является не просто загрязнением, угрожающим нашему здоровью, а эволюционным загрязнением, с помощью которого человечество вмешивается в непознанный процесс эволюции Земли, причем предсказать последствия этого вмешательства сегодня не представляется возможным. Не исключено, что уже начались необратимые процессы, и человечество медленно, но верно движется к неминуемой катастрофе. Каждый день средства массовой информации приносят сообщения со всех концов земли о грозных стихийных бедствиях, авариях в промышленности и на транспорте, расширяется театр военных действий, классовых и национальных конфликтов, ширится волна религиозного фанатизма. Планета в неустойчивом состоянии. Все эти явления требуют научного объяснения. Только на этой основе могут быть выработаны реальные рекомендации для обеспечения устойчивости природных и социальных процессов.

Сегодня на человека действует радиационный фон, который в 3,5—5 и более раз превышает естественный уровень за счет природных источников радиации, который принято считать равным 0,1 рентгена в год. Это дополнительное облучение организма человека получает за счет медицинских диагностических процедур и проживания внутри современных домов, так как в кирпиче и бетоне присутствуют радиоактивные элементы. Прибавим сюда дозы облучения от экранов телевизоров и дисплеев, с которыми приходится некоторым лицам общаться в течение всего рабочего дня, а в последнее время, к сожалению, и детям в связи с всеобщей

компьютеризацией обучения в школах (если женщинам в соответствующие периоды категорически не разрешается работать с экраном, то детям почему-то можно!). Если учтем воздействие на организм человека вредных химических веществ, концентрация которых в некоторых регионах и отдельных производственных помещениях превышает допустимые нормы безопасности в сотни раз (!), то получим некоторое представление о той физико-химической волне вредных воздействий, которая ежедневно обрушивается на организм человека, разрушая его здоровье и наследственный аппарат! Все это напоминает зловещий эксперимент на выживаемость в глобальных масштабах.

Для работников атомных станций, врачей-рентгенологов и космонавтов предельно допустимой является доза в 5 рентген в год, в 50 раз превышающая дозу облучения за счет естественного фона, причем, по данным советских ученых, при дозе в 5 рентген у человека удваивается число хромосомных мутаций, что может повлечь за собой нарушение наследственного аппарата. С другой стороны, доза радиации, которую поглощает человек за счет естественного фона в течение 50 лет своей жизни тоже составляет 5 рентген! Отсюда тривиальный вывод: нормальное развитие человеческого организма, впрочем, по-видимому, и всей биосфере, возможно лишь при естественном радиационном фоне! Облучение за счет искусственных источников радиации необходимо свести к минимуму, чтобы сохранить наше основное богатство — генофонд Человечества, который природа создавала на протяжении миллиардов лет, бережно хранила и постепенно усовершенствовала, а мы, по невежеству и недомыслию, приступили к его планомерному уничтожению. Нашим детям, внукам и правнукам нужен чистый воздух, кристальная вода и естественная радиационная среда!

Исследование длительного воздействия радиации на организм человека по известным причинам не представляется возможным. Однако по результатам экспериментов, проведенных на животных, можно с определенной степенью вероятности предсказать последствия воздействия такого режима радиации на хромосомы человека. Начиная с 1967 года, в Институте экспериментальной патологии и терапии АМН СССР (г. Сухуми) идет уникальный эксперимент на приматах. В этом эксперименте группу обезьян ежедневно облучали в течение четырех лет, начиная с двухмесячного возраста дозами 0,7—4,5 рентген в сутки. После облучения у подопытных обезьян и их потомства исследовался костный мозг. Что же произошло с наследственным аппаратом обезьян? Облучение вызвало грубые поломки хромосом — по 5—10 в каждой из клеток костного мозга. Но самое страшное — прочность зловещего следа: клетки с хромосомными дефектами сохранили способность к делению! У всех потомков этих обезьян сохранились характерные хромосомные поломки. Жизнь животных, по сравнению с контрольной группой, сократилась почти вдвое, их чаще поражал рак, но главной причиной смерти были болезни, связанные с общим ослаблением иммунитета.

лением организма, — пневмонии, колиты. Облученные обезьяны в течение одного-двух лет не приносили потомства, у них чаще случались самопроизвольные выкидыши и чаще рождались мертвые детеныши. У потомков облученных родителей внешних уродств не наблюдалось, но количество хромосомных дефектов в костном мозге заметно увеличивалось. На основании проведенных экспериментов сотрудники института пытаются разработать биологический дозиметр для оценки воздействия проникающей радиации на наследственный аппарат человека (*«Вестник АМН СССР»*, № 3, 1986).

Расчет допустимых доз радиации для человека, гарантирующих сохранность наследственного аппарата, по результатам экспериментов, проведенных на приматах, — дело специалистов. Мы лишь позволим себе привести некоторые соображения на этот счет. Известно, что чем более высокоорганизовано живое существо, тем облучение для него более опасно. Так, для насекомых смертельная доза составляет 200 тысяч рентген и более, для змей — 20 тысяч, для рыб — 0,8—2 тысячи, а для овцы — 150—200 рентген. Как видно из этих данных, кратность летальных доз, относящихся к соседним классам животных, приблизительно равна 10. Если принять этот коэффициент пересчета и для человека по отношению к обезьянам, принимая во внимание, что человек, как мыслящее существо, намного превосходит приматов по степени «организованности», то указанные выше дозы облучения 0,7—4,5 рентген в сутки в пересчете на год с учетом принятой кратности составят 25,2—162 рентген в год и за 4 года — 100,8—648 рентген. Человеческий организм при интенсивности облучения, например, 5 рентген в год «освоит» эту критическую дозу за 25—130 лет. Не по этой ли причине природа придумала акселерацию — ускорила половое созревание и повысила сексуальную активность молодежи, чтобы сохранить генофонд Человечества!

Качественная картина заболеваний, наблюдаемая у обезьян после длительного облучения, прослеживается и на людях. Медицина свидетельствует, что неумолимо увеличивается количество болезней, связанных с общим ослаблением защитных свойств организма человека. По этому поводу профессор В. И. Говалло пишет: «Мы сегодня получили почти целое поколение женщин, которые не могут нормально воспроизвести ребенка, выносить его. Откуда эти 25—20% невынашиваемости? Я могу на это ответить только одним. Мы получили иммунодефицитное поколение». Не менее тревожное положение со здоровьем детворы. По данным профессора И. А. Аршавского, основателя возрастной физиологии, 90% детей рождаются физиологически незрелыми, что в четверо больше, чем после войны!

Еще А. Л. Чижевский вскрыл причины таких глобальных явлений, как эпидемия и пандемия: с одной стороны, в период солнечной активности возрастает вирулентность бактерий, так как они обладают низкой чувствительностью к излучению, а, с другой сто-

роны, сильно падает сопротивляемость к заболеваниям у высших животных и человека в связи с высокой чувствительностью их организмов к тем же дозам радиации. Совпадение этих факторов и создает предпосылки для возникновения массовых заболеваний в отдельных регионах или на всем земном шаре. Это массовые tragedии говорят о том, что лишь за счет повышения интенсивности радиации Солнца защитные силы организма человека, основу которых составляет иммунная система, выходят на границы своих возможностей, и подчас единственным кардинальным средством сохранить жизнь тяжело больного является ограждение его от смертоносных лучей в периоды солнечных вспышек, что и рекомендовал делать Л. А. Чижевский путем помещения кризисных больных в экранированные палаты.

Среди эпидемических катастроф прошлого быстрым распространением и трагизмом последствий особенно отличались так называемая английская потовая горячка, которая пять раз появлялась в Европе в периоды максимальной солнечной активности, начиная с 1490 года. «Пятая, и последняя, эпидемия потовых горячек 1551 года появилась 13 апреля с беспримерной жесткостью и распространением, — отмечал Л. А. Чижевский, — так что от нее часто умирали в несколько часов и во всяком случае болезнь протекала не более суток. Общее смятение вследствие жесткости болезни было значительнее, чем во все предыдущие эпидемии. Жители толпами искали спасения в бегстве». Отступая вглубь времен, получительно вспоминать о таинственном исчезновении в IX веке цивилизации майя — одной из самых ярких цивилизаций Нового Света. Причем это исчезновение было настолько быстрым, что остались недостроенными архитектурные сооружения. Одна из версий гибели цивилизации — повальные эпидемии.

Страшная болезнь сегодняшнего дня — СПИД, которая проникла во все страны мира — это, по-видимому, не просто эпидемия, а нечто большее. Распространение СПИДа — показатель крайней степени напряженности в сложившихся экологических условиях иммунной системы не только человека, но и высших животных. С заболеванием иммунной системы ученыe связывают странные и трагические самопроизвольные выбросы морских животных на сушу, а также болезни кошек в Японии. Низшие организмы на Земле, вирусы и микробы, объявили беспощадную войну высшим, и победа пока — на стороне первых. В целом, СПИД — это, пожалуй, уже не Предупреждение, а Наказание Человечеству за те Раны, которые оно нанесло Природе, а также за те нравственные язвы, которыми оно разукрасило свое собственное тело!

В связи с решением основной проблемы — сохранение генофонда человечества, крайнее изумление вызывает победное шествие по странам мира атомных электростанций. В то же время ученым хорошо известно, что в выбросах предприятий ядерного топливного цикла содержатся долгоживущие радионуклииды, которые вносят серьезный вклад в глобальное загрязнение среды. На-

дежность АЭС оставляет желать лучшего, что делать с отходами АЭС — неизвестно, а пока смертоносные контейнеры складируют до лучших времен. Мало того, началась бойкая торговля ядерным сырьем на черном рынке под маской отходов АЭС! А впереди — решение проблемы проблем: что делать с АЭС, отслужившими свой срок? Не обрекать же будущее поколение жить в промежутках между саркофагами? А между тем, энергетики мира обсуждают возможность создания ядерно-энергетических центров (ЯЭЦ), мощность которых будет превышать мощность существующих АЭС в 40—50 раз! Что это? Экологическая безграмотность или, может быть, ученые мужи прячутся за кусок «хлеба», который боятся потерять? Да и почему свет клином сошелся на АЭС? Разве перестало светить солнце, затихли на земле буйные ветры и ее недра перестали излучать тепло, а моря и океаны превратились в безжизненные зеркала? Нас окружают неисчерпаемые источники энергии, и их надо умело приручать и использовать! Дорого? А атомное электричество нам обходится дешево? Одна авария в Чернобыле обошлась нашему государству по официальным данным в восемь миллиардов рублей! Разве исчезли на земле стихийные бедствия, грозящие разрушениями АЭС, военные конфликты, несовершенство технических средств и халатность в отношении к своим обязанностям? Наоборот! Явно прослеживается тенденция к увеличению этих негативных явлений! И в какой бы точке земного шара не произошла авария, это будет очередным булыжником, который мы швырнули в сторону наших детей, внуков и правнуоков.

Когда случается в лесу пожар, то рядом бегут и тигр, и лань, волк и заяц, так и в преддверии грозящей экологической катастрофы придется встать в одну упряжку и капиталисту, и социалисту, и коммунисту, заядлому атеисту и священнослужителю, шинту, сунниту, и «черному», и «желтому», и «белому»! И тогда они поймут, что их объединяет великое чувство — человечность, а ярлыки, которые они наклеили сами на себя, — бумажные тигры: Но стоит ли ждать те трагические времена и не будет ли поздно, когда позади бегущих будет бушевать огненная стихия? Не поставить ли перед собой уже сейчас благородную, высоконравственную цель, объединяющую человечество и эволюционно ему предназначеннную?

Смысл существования Человечества — в росте Разума! Отсюда и цель существования каждой отдельной личности — творить и способствовать творчеству других во всем, начиная с образования семьи и воспитания потомства, через творческую деятельность на протяжении всей жизни — вплоть до завершения последней рождением новой интеллектуальной войны в океане Разума! Человек творит не для того, чтобы накапливать материальные блага, а наоборот, накапливает материальные ценности, чтобы творить. Материальное и духовное — равноправные звенья единого процесса, цель которого — движение вверх по ступеням памяти, которые Разум сам создает в своем Самодвижении! Человек рождается, чтобы строить. Его строительная площадка — бескрайние просторы

Вселенной. И чтобы выйти на эти просторы, человек, в первую очередь, сам для себя, должен создать Дворцы наук и искусств, Равенство и Самовыражение, Братство во Взаимоотношениях, Единство для реализации Эволюционных задач.

Мы попытались единым взглядом охватить процесс эволюции материи, рассмотреть тот основной механизм, который составляет сущность эволюции, и пришли к выводу, весьма, в целом, очевидному, что процесс эволюции — это процесс эволюции памяти, какие бы материальные формы она не принимала, а эволюция Человечества — части мыслящей материи — это развитие и сохранение его биологической памяти, Генофонда человечества. Любая цивилизация, какой бы процветающей она не казалась с внешней стороны, является варварской и неминуемо обречена на исчезновение, если разрушает генофонд, основу существования. Есть все основания полагать, что наша цивилизация уже вступила на путь самоликвидации, и если в самое ближайшее время не будут с ее стороны приняты самые решительные и действенные меры для сохранения генофонда человеческого общества, что связано с решением всего комплекса экологических проблем, то этот трагический процесс, процесс самоуничтожения, может принять необратимый характер.

Успешное движение Человечества к сияющим вершинам Космического Будущего — к вершинам Бессмертия — целиком и полностью зависит от степени разумности и бережливости в отношениях с Матерью-Природой, которая, в свою очередь, определяется общим уровнем общественного Самосознания, образованностью и нравственной чистотой каждой личности.

ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭВОЛЮЦИИ КАК ФОН, НА КОТОРОМ РАЗЫГРЫВАЕТСЯ РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ КО-ЭВОЛЮЦИИ

E. A. Александров

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что понимание, как таковое, решения различных задач на основе понимания, осуществляющего некоторым субъектом, в конечном итоге представляет собой результат некоторого акта, образованного на основе сочетания двух достаточно сильно разнесенных во времени процессов. Такими процессами являются:

а) процесс формирования мировоззрения этого субъекта как процесс построения им некоторой концепции, объединяющий в единое целое различные формы его видения и познания окружающего мира;

б) процесс построения им решений, тем или иным способом возникших задач, причем решений, адекватных ранее сформированной концепции.

Нетрудно видеть, что эти процессы резко отличаются друг от друга как по качеству и длительности, так и по объему и временному расположению. Важно отметить, что такая особенность решения задач позволяет постороннему наблюдателю в большинстве случаев прогнозировать поведение этого субъекта, приспособливаясь налаживать определенные контакты. Представляется, что на подобной основе может быть построена и некоторая искусственная система, предназначенная для деятельности в некоторой предметной области. И в этом случае ее поведение будет предсказуемо посторонним наблюдателем.

Эти обстоятельства диктуют необходимость раздельного рассмотрения упомянутых процессов, их содержания и состава. В соответствии со сказанным далее рассматривается первый из этих процессов, для одного частного случая, на основе которого может быть построена искусственная система для статистического исследования природных, общественных и мыслительных процессов. Актуальность этой темы видится нами в двух планах: во-первых, в ней содержатся в общем виде глобальные стратегии эволюции, которые в настоящее время дебатируются широкой общественностью в преддверии ядерной или экологической катастрофы; во-вторых, представленные в нашей теме глобальные стратегии эволюции могут рассматриваться как некоторая установка, некоторый фон, на котором разыгрываются решения различного рода природных, общественных и мыслительных задач с помощью искусственных систем, носящих экзотическое название «искусственный разум».

1. УЧЕНИЕ О БИОСФЕРЕ В. И. ВЕРНАДСКОГО

Среди глобальных концепций современности учение великого русского ученого Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945) о биосфере несомненно одно из крупнейших обобщений человеческого разума. Созданное в 20-х—30-х годах XX века оно отражает высокие принципы и нравственные традиции, сформировавшиеся в русской культуре XIX века, представляя своеобразный сплав природоведческого и гуманитарного мышления. Можно без малейшего преувеличения утверждать, что учение В. И. Вернадского о биосфере является собой первый в мировой литературе опыт представления эволюции нашей планеты в виде единого процесса с его космическими, геологическими, биогенными и антропогенными гранями.

Учение В. И. Вернадского о биосфере, о взаимосвязях организмов со средой их обитания, возникло не на пустом месте. Еще Теофраст, ученик Аристотеля, возглавивший после его смерти Лицей в Афинах, много размышлял и писал об этих взаимосвязях, а сами идеи о единстве живой и неживой природы уже давно стали основ-

ной частью многих религиозных учений. Однако на протяжении ряда веков эти идеи по существу игнорировались и в полном объеме не воспринимались. С горечью писал об этом известный русский философ и публицист И. В. Киреевский (1806—1856 гг.)¹: «Живое, цельное понимание внутренней, духовной жизни и живое, непредубежденное созерцание внешней природы равно изгонялись из оцепленного круга западного мышления: первое под именем «мистики», по натуре своей ненавистной для схоластической рассудочности (сюда относилась и та сторона учения провоеванской церкви, которая не согласовалась с западными системами); второе преследовалось прямо под именем «бездожия» (сюда относились те открытия в науках, которые разноречили с современным понятием богословов). Ибо схоластика основывала свою веру с своим тесным разумением науки в одну неразрывную судьбу».

Эти обстоятельства позволили И. В. Киреевскому провести параллели²:

«...Кроме различия понятий на Востоке и Западе происходит еще различие и в самом способе мышления богословско-философском. Ибо, стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа; западные — более о внешней связи понятий. Восточные для достижения полноты истины ищут внутренней цельности разума: того, так сказать, средоточия умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство.

Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума, самодвижно действующих в своей одинокой отдельности. Одним чувством понимают они нравственное; другим — изящное; полезное — опять особым смыслом; истинное понимают они отвлеченным рассудком и ни одна способность не знает, что делает другая, покуда ее действие совершилось. Каждый путь, как предполагают они, ведет к последней цели, прежде всего им все пути сойдутся в одно совокупное движение».

Сказанное, естественно, относится не только к способу богословско-философского мышления, это относится к естественнонаучному, экономическому (а ныне и политическому) мышлению, это общий стиль западного мышления; об этом лишний раз свидетельствует известное отношение западной общественности к немецкому зоологу Эрнесту Геккелю (1834—1919), в очередной раз в конце XIX века подчеркнувшему важность изучения взаимоотношений животного с его органической и неорганической средой и предло-

¹ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. В сб.: Избранные статьи. М., Современник, 1984, с. 217.

² Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. В сб.: Избранные статьи. М., Современник, 1984, с. 221—222.

жившему как направления исследований, так обозначающий их термин «экология».

Идеи взаимосвязи организма со средой мы находим у русских мыслителей И. М. Сеченова, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.

Эти взаимосвязи они рассматривали не как некую пассивную последовательность актов, а как способ управления или, как говорил известный русский философ Н. Ф. Федоров, регуляцию, направленную на удовлетворение длительных интересов человечества. Касаясь этого вопроса, он писал:

«Природа в нас начинает не только сознавать себя, но и управлять собою»¹.

«И в чем же должно состоять наше, существ разумных и чувствующих, общее дело: в эксплуатации ли и утилизации природы, т. е. в ее истощении... или же в регуляции природы... Повиноваться природе для разумного существа значит управлять ею, неразумною силою, ибо природа в разумных существах приобрела себе главу и правителя...»².

«Свобода без власти над природой — это все равно что освобождение крестьян без земли. При такой свободе остается только ждать и прогнозировать, когда же человечеству не станет хватать угля, железа и хлеба, чтобы в конце концов подчиниться природе и отдать ей свою жизнь»³.

Идеи мира как единого органического целого мы находим и у таких русских мыслителей, современников В. И. Вернадского, как Н. О. Лосский (1870—1965), П. А. Флоренский (1882—1943) и др.

В январе 1920 года В. И. Вернадский, больной сыпным тифом, приехал пароходом в Ялту; здесь у него возникла мысль о создании международного института живого вещества, направленного на разработку учения о биосфере. Этот факт он отмечает в своем дневнике⁴:

«Я ясно стал сознавать, что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я создаю и что это есть мое призвание, моя обязанность... Сейчас я сознаю, что это же учение может оказаться такое же влияние, как и книга Дарвина...».

Покидая гостеприимный Крым, направляясь в Петроград, он продолжал свою разработку учения. Так, в своих заметках в поезде он пишет⁵:

«...биосфера находится на границе космического пространства, она представляет собой космическую среду мира, в которой мы

живем, а сам человек, как и все живое на Земле, в значительной степени выступает как творение сил космоса...».

В своем окончательном понимании учение о биосфере трактуется им как процесс преобразования биосферы в ноосферу по воздействиям планетной научной мысли, что схематично можно представить в виде последовательности изменений состояний биосферы,

→Bio→Tec→Noo→

т. е. переходу от собственно биосферы¹ — Bio к состоянию, перестроенному научной планетной мыслью, к техносфере типа C² — Tec, а от него к ноосфере³ — Noo.

Но что в таком случае представляют составляющие этого учения — биосфера, как таковая, планетная научная мысль и ноосфера? Самое общее определение биосферы в смысле понимаемого В. И. Вернадским — это совокупность всех проявлений жизнедеятельности, взятое в единстве с той частью неорганической природы, которая является вместилищем жизни в планетарном масштабе.

Биосфера по В. И. Вернадскому — это открытая система, определенный срез геобиоисторического процесса, в основе которого лежит длительная эволюция, сложность и неравномерность исторического развития, его непрерывность, направленность и не обратимость.

Планетная научная мысль или, как ее обозначает В. И. Вернадский, научная мысль как планетное явление — вторая составляющая учения о биосфере.

«Человек впервые реально понял, что он житель планеты и может — должен — мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетном аспекте».

Так писал ученый⁴, определяя место и новое состояние человечества на нынешнем этапе его развития. Раскрывая содержание этого состояния, В. И. Вернадский показывает⁵:

«В биосфере существует великая геологическая, может быть космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе, в представлениях научных или имеющих научную основу... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля, как существа общественного».

В этой связи, по мнению В. И. Вернадского, недопустим разрыв между природой и человеком, между стихийными процессами, протекающими в природе и обществе, с одной стороны, и Разумом, научной мыслью как планетного явления, с другой стороны. Деятельность последней должна служить преодолению этого разрыва, це-

¹ От греч. bios — жизнь.

² Сочетание греч. technike — искусный и лат. competens — компетентный.

³ От греч. nous — дух.

⁴ «Известия», № 70 (22242), 10.03.88.

⁵ «Правда», № 77 (25433), 10.03.88.

¹ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., Мысль, 1982, с. 521.

² То же, с. 482.

³ Цитируется по: Монсеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., Наука, 1987,

с. 292.

⁴ Цитируется по газете «Крымская правда», № 60 (19375) 11.03.84, с. 4.

⁵ Там же.

лям общечеловеческим. Из этого вытекает (забегая вперед), как справедливо отмечает академик Б. С. Соколов, ответ на вопрос о форме существования нашего разделенного на две основные политические системы мира — сосуществование, мирное соревнование и взаимопомощь...

В отличии от натуралистов прошлого и их пессимистических мыслей о будущности человечества Вернадский выдвигает задачу о перестройке биосферы с помощью научной мысли как планетного явления.

Показывая необходимость и естественность этого этапа в широкомасштабных стратегиях человечества, В. И. Вернадский отмечает¹:

«Взрыв научной мысли в XX столетии подготовлен всем прошлым биосферы, имеет глубочайшие корни в ее строении — он не может остановиться и пойти назад. Он может только замедлиться в своем темпе ... биосфера неизбежно перейдет так или иначе, рано или поздно — в ноосферу, т. е. в историю народов, ее населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие».

В своей последней работе «Несколько слов о ноосфере» Вернадский определяет главные условия создания сферы разума. В сжатом изложении академика Яншина² эти условия сводятся к трем пунктам:

«Во-первых, человечество должно быть единым в экономическом и информационном отношении.

Во-вторых, ноосфера — явление всепланетное; поэтому человечество должно обязательно прийти к полному равенству рас, народов, независимо от цвета кожи.

В-третьих, ноосфера не может быть создана до прекращения войн между народами мира.

Мы, конечно, далеко еще от вступления в ноосферу, но путь, по которому идет наша страна и в какой-то мере другие страны мира, был предсказан В. И. Вернадским».

2. ЗА ВСЕ НАДО ПЛАТИТЬ!

Изумительное совершенство бесчисленных форм жизни явились следствием³ их возникновения на изначально безжизненной планете, их совершенствования в течение миллионов и миллиардов лет. Столь же долго формировался их химический состав, формы их жизнедеятельности, взаимоотношения со своим окружением. Этот

¹ Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии. Труды БИОГЕЛ ГЕОХИ АН СССР, 1980, вып. 16, с. 218.

² Дискуссия в президиуме АН СССР «На пути к ноосфере» (к 125-летию со дня рождения академика В. И. Вернадского).

³ В. И. Вернадский не изучал процесс возникновения жизни на Земле, полагая, что жизнь есть явление космическое. Факт возникновения жизни он считал «эмпирическим обобщением» (Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., Наука, 1987, с. 262).

процесс также можно представить последовательностью изменений состояний, ведущей к биосфере и связывающей состояние безжизненной планеты, примасферу⁴ с состоянием планеты, лишенной разумной жизни витасферу⁵. Возникнув на определенной стадии эволюции как прямоходящее существо, человек и его ближайшие предки были способны усваивать энергетические ресурсы, только непосредственно содержащиеся в пище, воздействуя на свое окружение лишь собственной мускульной силой. На этом этапе своего развития человек фактически был элементом живого вещества или, как иногда выражаются⁶, звеном трофических цепей биосферы. Иными словами, на этом этапе своего развития по способу своего обмена веществом и энергией со своим окружением «он не выделялся из биологической формы движения материи, не изменяя естественные биохимические круговороты. Использование первобытным человеком энергии воды и ветра, приручение животных существенно не повлияло на эти круговороты»⁷.

Естественные биогеохимические круговороты человек начал изменять тогда, когда выделившись из своего окружения и осознав этот факт, он начал черпать энергетические ресурсы вне своих непосредственно трофических цепей; однако, овладев далее биогенным источниками энергии (древесина, уголь и т. д.), человек и, тем самым, человечество в результате своей деятельности значительно увеличили свое действие (масштабы, интенсивность и пр.) на биосферу, заметно влияя на биогеохимические циклы, вызывая положительные и отрицательные реакции.

Этот процесс также представим последовательностью состояний, идущих от биосферы к техносфере типа р⁸, т. е. к состоянию, перестроенному ничем не ограниченной эксплуатацией природных и иных ресурсов во имя сиюминутной выгоды.

Особенно возросли эти нагрузки и соответственно реакции с развитием научно-технической революции. В 1913 году Вернадский был в Торонто (Канада) на международном геологическом конгрессе; в письме к жене он пишет⁹:

«Та новая техника, американская техника, которая так много дала человечеству, дала и свою тяжелую сторону. Здесь мы ее видели вовсю. Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть — на десятки верст — страны превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена, и все для достижения одной цели — быстрой добычи никеля. Сейчас это мировой пункт — главная масса никеля получается здесь, но навсегда часть страны превращена в каменистую пустыню...».

¹ От лат. *primitivus* — самый ранний, примитивный.

² От лат. *vitalis* — жизненный.

³ Олейников Ю. В. В. И. Вернадский и глобальные проблемы современности. Философские науки, 1988, с. 69.

⁴ Там же.

⁵ От сочетания греч. *technike* — искусственный и греч. *praktikos* — практический, деятельный, активный.

⁶ «Правда», № 71 (25423), 11.03.88.

И дело тут вовсе не в эстетических вкусах русского натуралиста, дело в другом — в нарушении концентрации химических элементов и их соединений в растениях и животных, потребляющих их из изменяющегося окружения, нарушения их функций, отрегулированных длительной эволюцией, короче — нарушение динамического равновесия природной сферы.

Особенно тревожил его вопрос о недостаточном осознании и понимании человечеством этого нового этапа развития биосфера. Он пишет¹:

«Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет ... Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества».

Между тем, прагматичное человечество идет своим путем — для стимулирования экономического развития делается упор на рост производства без каких-либо ограничений; отсюда — безответственный расход естественных ресурсов. Типичной в этом отношении является история превращения озера Севан из природного чуда в часть энергетической системы. Ныне человечество в своих отдельных проявлениях находится на пороге перехода к новому состоянию своего развития, которое в зависимости от масштабов и интенсивности нагрузок может привести не только к гибели человечества, но и всего живого. Так, многие ученые приходят к убеждению, что началось значительное увеличение углекислого газа на планете, как результат сжигания топлива (нефти, газа, угля и пр.) во все возрастающих количествах, что приведет в конечном итоге к угрозе затопления прибрежных городов, как Ленинград и Нью-Йорк, а также резкому изменению климата. Как грозное предупреждение человечеству прозвучало сообщение об уменьшении озонного слоя атмосферы нашей планеты, защищающего все живое от ультрафиолетовой радиации и образование над Антарктидой «весенней озоновой дыры» как результат интенсивного использования хлорфтоглеводородов в холодильных установках и аэрозолях. Не менее грозным предупреждением человечеству звучит все усиливающееся загрязнение земли, рек, морей и океанов промышленными и бытовыми отходами, нарушающее веками выработанные и отработанные системы биологической защиты и очистки от примесей. Так, огромные площади, ныне затянувшиеся нефтяной пленкой, препятствуют поступлению кислорода в океанские глубины, обрекая на гибель все живое. Оценка масштабов, динамики и ха-

рактера загрязнения мест вблизи свалок промышленных и бытовых отходов¹ показала, что здесь минерализация воды в 10—20 раз больше, концентрация четырехокиси серы и стронция в 2—3 раза превышает фоновый уровень, натрия в 10—20 раз, хлора в 40—60 раз; почвы здесь сильно обогащены цинком, свинцом, медью, хромом и никелем.

Во всей остроте и сложности встали перед человечеством демографические проблемы и тесно связанные с ними проблемы обеспечения продовольствием растущего населения планеты, проблемы снижения полодородия земель, истощения запасов минерального сырья, дефицита энергии и т. д. Но, пожалуй, самым грозным предупреждением является распространяющееся в мире ядерное оружие, приближающее человечество к краю пропасти ядерного самоуничтожения.

Еще на заре атомной эры, в 1910 году, В. И. Вернадский отмечал²:

«Перед нами открылись источники энергии, перед которыми по силе и значению бледнеют сила пара, сила электричества, сила взрывчатых химических веществ ... Теперь перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники силы, какие рисовались человеческому воображению ... Невольно, с трепетом и ожиданием обращаем мы наши взоры к новой силе, раскрывающейся перед человеческим сознанием. Что сулит она нам в своем грядущем развитии?... С надеждой и опасением всматриваемся мы в нового защитника и союзника».

Тогда же он с тревогой предупреждал³:

«...Ни одно государство и общество не могут относиться безразлично, каким путем, как и когда будут использованы находящиеся в его владениях источники лучистой (т. е. ядерной. — Евг. А.) энергии».

Эти общие соображения великого русского мыслителя, высказанные в первой четверти XIX века, ныне могут быть уточнены на основе достижений современной науки. Последний ученик В. И. Вернадского К. П. Флоренский (1915—1982) так уточняет взгляды своего учителя⁴:

«Иногда говорят о полном уничтожении жизни — например, в результате ядерной катастрофы. Я думаю, что это ошибка. Полного уничтожения жизни быть не может. Однако уничтожение условий, необходимых для человека, может произойти сравнительно легко. Достаточно понижения или повышения средней температуры Земли всего на 10° или падения содержания свободного кислорода до 16%, чтобы человечество погибло или почти погибло.

¹ «Инженерная геология», 1987, 4.

² Вернадский В. И. Очерки и речи, вып. 1, Пг, 1922, с. 36—37.

³ «Известия», № 70 (22242), 10.03.88.

⁴ Флоренский К. П. Биосфера глазами натуралиста. Природа, 1988, № 2, с. 56.

А что толку в Земле, населенной только анаэробными бактериями, синезелеными водорослями или другими формами низших организмов?»

Этот процесс возможной гибели разумной жизни представим возможными вариантами грядущих состояний.

3. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Осознание ядерной и экологической угрозы и выдвижение на передний план как самой важной и насущной проблемы выживания человечества — таковы источники нового мышления, поставленные нашей партией и народом и имеющие своим корнем в конечном итоге передовое естественнонаучное и гуманистическое мировоззрение, включающее в себя учение В. И. Вернадского. Недаром многие участники современных антивоенных движений, выступающие за устранение угрозы ядерной войны, ликвидацию ядерного, химического и биологического, а вместе с ними и более мощного «обычного» оружия, в качестве своих предшественников называют нашего великого ученого В. И. Вернадского, обладавшего даром естественнонаучного предвидения эволюции науки и общества.

Ныне человечество вплотную стоит перед двумя возможностями: либо неконтролируемая гонка вооружений, неуправляемый процесс НТР, рост враждебности между народами и, как результат, уничтожение человечества, лишение планеты разумной жизни, т. е.

→Ter→Vit→
|
→Pri→,

либо обуздание гонки вооружений и снижение уровня военно-политической конфронтации, устранение экологической угрозы и, как результат, гуманизация международных отношений, стабилизация, упрочнение и развитие мировой цивилизации, основанное на торжестве Разума, на удовлетворении длительных интересов человечества, т. е.

→Ter→Tec→.

Эти общие соображения выдвигают по меньшей степени три типа задач, стоящих перед человечеством, три типа их решений.

Первый тип задач ставит своей целью предотвращение перехода нынешнего состояния развития планеты Тер в одну из следующих возможных стадий Vit или Pri, существенным признаком которой является отсутствие разумной жизни; здесь, иными словами, ставится задача выживания человечества, задача предотвращения ядерной и экологической катастрофы. Решение этой задачи складывается из общественно-политических и экологических решений, понимаемых в широком смысле этого слова.

Выдвинутая Советским Союзом программа стратегических действий нашла свою реализацию в подписании и модификации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, ею положено начало движению по сокращению наполовину СНВ в условиях соблюдения Договора по ПРО, благодаря ей стали видны промежуточные пункты на пути дальнейшего движения к разоружению — конвенция о запрещении химического оружия и его запасов, переговоры о сокращении вооруженных сил и обычных вооружений в Европе от Атлантики до Урала, договоренности об ограничении числа и мощности ядерных испытаний на пути к их полному запрету, на ее основе были подключены к борьбе против ядерной угрозы за выживание человечества широкие круги советской и международной общественности.

Что касается экологических решений, понимаемых в широком смысле этого слова, то к ним отнесем, во-первых, известные решения XXVII съезда КПСС о повышении уровня благосостояния советского народа, о повышении его уровня жизни, улучшении условий жизни и окружающей его среды и, во-вторых, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», а также деятельность Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП) и Всемирного фонда дикой природы, разработавшие Всемирную стратегию охраны природы¹; эта стратегия преследует три основные цели — сохранение жизнеспособных популяций всех видов животных и растений, сохранение в достаточно большом объеме тех видов, ценность которых для человека уже известна, сохранение чистого воздуха, воды и плодородной земли.

Постановка этих целей и задач вызвана элементарным здравым смыслом, тем не менее отдельные организации их игнорируют; в этой связи вызывает удивление, например, введение по всей нашей стране с 1 января 1988 года Государственным комитетом СССР по стандартам повышенной нормы предельно допустимого содержания окиси углерода в выхлопных газах автомобилей с 1,5 до 3,0%².

Нетрудно видеть, что общим существенным свойством решения задач этого типа является снижение уровня ядерного и экологического противостояния Человечества (и его противоборствующих блоков) и Природы, направленное на предотвращение скатывания к ядерной и экологической катастрофам путем усиления положительных и ограничения отрицательных последствий в своей деятельности.

Второй тип задач ставит своей целью переход от нынешней стадии развития планеты в следующую возможную качественно новую стадию, существенным признаком которой является наличие всеобъемлющей регуляции Природы, подчиненное научной мысли как

¹ Курьер ЮНЕСКО, 1980, июнь.

² «Московская правда», № 102 (20720), 4.05.88.

планетному явлению, мысли, отвечающей длительным интересам человечества. В плане общественно-политических решений видятся принципиально новые подходы к международным отношениям, изъятие из международной жизни таких категорий, как войны, военный конфликт, военная конфронтация, широкое распространение переговоров, как средства образования согласованных решений и пр.

Решение этой задачи в плане экологических (понимаемых в широком смысле) решений ведется в изменениях взаимоотношений экономики и экологии, в выходе на экологические цели с экономическими ограничениями и даже без каких-либо ограничений, основанное на построении и использовании такой системы моделей, которые, как отмечает академик Н. Н. Моисеев¹, «были бы связаны с параметрами биосферы и позволили бы контролировать соответствие производственной деятельности допустимым нагрузкам в окружающую среду». Практически это означает переход на экологически чистые технологии. Например, переход от традиционного использования топливных ресурсов на геотермальные источники энергии, широкое использование экологически чистого биогаза — продукта безотходной переработки бытового мусора и т. д.

Таким образом, общим существенным свойством решений задач этого типа является переход к добрососедским международным отношениям, к экологически чистым технологическим процессам, отвечающим длительным интересам Человечества.

И, наконец, третий тип задач, тесно примыкающий ко второму типу, ставит своей целью дальнейшее развитие этой новой стадии эволюции планеты, существенным признаком которой является интеграция, объединение общественно-политических и экологических решений, направленных на торжество Разума и обеспечивающих выход в ближайший и дальний Космос, т. е. переход в состояние космосферы — Cos : → Noo — Cos →.

Эту же мысль, правда, в несколько иной форме, выразил Флоренский²:

«Наша задача — не сохранить вообще, но переделывать для удобства человека. Мы уничтожили чуму, холеру, оспу, малярию, туберкулез, мы боремся с вредителями сельского хозяйства — и будем бороться. А ведь все это элементы окружающей среды...

Наша задача гораздо скромнее — геохимические предпосылки такой переделки, которые необходимы для сохранения организованности необычайно сложной самоорганизующейся системы, способность которой к сохранению нужной организации не беспредельна».

Таким образом, регулируя способы и формы взаимодействия общества и природы, о чем мечтал Н. Ф. Федоров, выбирая на-

правление и характер развития этого взаимодействия, поставив его под строгий научный контроль, человечество сможет избежать ядерной и экологической катастроф и, объединяясь, откроет начало нового периода в истории планеты, ее новое эволюционное состояние — ноосферу, управляемую Разумом человека, положив начало освоению Ближнего и Дальнего Космоса.

4. ЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ БИОСФЕРЫ

Анализируя учение В. И. Вернадского о биосфере, академик Н. Н. Моисеев отмечал¹:

«Учение Вернадского ... является тем средним промежуточным звеном, которое позволяет связать в единое целое общую картину мира, которая создается естествоиспытателями и обществоведами». Эволюция биосферы, рассматриваемая с крупномасштабной точки зрения, представляется последовательностью выборов, осуществляемых Разумом человечества как новым нарождающимся и развивающимся геологическим фактором; важно отметить при этом, что при таком представлении упомянутая последовательность выборов может быть раскрыта в конкретных представлениях как естествоиспытателя, так и обществоведа. Можно утверждать, что, появившись и развившись на начальных стадиях эволюции, мозг человека, его разум, это «естественное порождение эволюции земной жизни» (Н. Н. Моисеев) выделяет человека из окружающей среды и устанавливает с ней особые отношения. Эти отношения устанавливают определенные альтернативы — дальнейшего развития биосферы под неослабным давлением развивающегося Разума. Первая альтернатива основана на развитии нерасторжимого единства организма и окружающей его среды (о чем говорилось нами ранее), направленная на такое ее преобразование, которое не разрушило бы, а лишь видоизменило организацию биосферы в целом; вторая альтернатива, наоборот, основана на противопоставлении организма окружающей среде, на так называемое покорение Природы, отвечающее сиюминутным интересам «покорителя».

К сожалению, сиюминутные интересы, ограниченность понимания в тот период развивающегося Разума привели к выбору второй альтернативы, и ныне мы находимся перед новым выбором — либо продолжать свое противоборство со своим окружением силами, соизмеримыми с тем, что совершается в природе под воздействием стихийных сил и, тем самым, быть невольными участниками ядерной или экологической катастрофы, либо, резко затормозив свое движение, выйти на путь разумного преобразования биосферы, отвечающего длительным интересам человечества.

Эту ситуацию достаточно ярко представил акад. Моисеев²:

«Мы должны ясно понимать, что человечество и впредь будет преобразовывать биосферу, но это преобразование должно быть

¹ «Правда», № 71 (25423), 11.03.88.

² «Правда», № 71 (25423), 11.03.88.

¹ Моисеев Н. Н. Экология человека глазами математика. М., 1988, с. 128.

² Флоренский К. П. Биосфера глазами натуралиста. Природа, 1988, № 2, с. 56.

согласовано с развитием общества. Значит, на развитие общества накладывается определенный экологический императив: некоторые действия людей должны быть запрещены принципиально. Возникает новое представление о поведении человека — нравственный императив, который является следствием экологического императива».

Таким образом, дальнейшее развитие нашей планеты однозначно представляется нашими сегодняшними действиями, реализующими глобальные стратегии современности, — либо человеческая цивилизация исчезнет с ее поверхности, либо она, так сказать, погрузится в ноосферу. Третьего пути нет, и в этом суть учения Вернадского, хотя в явном виде это положение им нигде не произнесено.

Подводя итоги, можно утверждать, что, разработав учение о биосфере, В. И. Вернадский выдвинул «идею ноосферы как отражение идеи коммунизма в понятиях естественных наук. И к этому выводу пришел не просто беспартийный естествоиспытатель, а бывший член Государственного Совета дореволюционной России (выборный от Академии наук), бывший член ЦК партии кадетов¹.

ПРИНЦИП ДОЛЖНОГО У Н. Ф. ФЕДОРОВА

Г. П. Аксенов

Квинтэссенция всего метода Федорова заключена в краткой формулировке: «Нельзя не признавать фактов, но не следует преклоняться перед ними» (I, 310)². При всей своей внешней простоте эта формула, будучи поставлена в контекст всего учения, имеет далеко идущие следствия. Мыслитель считал, что ученое сословие не выполняет своего назначения из-за одного общего всем ученым недостатка — преклонения перед фактом объективной действительности. Самой главной своей задачей наука считала открытие и истолкование феноменов окружающего мира. Однако при этом в научный факт не входит сам по себе человеческий фактор. Отсутствует он и в отдельно взятом исследовании и, особенно, в общих основаниях науки — в научной картине мира. Те ученые, которые произвели величайший переворот в знаниях в свое время, построившие величественную картину мироздания, исключили из нее субъективный момент, игнорировав познающий опыт и активную преобразующую роль человека. Тем самым в

теории произошло невольное противопоставление общества и природы.

В одной из своих неопубликованных статей Федоров, размышляя над итогами развития научного знания, писал: «Далее, она (наука — Г. А.) противополагает людей природе в их состоянии бездеятельности или ошибочной деятельности, не соединяя их в знании и деле против ига слепых сил, в чем и заключается причина бессилия человечества, а именно: ограниченность в пространстве, то есть прикрепление к земле, и во времени, то есть смертность. Об освобождении от этого и другого ограниченная городская гражданская жизнь, как и буржуазная философия, даже и не мечтают; а между тем ограничение в пространстве препятствует действию разумных существ на все миры вселенной, а ограниченность во времени, смертность, препятствует действию различных поколений разумных существ на эти миры»¹.

Казалось бы, философ выступает здесь против самого очевидного, против самого неоспоримого: прикрепления человечества к своей среде обитания — земле и против присущей ему, как и всему живому, смертности. Он «не признает» объективно существующей реальности во имя более высоких целей, высших ценностей, чем «преклонение» перед объективно существующими процессами. Он провозглашает примат должного перед сущим, отдает пальму первенства человеческим интересам, сознательно ставит разумное существо в центр универсума.

Тем самым деонтология как бы возвращается к древней философской традиции, закрепленной в известном афоризме Протагора: «Человек — мера всех вещей». Однако возвращается на высшем уровне, на новом витке, обогащенная новым знанием и миропониманием. Человек как мера всех вещей существует, согласно древнему изречению, в мире, не зависящем от него, созданном до него и безразличном к нему; федоровское понимание человека поднимает его до сверхактивного существа, управителя и распорядителя солнечной энергии, влияние которого распространяется, должно распространяться на все миры вселенной. Он существует и, главное, действует в мире, который должен быть воссоздан им самим на основе должного, проекта, идеала.

Спроектировать чаемый мир на тех принципах, что лежат в основе существующей науки, нельзя, ибо она, подчиняясь изучаемым фактам, тем самым уподобляется природе, т. е. следует в русле естественной, принудительной необходимости. Цивилизация, основанная на естественной необходимости, плется в хвосте у природы, поскольку опирается на открываемые законы ее, на то, что есть, а не на то, что должно быть. И потому человек еще не стал мерой всех вещей, а представляет собой эскиз, возможность человека должного.

¹ Цит. по книге «Кожевников В. А. Н. Ф. Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам», М., 1908, с. 76.

¹ Политическое образование, 1988, № 6, с. 96.

² Здесь и далее указываются том и страница изданий: Федоров Н. Ф. Философия общего дела. Верный, 1906, т. I; Федоров Н. Ф. Философия общего дела, т. II. М., 1913.

«Нельзя не признать, что человек смертен, что в нем много животного, но нельзя сказать, что это и должно быть так, хотя бы мы и желали этого!» (I, 310) — заявляет Федоров. Он убежден, что в проектировании человекаенного необходимо опираться на те его качества, которые кардинально отличают его от животного мира. Созданный в процессе эволюции (мыслитель вовсе не отрицает дарвиновскую теорию) инстинктивной силой, человек приобрел волю, чувство и разум. Они, эти невиданные качества, не сводятся ни к зоологическим инстинктам, ни к физическим, ни к химическим процессам, являющимся материальной основой духовной сферы. В своих произведениях Федоров стремится осознать, вычленить специфику духовной сферы, ее роль и назначение в строительстве жизни человечества, в проектировании мира и общего дела людей. Она, считает мыслитель, должна помочь человеку вырваться из оков слепой природы, перерости естественную необходимость. Разум, говорит он, есть средство обращения мира несвободного, живущего по необходимости, в мир свободный. И потому нынешнее состояние человечества представляет собой несовершеннолетие, т. е. возраст, когда люди не дорошли в совместной жизни до нравственных вопросов, не превратили разум, чувство и волю в действующие пружины своей деятельности.

А между тем нравственное чувство — наиболее всеобъемлющее. Нет и, главное, не должно быть в практике объектов, нравственно безразличных человеку. Любая черта его деятельности, весь круг его опыта, приобретаемого в процессе жизнесозиания, обязан быть соотнесенными с самим человеком. Вещи и процессы, не несущие в себе отношения к добру и злу, т. е. такие, как они рассматривались в классической философии и научной натурфилософии, на самом деле, по мысли Федорова, имеют подобный характер только в результате пассивности человека, недостаточности его развития как нравственного и активного существа.

Факт выхода человечества в космос не отменяет картины мира, созданной Ньютона, Лапласом и другими великими учеными. С чисто механической и математической стороны спутники летают «по Ньютону», т. е. с учетом и использованием законов тяготения. Однако философская сторона космогонических теорий прошлого незаметно пересматривается в сознании людей: космос перестал быть пустым вместилищем вращающихся тел, не имеющих отношения к человеку, а стал, по федоровскому выражению, «поприщем для великого подвига», т. е. объектом созидаемым, пусть пока и в очень незначительной степени.

Исходя из своего методологического принципа, т. е. с точки зрения должного, Федоров считал, что вселенная станет управляемая человеком. Такая умозрительная задача была им поставлена в то время, когда никто не наводило на мысль о каком-то выходе за пределы среды обитания. Однако в трудах ученика Федорова К. Э. Циолковского идея начала обрасти плотью, обос-

новываться с теоретической и даже технической стороны. Таким образом, умозрительная идея неожиданно обрела предсказательную силу, проектируя вектор развития материальной практики.

* * *

Распространяя свой принцип и на остальные стороны действительности, философ выдвигает положение, согласно которому в мире нет вещей, которые не должны иметь нравственного отюшения. Если они пока еще есть, то не свидетельствуют о вечности такого положения, а всего лишь о неразвитости человека и человечества, о недостаточности его опыта, т. е. о несовершенстве. По мере развития истории увеличивается количество объектов, созданных или вовлеченных в орбиту человеческой деятельности и тем самым приобретающих представления о добре и зле, о блаже и истине.

Знание о природе, об истории, о социальной деятельности и должно в первую очередь выявить такое отношение, т. е. сначала позаботиться об обосновании нравственной стороны. Между тем, научное знание, к чему бы оно ни относилось, зачастую стремится освободиться именно от такого человеческого отношения, от нравственного идеала. Подобное стремление вполне понятно: наука пытается исключить из своих построений влияние чувств, интересов, пристрастий. Однако при таком подходе природа сознательно или бессознательно расчленяется на несвязанные между собой объективные процессы, что соответствует различным «логиям», в науке. Объект рассматривается как данность, как феномен, а не как должное, соответствующее идеалу. Знание, «умозрительное, рационалистическое, ограничивалось слишком тесным кругом общих логических понятий, не включая в себя задач проективных; а опытное, эмпирическое — ограничивалось разрозненными данными феноменальной действительности вместо постоянного и по-всеместного наблюдения и всеобщего опыта над этой действительностью для воздействия на нее как на целое»¹ — писал Федоров.

Без соединения чувства с исследуемым объектом, без большой человеческой цели наука получает в результате лишь обрывки разорванной ткани целого, фрагменты некоей картины без единяющего их смысла. Таким смыслом может представить, утверждает мыслитель, только нравственное отношение, только этика. Этическое чувство способно выстроить элементы всего объективного мира в определенном порядке, не совсем совпадающем с тем, который пытаются вывести из самих элементов, из внутренней логики их связи. А ведь именно связь вещей ищут наиболее широко мыслящие ученыe. Как магнитное поле создает определенную структуру из беспорядочно набросанных железных опилок, так и напряженность этики, наполнение системы природы нравственным

¹ Цит. по В. А. Кожевникову, с. 56—57.

чувством упорядочивает картину действительности, сводит ее к общечеловеческим интересам.

Следует, вероятно, оговориться, что этика для Федорова — не свод моральных норм и установлений, а высший нравственный долг, который един для всего человечества. Этика понимается им как должное, как наиболее концентрированное выражение нравственного сознания. Она выступает синонимом разума. Этическое содержание есть то, что не существует в действительности, а только проектируется как осознание противоречия между настоящим и будущим и которое поэтому имеет для практики императивное значение.

В соответствии со своим принципом Федоров выдвигает требование, звучащее непривычно и смело: положить предел человеческой пытливости. Однако в нем нет противоречия, и в системе ценностей Федорова такое требование вполне логично. Он утверждает, что пытливость и любознательность сами по себе ни хороши, ни плохи. В том случае, если не преследуется человеческая цель, любознательность способствует распространению оторванного от жизни и интересов человечества познания до бесконечности. Оно есть монотонное, дурное познание. Нет ничего хуже, говорит мыслитель, задавать природе праздные вопросы, из любопытства. А именно такие вопросы и задает оторванная от общечеловеческих целей наука. Критерием познавательной деятельности может служить только этически обоснованная цель, объединяющаячество.

В различных, созданных до Федорова идеалистических системах философии провозглашался примат сознания над окружающей действительностью. Несмотря на различия в деталях, все такие системы трактовали объективную реальность как производную от ощущений, чувств, понятий и категорий. Для Федорова материя, существующая независимо от нашего сознания — реальность; оспаривать эту очевидность бессмысленно. Сознание возникает на определенной ступени развития объективного мира. Но, согласно Федорову, неправомерно и материю ставить выше сознания.

В решении этого кардинального вопроса у него, как и во всем остальном, возникает «человеческая поправка». Что имеет большую относительную ценность — дух или материя? На какой основе следует обществу строить свои взаимоотношения с природой? «Хотя бы идеи и создавались или порождались плотским человеком, — отвечает на этот вопрос мыслитель, — они все же не для того возникают, чтобы плоть управляла мыслью, а для того, чтобы мысль и душа управляли материю» (II, 272). Сходство с идеализмом здесь чисто внешнее. Материя не есть следствие наших представлений, а должна быть управляемой мыслью. Нет отдельно субъекта и объекта, а есть их единство, заключенное в проекте, в дополнествовании.

Человечество не может жить, не творя искусственной среды, своего собственного мира, внешне совершенно не похожего на предшествующий. Вместе с искусственной средой оно создает всеобъемлющий комплекс экономических отношений, общественных институтов, моральных и эстетических установлений. Но на какой основе оно создает их, спрашивает мыслитель? Чаще всего принципы, положенные в основу человеческой практики, только по видимости отличаются от законов природы. Однако в массе своей они — стихийное продолжение природных свойств и качеств, т. е. «материй», но не мысли. Природа не существует по необходимости, она есть, в сущности, развертываемая в пространстве и времени необходимость, не имеющая цели кроме распространения и продолжения. В природе, особенно в живой, царят слепые, жесткие и бессмысленные с человеческой точки зрения законы и правила, и главные среди них — борьба за существование и смертность, в чем выражается слепой ход эволюции.

Создавать и проектировать свое будущее на основе «естественной необходимости», «оприроденного мира» нельзя, ибо это будет перенесением в искусственную человеческую среду жестких и слепых природных сил. Необходимо осознать специфику человека, несводимость принципов его жизнедеятельности к тем свойствам и качествам, которые достались ему от «материи». «Природа, — утверждает Федоров, — сила, пока мы бессильны, пока мы не стали ее волею. Эта сила слепа, пока мы неразумны, пока не составляем ее разума. Занятые постоянной враждой и взаимным истреблением, исполняя враждебную нам волю, мы не замечаем этого общего врага и даже преклоняемся перед враждебной нам силой, благосклонность которой так же для нас вредна, как и вражда. Природа нам враг временный, а друг вечный, потому что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача, задача существ, наделенных чувством и разумом» (II, 247).

Одушевление природы, наделение ее человеческими качествами посредством управления ею — вот такова перспектива, которую ставит, открывает перед обществом философ. Вместо этого мы чаще всего слышим призывы «учиться у природы», следовать ей. Путь этот гибельный, неразумный, он заставляет плениться в хвосте у эволюции, снизиться до инстинктивного уровня. «В призыве «следуй природе» — заключается требование подчинения разумного существа слепой силе», — замечает мыслитель (I, 61).

Ни материя, ни природа сами по себе не отрицаются Федоровым. Но они есть лишь возможность для духовной жизни, для управления естества волей и чувством человека. Признание материи глубинной субстанцией, без которой немыслима сама жизнь, не должно тем не менее обозначать, что ее необходимо ставить выше разума на весах человеческого сознания. Возможность для жизни еще не есть разумная жизнь. Действительной, т. е. свободной, ее способен сделать только разум. Таким образом, отношения

материи и сознания мыслятся философом как совершенствование, как проект.

Говорят, через человека природа осознает самое себя. Однако что означает такое осознание? Следует ли из такого положения, что все более и более познавая законы природы, человек тем самым познает и законы своего собственного существования? На первый взгляд, такой вывод кажется бесспорным, с ним нельзя не согласиться. Действительно, проникая все глубже в суть процессов и явлений окружающего мира, человек может все более успешно применять свои знания на практике и тем самым выявлять свою собственную специфику, принципы своего существования. Такие знания мы называем адекватными, соответствующими действительному ходу вещей. Но будут ли они истинными? Вопрос кажется странным.

Для Федорова же ничего необычного в нем нет. Подвергать сомнению логику знаний, выведенную из самой природы, отраженную в головах и в практике ее закономерностей, означает для него признание самодовлеющей ценности объекта и умаление, унижение познающего субъекта. Знание объективное есть знание недостаточное. Не связанное с этическим долгом, оно обречено вращаться в пределах замкнутого круга, вырождается в пустое тождество $A=A$. Пытаясь уяснить себе законы природы из них самих, не привнося в них собственной цели, знание неизбежно превращается в трюизм, в общее место.

Назначение и смысл здания нельзя понять, изучая состав и назначение кирпичей, из которых оно построено. Точно также нельзя уяснить его, исходя из знания способа их крепления, местоположения здания, взаимоотношения в бригаде строителей или иных каких-либо признаков. Только цель придает всему смысл и объясняет назначение всех остальных элементов.

Истинным знание о природе становится не тогда, когда мы пытаемся понять применение кирпичей, из которых она состоит, но когда в него привнесена цель, которую может дать лишь этический идеал. Только тогда знание приобретает способность революционизировать мир, вести его к совершенствованию по тому пути, каким он представляется человеку, а не по пути эволюции, лишенной цели.

Если наука не соотносит свои исследования с этическим идеалом, с человеческими интересами, то как бы она ни дифференцировалась, как бы ни углублялась в систему природы, она в принципе неспособна в таком случае ликвидировать неопределенность. Недаром некоторые ученые ощущают парадокс: чем больше мы открываем научных истин, тем больше возникает вопросов; то есть, в сущности, наука открывает свое незнание. Такое положение хорошо заметно в так называемой чистой науке, теоретической.

Аналогичную ситуацию хорошо выразил в свое время Федоров: «Даже совершенное знание того, что есть, не в состоянии дать нам мир совершенный; наоборот, оно должно было бы повергнуть

человечество в скорбь, которая была бы беспросветною и безнадежною, если бы на таком знании можно было бы остановиться, если бы требования нравственного блага, не совпадающего при существующем порядке вещей с действительностью, не указывали знанию иного, высшего назначения: стать из пассивного проективного и активным, перейти в дело, в преобразование существующего в совершенствующее быть»¹.

Мы называем знания оторванными от жизни именно потому, что они трактуют о «том, что есть» и тем самым не ликвидируют неопределенность и остаются безразличными человеку. Обычно считается, что нравственная направленность присуща лишь общественным наукам: морали, истории, социологии и др. По распространенному мнению, точные и естественные науки не имеют и не должны иметь отношения к этике. Сугубая объективность, которой должны достичь в своих исследованиях и теориях представители точных и естественных наук, считается большим достоинством. Здесь как ни в какой другой области недопустим произвол, подверженность личным и групповым выгодам, сиюминутным интересам и пристрастиям. Понятие этики ученого здесь выступает синонимом личной честности. Но при всей ценности личной честности ее все же недостаточно. Этика не рассматривается в системе науки как составляющая самих исследований. Отсутствует и нравственный долг по отношению к результатам точных наук. Однако с «освобождением» от выгод, интересов и пристрастий происходит невольное освобождение и от цели познания. Наука распространяется во все стороны, имея целью крайне неопределенное понятие «прогресс».

Небезынтересно было бы проследить развитие такого рода знаний на примере развития метеорологии. Все более специализируясь, метеорология обрастила инструментами, приборами и сейчас имеет в своем арсенале сеть метеостанций, радиозонды, корабли, самолеты-лаборатории, метеорологические спутники.

Однако при всем своем инструментарии и теоретическом богатстве метеорология решает те же задачи, с которыми справлялся и земледелец древности: более или менее точно предсказывает погоду. Известно, что многие растения, животные чувствуют различные изменения состояния погоды, важные для них, «умеют» предсказывать различные стихийные катаклизмы: землетрясения, извержения вулканов, наводнения, ураганы. Начальные признаки, положенные в основу метеорологии: наблюдение, констатация, пассивное «то, что есть» — и обусловили общность конечных результатов, народных примет и науки при совершенно, конечно, несоизмеримых затратах.

Между тем, введение этического идеала, начинающегося с простого вопроса «А должно ли так быть?» сразу подвергает сомнению правомерность такого принципа. Если иметь в виду пользу

¹ Цит. по В. А. Кожевникову, с. 32.

человечества, любой метеоролог обязан задать себе такой вопрос: а какова же должна быть погода в данной местности в данное время? Подобный вопрос, будучи задан, немедленно подсказывает, что необходимо сосредоточить усилия не на констатации фактов состояния атмосферы, а на управлении процессами, происходящими в ней. Именно с постановки такого вопроса любая наука переходит в практику и обретает истинную цель. С переходом в действие, направляемое этическим долгом, картина мира будет строиться не только на основании объективно существующих законов, но и на почве человеческих интересов. Именно в единстве науки и действия, обусловленных подлинной целью, — залог ликвидации трюизма $A=A$, ликвидации неопределенности, которую несет с собой «чистое» знание. Чисто человеческие цели диктует разум, если определить его как сочетание совести и интеллекта. Совесть ощущает противоречие между действительностью и должным, а интеллект позволяет осознать это противоречие на основе логики и научности, в совокупности они обладают способностью придать истинное значение долженствованию.

Характеризуя эту способность, Федоров выражает надежду на изменение самого склада научного мышления, стиля работы научного работника: «Так чистое мышление вводит в свою область начало активное, заимствованное из мира чувств, которое, в свою очередь, вступая в сферу чистого точного знания, отрещается от своего предшествующего произвола, а в мир знаний, в мир истины вносит элемент нравственный, желание и усилие заменить сущее должноствующим быть сообразно с высшими этическими требованиями, до которых науке бесчувственной нет дела»¹. Основной порок, присущий научному знанию, наиболее вооруженному логикой и инструментарием, и потому оказывающий большое влияние на развитие цивилизации, состоит в отсутствии единства рационального с высшим нравственным долгом. И критика Федорова направлена на выяснение гносеологических корней этого порока.

* * *

Наука не доросла еще до общечеловеческих запросов и не вышла еще, как говорит мыслитель, из своей «детской», т. е. из лаборатории.

Будучи вынужденными решать задачи, диктуемые разумом и этикой, науки сливаются в одну, и от каждой берется наиболее существенное содержание. Не представляя собой положительно-го знания в строгом смысле этого слова, этика тем не менее способствует объединению наук, т. е. становится организующим моментом, определяющим направленность знания.

В статье «Астрономия и архитектура»² Федоров предполагает, что в будущем все науки сольются в астрономии, а искусства —

в архитектуре. При этом изучение звезд мыслится не как оторванное от жизни обсерваторское знание, а как синтетическое знание и действие с целью освоения и заселения других миров; принципы миростроительства должна разрабатывать архитектура. С астрономией должна слиться, например, биология. Из науки, изучающей отдельные организмы, она обязана стать средством создания живых существ, способных жить на других планетах, осваивая тем самым соседние с Землей пространства.

Принципы должного особенно явственны в свете отношения мыслителя к дарвиновской теории. Он не отрицает ее бесспорных положений о наследственности, отборе, развитии органической жизни на Земле. Но она же подвергается весьма своеобразной критике за отсутствие общечеловеческой цели в исследованиях. В этом смысле эволюционная теория является типичной наукой: обосновывает терминологически интуитивные догадки, самоочевидность того, что человек состоит в родстве со всей остальной жизнью природы и тем самым изучает то, что есть. Федоровский этический императив поверяет теорию на весах практического применения и действия: «Вопрос о животном происхождении человека есть вопрос знания, любопытства, тогда как выход из животного состояния есть для человека не только нравственная, но и физическая необходимость. Какой практический смысл имеет признание родства человека с животными, если оно не обязывает человека даже щадить жизнь животных? Оно только углубляет пропасть между теорией и практикой, между умственным и нравственным состоянием человека, между словом и делом» (II, 264).

Самое твердое и бесспорное до поры до времени, что есть в науке, — это факты. Однако и они обречены оставаться навсегда омертвленным капиталом, бесполезным чаще всего грузом, если к ним не применяется принцип должного, не задан вопрос: «А должно ли так быть?» Вместе с постановкой вопроса автоматически возникает моральное сознание, включаются ценностные характеристики и факты поверяются нравственным отношением. Именно в таком случае объективные факты связываются воедино, берутся в совокупности, которое и есть единство цели.

И дело даже не в том, чтобы проверить разумом любой факт, добытый наукой. Интересы всеобщего блага требуют, чтобы сами они были вызваны из небытия к жизни работой морального сознания — настоящим ускорителем научного творчества. Так называемая чистая наука, добывающая связь и логику материальных объектов, исходя из них самих, в конце концов приобретает черты инстинктивной, не управляемой разумом жизни, в некоторой степени аналогом природы, развивающейся в соответствии с необходимостью, т. е. несвободной. Движение, развивающееся само собой, путем смены состояний, нельзя назвать прогрессом в науке.

Те достижения науки в XX веке, которые обычно называются для доказательства прогресса, обесцениваются негативными яв-

¹ Цит. по В. А. Кожевникову, с. 114—115.

² «Весы», 1904, № 1.

лениями. В целом результаты научных исследований оказались как полезными, так в такой же степени и вредными. Использование таких достижений, как ядерное оружие и другие бесчеловечные разработки, вообще поставило человечество на грань уничтожения. Открытия подобного рода есть следствие объективного разрыва между умственным и нравственным состоянием ученых, их субъективным стремлением к «чистой» науке, увлечением эстетической стороной теорий в ущерб этической обоснованности. Таким образом, изучение природы безотносительно кциальному приводит к непредсказуемости науки.

Рассуждения Федорова о соотношении науки и разума в полной мере справедливы для своего времени — поры расцвета так называемой классической науки. В наши дни, когда научное творчество становится непосредственной производительной силой, наука теряет постепенно характер «чистого» любопытства, «свободного» творчества, все больше организуется. Однако вряд ли кто-нибудь осмелится сказать, что ныне все научные исследования строятся на этической основе.

Будучи непредсказуемой, несмотря на все научные прогнозы, наука не способствует увеличению власти человека над природой и, в первую очередь, над своей собственной. В связи с этим Федоров говорит «о великой лжи нашего века, выражющейся в таких словах, как «наука страшно расширила власть человека над природой» или подобных этому словах. Не преувеличение только, а неслыханная гипербола назвать свое рабство так называемым законам, а в действительности силам природы «господством!.. Это страшное злоупотребление словом... и это было бы великим преступлением, если бы не было простодушием ученой тупости. В вопросе об отношении разумного существа к неразумной, бесчувственной силе природы человек или сын человеческий все даровое должен заменить трудовым; он должен быть работником, а не рабом и не господином»... (II, 279).

* * *

Выводы Федорова о конечной цели развития человеческого общества логически недоказуемы. При всей своей вере в науку будущего, соединенную с нравственным содержанием, он не стремится чисто научно, т. е. систематически и доказательно изложить свое учение. И потому эти конечные выводы слишком уязвимы для критики. Однако учение Федорова нельзя сбрасывать со счетов в истории человеческого познания. Как и другие пророчества и заблуждения, оно входит в духовный опыт нашего народа, является его нематериальным богатством.

Нетрудно с вершин нынешнего состояния знания опровергнуть вывод о бессмертии человека. В современной биологии доказано, что рождение, расцвет, увядание и смерть отдельного организма —

закономерный процесс. Если одноклеточные практически бессмертны, то необходимая гибель многоклеточного организма есть следствие специализации клеток (Морган). Столь же абсурдным может представиться некоторым современникам требование Федорова о возвращении жизни предшествующим поколениям.

Важно уяснить принципы, лежащие в основе такой сложной и необычной утопии. Известно, что социальные утопии прошлого, мечты людей о справедливом и совершенном устройстве общества ценные для нас не реальным содержанием и описанием будущего, а самим подходом к действительности. Они восхищают нас своим несогласием с наличным им обществом, неприятием социальных установок, учением о должном человечестве. Реальным оказалось как раз отношение Кампанеллы, Мора, Фурье и других мыслителей к назначению человеческого общества, само наличие их проектов.

Можно не принимать проекта Федорова, не разделять его мыслей о целях и задачах человечества, его нравственном долге перед прошлым и будущим. Но нельзя исключать из духовной сферы самого понятия цели и смысла человеческой жизни, нельзя забывать о великом вопросе «Зачем я, зачем мы?». В свое время Макс Штирнер в книге «Единственный и его достояние» объявил, что говорить о предназначении человечества все равно что считать имеющими какое-то высшее назначение кустарник или животное. С тех пор мнение это живет, облекаясь во все более звонкие и блестящие фразы. Однако дальше Штирнера оно не продвинулось. По-прежнему объявляются заведомо бесперспективными и лишенными смысла все такие поиски.

Так и с отношением к Федорову. Неконструктивно и расточительно называть его страстные и напряженные нравственные поиски утопическими и религиозными. Надо выявить в них нестареющее и рациональное содержание, а также зерном является как раз методологическая сторона его учения. Любая методология претендует на универсальность, стремится распространить свое влияние на смежные области познания. Не исключение и метод Федорова.

Должное, этический долг — и есть тот методологический принцип, выявленный Федоровым в процессе осмысливания взаимоотношений человеческого общества и природы, осмысливания долгого и трудного пути познания, которое он понимал как действенное отношение. А любое действие, совершаемое свободно, не по принудительной, «природной» необходимости, а в результате осмыслинного подхода, невозможно без нравственного усилия. Последнее же опирается на понятие о долге, о добре и зле, на «вечные» атрибуты человеческой морали. В любом таком нравственном усилии возникает отношение между сущим и должно, между идеалом и наличным бытием, между мечтой и действительностью. Совесть помогает каждому осознать, выявить и понять это противоречие. Будучи соединенной с интеллектом, она становится побудительной

силой мышления, движущей силой разрешения противоречия в сторону более совершенного будущего. Процесс вечен и не имеет завершения, потому что вслед за любым осуществлением идеала, на любом уровне развития действительности само понятие его уточняется, развивается и противоречиво возникает вновь и вновь.

Осознать этот вечный и великий процесс помогает и такое, на первый взгляд, далекое от жизни, утопическое учение, как деонтология Н. Ф. Федорова. Взяв от него наиболее ценное, нестареющее содержание — понятие о должном, — мы становимся духовно богаче. Глубокая и нестигаемая вера Федорова в науку, сплавленную с нравственным идеалом, пронизывает все его бескорыстное творчество. В дни, когда наука все более соединяется с практикой, а последняя приобретает черты научности, не могут не звучать актуально его слова: «Наука не должна быть чистым, бездушным знанием; она вместе со знанием есть действие, вызываемое любовью; только когда она переходит в действие, в ней сливаются в могучее целое и ум, и чувство, и воля; тогда только она становится выражением полноты объединенных сил и способностей, то есть всемогущею». (Цит. по В. А. Кожевникову, с. 117.)

Эти проблемы тесно взаимосвязаны и в известном смысле являются двумя сторонами одной медали.

К числу глобальных проблем следует отнести, прежде всего, предотвращение войны, устранение голода и нищеты, охрану окружающей среды, утверждение нового экономического порядка и, наконец, развитие международного сотрудничества в области науки и техники, культуры и просвещения. Сама научно-техническая революция, принявшая планетарные масштабы и породившая глобальные проблемы, в свою очередь является глобальной проблемой. Все чаще звучат предостережения о неминуемой гибели цивилизации, которую несет вышедший из-под контроля научно-технический прогресс. Об этом, в частности, пишут члены Римского клуба. Серьезные исследования экономических и социальных аспектов глобальных проблем проводит Вашингтонский институт всемирной вахты. Многие прогнозы и модели будущего исходят из необходимости изменения самой природы человека, с помощью так называемой направленной эволюции, неоевгеники, применения биогенетических методов, в частности, генной инженерии. Это создает тревожный психологический фон.

Рассмотрим натуралистические аспекты такой глобальной проблемы, как освоение космического пространства, в том разрезе, в каком они поставлены Н. Ф. Федоровым, наиболее значительным представителем русского космизма. В отличие от Циолковского и Вернадского, Федоров не только сформулировал идею космической регуляции природы как главную задачу объединенного человечества, но и соединил эту задачу с нравственным долгом живущих по отношению к умершим, с идеей «патрофикации» (или «ответствования») и личного бессмертия. В этом универсальность Федорова, которая позволяет считать его гениальным мыслителем.

Н. А. Бердяев справедливо писал: «В сознании Федорова совмещаются совершенно несовместимые, непримиримые начала: позитивизм XIX века, вера в безграничную силу науки и знания, в чудеса техники, управляющей слепыми силами природы, и христианство, вера в Христа Воскресшего, в Святую Троицу как образец родственной общественности. В нем живут две души — рационалистическая и мистическая, научная и религиозная, техническая и теургическая...»¹.

Эти, казалось бы, несоединимые начала совмещены в мировоззрении Федорова, причем совмещены стройно и последовательно, тем самым опровергая тезис об их «несовместимости». Этот синтез и порождает исключительную привлекательность федоровских идей, глубокую парадоксальность, безусловную самобытность и уникальность его интегрального учения. Синтез, в котором, на наш взгляд, органически соединены наука и религия, вера и знание, технология и христология.

¹ «Религия воскрешения». — «Русская мысль», 1915, № 7, с. 81.

РЕГУЛЯЦИЯ ПРИРОДЫ ПО Н. Ф. ФЕДОРОВУ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Никитин

Развитие цивилизации породило так называемые глобальные, то есть общемировые проблемы, решение которых не под силу отдельным государствам. Ныне эти проблемы таят угрозу для всего человечества, чреваты возможными кризисами и опасностью ядерного самоубийства.

Слово глобальный (от лат. *globus terrae* — земной шар) стало весьма популярным. С выходом человечества в космос оно увидело свою планету со стороны, отсюда и новое мировидение космической эры. Но даже с небольшой высоты самолета за широкими панорамами земных ландшафтов мы рискуем не увидеть людей, живущих на родимой земле, или увидеть их величиной с муравьев...

Глобальные проблемы — это следует сразу же оговорить — не должны заслонять проблем региональных, а также индивидуальных, личностных. Нам грозит не только опасность уничтожения человечества, но и не менее тревожная опасность дегуманизации человека. Как сказал поэт:

«Все прогрессы реакционны,
Если рушится человек!»

Андрей Вознесенский

Если сопоставить построения Федорова с достижениями и перспективами научно-технического развития, они не только поразительно дерзновенны, но и удивительно «телеологичны», целеполагающи, актуальны на сегодня, завтра и послезавтра. Федоров, безусловно, предвосхитил основные направления научно-технической революции! Но он является не только ее пророком, но и радикальным ее критиком, предостерегавшим от нежелательных последствий разрыва науки и этики. В этом контексте становится понятна критика Канта Федоровым за отрыв практического разума от теоретического. Диалектика Федорова вдохновляется пафосом стремления вновь, на новом витке спирали, сделать науку служанкой Откровения.

Замечательно, что еще в середине прошлого столетия Федоров утверждал: человечеству необходим выход в иное, космическое измерение, вслед за вознесшимся Христом: «Отказавшись от обладания небесным пространством, мы должны будем отказаться и от... нравственного существования человечества». Гнет природы, справедливо полагал Федоров, освобождение человечества от природной необходимости — более кардинальная проблема, чем гнет социальный. Что касается социально-экономических проблем, то они, по Федорову, являются проблемами изжившей себя цивилизации и не должны иметь места в будущем, где реализуется проект общего дела, овладения космосом, достижения физического бессмертия и воскрешения умерших. Космическое сознание всеединства должно стать, по мысли Федорова, новой моралью объединенного человечества.

Не так давно перед нами встала проблема джинна, вырвавшегося из ядерного реактора. Да, ядерный век требует нового мышления. Перед опасностью климатических катаклизмов и землетрясений человечество пока же беспомощно, как и в доисторический период, ибо до метеорической регуляции в масштабах планеты еще очень далеко. Между тем, Федоров поставил вопрос не только о планетарном гомеостазе (то есть устойчивом равновесии в противоположность энтропии), но и о звездном, «сидерическом», в масштабах вселенной!

Федоров был предельным оптимистом. Он верил не только в то, что научный прогресс, в развитии которого примут участие самые широкие народные массы, будет служить благу всего человечества, станет духовно осмысленным и целенаправленным. Он утверждал, что сама эволюция человеческого рода станет управляемой, а в конечном итоге, говоря словами апостола Павла, «последний враг истребится — смерть». Эта вера в безграничные возможности творческого духа человека, в безграничную мощь одухотворенной высшими идеалами науки современникам мыслителя казалась фантастикой и утопией.

Но оптимизм Федорова отнюдь не был наивным и радужным. Он ясно представлял те чудовищные опасности, которые грозят человечеству в условиях неправильно ориентированного, приняв-

шего отрицательный знак научно-технического развития (хотел сказать «прогресс», но в данном случае правильнее было бы выразиться — «ретресс»...). Являясь, безусловно, ревностным апологетом НТР, Федоров был весьма далек от всякой фетишизации науки (что ему иногда несправедливо приписывают); он призывал, прежде всего, к нравственному обновлению объединенного человечества, к «торжеству нравственного закона над физической необходимостью», как определял сам сущность философии общего дела. В письме к В. А. Кожевникову (январь 1899 г.) Федоров писал: «Что касается техники, превозносимой Вами, то я признаю ее существование и значение, но лишь как временное и переходное».

Пафос Федорова — в стремлении претворить мир, в котором много проявлений иррационального хаоса, в абсолютный космос, воплощающий в себе предельную гармонию. В этой связи интересно сравнить построения Федорова с некоторыми идеями Тейяра де Шардена. Чтобы прогресс человечества продолжался с возрастающей интенсивностью, «увлекая нас всех одновременно ввысь и вперед», необходимо, по Т. де Шардену, дополнить отталкивающий, отрицательный полюс смерти притягивающим, положительным — полюсом «сверхжизни», целеполагающим полюсом, к которому надо сознательно стремиться: «Это — полюс, способный пробудить и со временем удовлетворить все более и более два характерных требования разумной деятельности: требование необратимости процессов и требование полного единства» («Феномен Человека»). Этот полюс у Федорова — бессмертие, воскрешение, вечная жизнь.

Главное назначение человечества, его высшую миссию, его мессианское предназначение Федоров видел в том, чтобы, объединившись в общем деле, спасти вселенную от роста энтропии, хаоса и разрушения. К. Э. Циолковский, в отличие от Федорова, неставил судьбу мироздания в зависимость от сознательной деятельности человечества.

В своей космической философии Федоров исходил из глубокого убеждения в уникальности земного разума. При этом Федоров не противопоставлял человека природе, рассматривая их в неразрывном, онтологическом единстве: «Говорить о борьбе человека с природою, как о борьбе части с целым, — совершенная бессмыслица, ибо по отделении от целого части будет не целое и часть, а будет две части, малая и большая. Природа, начав сознавать себя, создает себе голову. Говорить о несоразмерности двух частей также бессмыслица. У природы нет разума, а у человека, то есть у разума, нет силы; это значит, что природе не достает полноты сознания, а разуму — полноты власти»¹.

¹ Из материалов к III тому «Философии общего дела». — Отд. РКП. ГБЛ, ф. 657).

Природа включает в себя как внешний космос (макрокосм), так и самого человека (микрокосм) с его животными инстинктами и областью подсознательного. Федоров подвергал критике приверженцев пантеизма и псевдоморалистов, отрицавших духовную природу человека. Для Федорова это — зоо-антропологическая мораль, в противоположность тео-антропологической или христианской морали. «... Весь вопрос, вся цель человеческого рода, — писал он, — состоит в соединении небесного, божественного с земным, человеческим, ибо земное без небесного есть скотское, а небесное без земного, телесного есть безжизненное, мертвое». Уже сам физический облик человека как бы указывает на высокую его миссию в космосе: «Само вертикальное положение человека есть уже противодействие падению. Все строения, воздвигнутые человеком, вся архитектура и скульптура суть выражения того же восстания, подъема мысленного и материального (аэростат)»¹.

Освоение космического пространства, по Федорову, не является самоцелью, оно неотделимо от главной задачи — патрофикации (ответворения) или воскрешения, от высшей нравственности — супраморализма, то есть морального долга живущих воскресить умерших, своих отцов и праотцов, которым мы обязаны жизнью, (в более узком понимании, освоение космоса — один из способов разрушения демографической проблемы). Следует обратить внимание на тот факт, что вместо слова «воскрешение» Федоров употребляет несколько раз термин «психо-физиологическое восстановление отцов и предков»², и это не случайная оговорка. Видный последователь Федорова А. К. Горский в своей работе «Н. Ф. Федоров и современность» (издана под псевдонимом А. Остромиров, вып. 3, Харбин, 1932) пишет: «Может быть, даже и самое слово воскрешение, прекрасное слово, захваченное мистиками — и вызывающее поэтому у нас невольное представление о каком-то чудотворном, магическом действии — следует на первых порах по крайней мере, заменить каким-либо другим термином: — говорить, например, о психофизиологическом восстановлении отцов и предков». Таким образом, А. К. Горский, как будто в духе самого Федорова, ставит знак равенства между чудотворным и магическим. В этой связи становится понятным, почему Федоров обличает магизм. Его отрицание магизма едва ли не равносильно отрицанию чудесного, сверхъестественного и вполне в духе последовательного позитивизма. И все же это отнюдь не позитивизм. Остановимся на некоторых конкретных идеях Федорова.

Изучение космоса, по Федорову, неотделимо от сохранения и воссоздания прошлого. В этом смысле его проекта о соединении обсерватории с музеем, проекта исключительно самобытного, представляющего большой научный интерес. Он органически связан с

¹ Философия общего дела. М., т. II, с. 252.

² Философия общего дела, т. I, с. 322.

другим проектом — о соединении школы, библиотеки и храма. Конвергенция науки и религии ставит и этот вопрос на повестку дня. Чтобы пояснить эту мысль, сделаем небольшое отступление.

Философы в течение веков пытались обосновать правомочность индукции как способа мышления, предвосхищающего будущее на основе прошлого опыта. Современная теория информации показывает, что это невозможно, так как нарушается закон, согласно которому в изолированной системе информация может уменьшаться либо оставаться постоянной, но не возрастать. Но если рассматривать человека не как изолированный гомеостаз, а как систему, имеющую выход в область запредельного, то картина меняется. Чтобы перейти в эту область, за границы замкнутой системы, человек должен, исходя из относительной (неполной и недостаточной) информации, действовать так, как будто он обладает информацией абсолютной (полней и достаточной), то есть проявлять веру. Без этой, хотя бы «щепотки» веры, по выражению Станислава Лема, биологическая эволюция была бы невозможна. «Многократно подтвержденная опытом, вера становится все более правдоподобной и таким образом превращается в знание» (Ст. Лем. «Сумма технологии»). Такое понимание очень близко Федорову, который не случайно еще в середине прошлого века апеллировал к ученым и неученым, верующим и неверующим.

Идеи космической регуляции и патрофикации Федорова некоторые исследователи считают утопией, космической утопией. Н. А. Бердяев называл ее «самой грандиозной и самой радикальной утопией», какую знает история человеческой мысли. Ортодоксальные богословы определяют утопизм как веру в возможность царства Божьего на земле. Не следует, однако, забывать, что методологически утопия является рабочей гипотезой; рассматриваемая в таком качестве, рабочая гипотеза Федорова оказывается исключительно плодотворной. Для ее обоснования Федоров создает весьма цельную теорию эволюции человечества, предлагает некий глобальный синтез религии и науки, политики и этики, искусства и технологий, разрабатывает грандиозный проект регуляции природы во вселенском масштабе.

Выступая пророком научно-технической революции и предтечей современной экологии, Федоров рассматривает земной шар как общее хозяйство человечества, призывает овладеть энергией Солнца, использовать ветры и дожди для вентиляции и ирригации земли, начать поиски принципиально новых источников энергии, овладеть орбитальным движением нашей планеты, то есть научиться управлять ее ходом. Вместе с тем Федоров предостерегает против хищнического отношения к природе, против неправильной ориентации науки. Ибо, подобно тому, как «вера без дел мертв», знание, оторванное от духовной основы, внутренне мертв, является блужданием вслепую и грозит катастрофами Хиросимы и Освенцима.

Для характеристики проективных идей Федорова, посвященных космической регуляции, важное значение имеют статьи, помещенные во II томе «Философии общего дела»:

1. Небесные науки как факт и как проект.
2. Будущее астрономии.
3. Падающие миры и противодействующее падению существо.
4. Об единстве метеорического и космического процессов.
5. Каразин как метеороург, а не метеоролог.

Естественнонаучные и натуралистические идеи Федорова неизменно связаны с его метафизикой и богословием, с его пониманием сущности религии и смысла истории. Глубокое уважение, даже благоговение к историческому наследию прошлого отличало Федорова от целого ряда утопистов. Астрономическую обсерваторию Федоров не отделял от музея, а музей для него являлся олицетворением соборной памяти человечества. Федоров представлял музей будущего как часть единого комплекса, включающего, кроме обсерватории, также храм-библиотеку и школу. Являясь средоточием памяти и знания, музей призван претворить их в действие: «Музей есть выражение памяти, общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц»¹.

Обсерватория, считал Федоров, есть такая же необходимая принадлежность музея, как внешние чувства и органы восприятия, необходимые каждому человеку. «Под обсерваторией, — писал он, — мы разумеем орган науки не отвлеченной, а астрономии физической, химической науки обо всем веществе, органическом и неорганическом, растительном, животном и человеческом, так что человечество (которое только в совокупности составит истинный музей) из обсерватории наблюдает всю вселенную с внешней стороны, а самого человека — со стороны антропологической. Обсерватория наблюдает мир, который, можно сказать, слит с памятью об умерших, о прошлом; прошедшее же составляет предмет истории»².

Действительно, благодаря мощным современным телескопам мы можем наблюдать звезды в таких космических далах, откуда свет идет до земли миллиарды лет! Это значит, что мы можем видеть свет угасших, мертвых звезд. Радиус изучаемой нами части вселенной, таким образом, стремительно возрастает.

Музей по отношению к обсерватории не просто архив. Федоров писал: «Для астрономической обсерватории нет прошедшего, как нет его и для движения солнечной системы, которое есть не прошедшее, а продолжающееся явление, открываемое по изменению положения звезд...»³. Соединение музея с обсерваторией — это, по Федорову, соединение памяти с разумом и, добавим, — с во-

¹ Сочинения. М., 1982, с. 596; цит. статья Федорова «Музей, его смысл и назначение».

² Сочинения. М., 1982, с. 581.

³ Там же, с. 582—583.

ображением; соединение столь тесное, что прошедшее, настоящее и предвосхищение будущего становятся нераздельны. Федоров находит яркий поэтический образ, говоря, что «смерть наблюдателей является только сменой часовых, устроющих регуляцию мира или, по крайней мере, открывающих путь к установлению управления миром» (с. 583). Воспитательное значение обсерватории как школы, указывал Федоров, требует, «чтобы праздное глазенье обратилось в обязательное наблюденье, чтобы небу было дано столько наблюдателей, сколько в нем звезд. // Платонизирующее христианство старалось мысль держать «горе», но, чтобы мысль не падала «долу», нужно глаза поднять к небу»¹.

Успешное осуществление общего дела, геокосмический труд землян, по Федорову, должен будет разрешить все противоречия, в которых запуталось человечество и, прежде всего, противоречия оторванной от практики теории. На этом поприще синтез школы и храма, музея и обсерватории создаст не только новый тип творчества, но и объединит эстетическое творчество и эстетическое восприятие. Музей и обсерватория станут, образно выражаясь, не только окном, но и ступеньками к распахнутой двери в космос:

«Зритель безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и правителем»².

Вспоминая выражение тургеневского героя — «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», — мы должны, следя Федорову, поправить: «и храм, и мастерская! Заповедь о заботливом и бережном отношении к окружающей среде, в которой заключены все современные экологические решения, дана человеку Богом одной из первых, еще в раю: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Бытие, I, 28).

И мастерскую, и храм природы — все мироздание человек призван хранить и созидать, не только чувствуя, но и сознавая над собой некий единый купол, преображаемый в новое небо над новой землей. Идею «восьмого дня творения», нового космического цикла творческой активности человечества, Н. А. Бердяев развивал под непосредственным влиянием Федорова. Эта идея, основополагающая для философии общего дела, может служить поистине неисчерпаемым источником вдохновения для будущего.

РУССКИЙ КОСМИЗМ ФЕДОРОВА И ЦИОЛКОВСКОГО: ПРОТИВОРЕЧИЯ И СХОДСТВО

Е. В. Прошечкин

Н. Ф. Федоров — первый мыслитель, для которого выход в космос является не просто весьма любопытным предприятием, но тем, без чего вся его система не может внутренне непротиворечиво

¹ Там же, с. 582.

² Философия общего дела, т. II, с. 253.

существовать, ведь для осуществления одной из основных идей его учения (воскрешения) «недостаточно одного изучения молекулярного строения частиц; но так как они рассеяны в пространстве солнечной системы, может быть, и других миров, их нужно еще и собрать; следовательно, вопрос о воскрешении есть теллуросолярный или даже теллурокосмический»¹. Без проникновения в космос человек еще не будет годным для осуществления проекта внесения разумного начала в слепую природу. Федоров, разумеется, не является предшественником К. Э. Циолковского в смысле разработки конкретных планов покорения космического пространства, его учение созвучно идеям Циолковского в смысле принципиальной возможности и необходимости выхода человечества за пределы Земли, и именно в этом аспекте можно рассматривать этих мыслителей в одном измерении.

Федоров, как и Циолковский, горячо ратовал за превращение человечества из пассивного объекта в деятельный субъект развития Вселенной. «Человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугой, экипажем нашего земного, неизвестно еще, какою силою приводимого в движение корабля — есть ли он фототермо- или электроход»². Оба мыслителя верили в безграничные способности развития человечества и человека. «Гистотерапия и органотерапия, которые служат не только обновлением, но и началом воссоздания своего организма... создадут организмы, способные к безграничному перемещению»³. «Человек примется за преобразование своего тела... Возможны существа, нисколько не страдающие от уничтожения внешнего давления... Такие организмы возможны на Луне и других планетах, не имеющих атмосфер, или имеющих их в очень разреженном состоянии... Представим себе совершенно изолированное особенное животное. В него не проникают ни газы, ни жидкости, ни др. вещества. Из него также они не могут и удалиться. Животное пронизывается только лучами солнца. Оно живет, мыслит, двигается, допустим даже, что не умирает... Оно живет только солнечными лучами, не изменяется в массе, но продолжает мыслить и жить как смертное или бессмертное существо. Колыбель таких существ, конечно, планета, подобная Земле, то есть с атмосферой и океанами из каких-либо газов и жидкостей. Но такое сформированное существо уже не может обитать в пустоте, в эфире, даже без тяжести, лишь бы была лучистая энергия»⁴. Сам организм человека, как мы видели выше, не является для обоих мыслителей верхом совершенства. Мало того, Циолковский в принципе разделяет и одно из самых смелых федоровских положений, то есть положение о достижении человеком физического бессмертия: «Если бессмертно земное че-

ловечество и бессмертен наш мирок в прозрачном сосуде, то почему не может быть бессмертно и единое существо в своей прозрачной оболочке! Природа или разум человека, со временем, могут этого достигнуть. Я уверен, что зрелые миры, вне Земли, давно уже дали таких существ: бессмертных, живущих солнечными лучами...»⁵.

Но вот в следующем вопросе, вопросе об отношении к смерти, философские воззрения Циолковского и Федорова существенно различаются. «Смерть есть одна из иллюзий слабого человеческого разума»⁶, — пишет Циолковский. Для него смерть фактически не существует и не существовала никогда, потому что для него основная единица вселенной — это не человеческая личность, как у Федорова, а атом, вещественная, материальная частица. Циолковский представлял вселенную единым материальным телом, буквально кишащим жизнью, причем в самых разнообразных и усложняющихся формах. «Вся вселенная полна жизни совершенных существ»⁷, по которой бесконечно путешествуют атомы, покинувшие распавшиеся смертные тела, атомы, которые и есть для Циолковского «примитивные Я»: «Где же истинное начало жизни? Где первобытный гражданин вселенной? Конечно, это атом... Смерть есть только разрушение союза. Граждане (атомы) после нее, вступают в другие союзы (рождение или воплощение) и, стало быть, продолжают сложную жизнь»⁸. Так как Циолковский не рассматривает смерть в ее обычном понимании, то понятно и отсутствие в его философии мотива воскрешения, столь важного в системе Федорова. Если для Федорова смерть человека представляет собою ужаснейшее явление действительности, то Циолковский в смертности человека не видит особой трагедии: «Приходишь невольно в восторг от ожидающего нас разнообразия во вселенной: возникновения существ, подобных нам, только совершенных, довольных, счастливых»⁹. Федоров склоняется к представлению об уникальности жизни и сознания на Земле (хотя и не отрицает в принципе возможности наличия разумной жизни во вселенной); человек при всем своем несовершенстве является вершиной достигнутой эволюции природы, в его системе все для человека и во имя его. Циолковский же исходит не из интересов личности, а из интересов бессмертных существ космоса — атомов, чтобы прежде всего они не страдали, а лишь наслаждались, находясь в мозгах высших существ вселенной.

Для Федорова главная задача человечества состоит во внесении разума во вселенную, без которого она слепа и неразумна; для Циолковского же сам космос фактически разумен и задача человечества состоит в том, чтобы подстроиться под всеобщую косми-

¹ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982, с. 421.

² Там же, с. 360—361.

³ Там же, с. 645.

⁴ Циолковский К. Э. Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение. Калуга, 1929, с. 17, 19, 20, 21.

⁵ Циолковский К. Э. Воля вселенной. Калуга, 1928, с. 5.

⁶ Там же, с. 7.

⁷ Циолковский К. Э. Научная этика. Калуга, 1930, с. 20.

⁸ Циолковский К. Э. Научная этика, с. 42.

⁹ Там же, с. 43.

ческую гармонию и разумность, ибо «космос породил не зло и заблуждение, а разум и счастье всего сущего»¹. Там, где Федоров видит хаос и разрушение («Природа есть совокупность падающих звезд (или миров), медленность падения коих принимается за устойчивость. Миропадение, таким образом, принимается за миродержание, мироразрушение — за мироздание!»²), там у Циолковского стабильность и порядок, ибо «вселенная всегда была и будет, в среднем, в том числе, в каком мы наблюдаем ее сейчас»³.

Познание законов вселенной и развитие в соответствии с ними — вот суть взаимоотношений космоса и человека, основа научной этики Циолковского. Познать для того, чтобы подчинить сами законы вселенной высочайшему нравственному чувству (бессмертию и воскрешению) — вот как трактует тот же вопрос Федоров. Строго говоря, слова Циолковского: «Космос породил не зло и заблуждение, а разум и счастье всего сущего» Федоров мог бы принять как за свои в том смысле, что само появление человека разумного было обусловлено эволюцией вселенной, что в разумности человека вселенная, природа обретают свое самосознание. Однако, если для Циолковского данное положение является основополагающим и заключительным моментом его философской системы, то для Федорова лишь отправным пунктом. В его системе от человека самосознание теперь необходимо распространить на весь материальный мир, на всю вселенную. Только в этом случае мироразрушение превратится в мироздание. В случае же, если порожденный космосом разум будет бездействовать и не восторжествует во всей вселенной, слепые, бездушные силы природы приведут к катастрофе и человечество, и сам космос.

Н. Ф. ФЕДОРОВ И КОСМОНАВТИКА

С. А. Герасютин

В «Философии общего дела» Н. Ф. Федоров говорит о закономерности выхода человечества в космическое пространство и его освоения. Этот процесс здесь является неотвратным и единственно возможным, занимает одно из важных мест в его проекте регуляции природы и всеобщего воскресения.

Каковы же причины, побудительные мотивы этого грандиозного движения за пределы своей колыбели? В чем необходимость такого шага?

Сейчас, когда прошло уже 30 лет с начала космической эры человечества, мы еще до конца не понимаем важности этого со-

бытия и даже возложенных на космонавтику функций. Что же такое космонавтика? В прошлом космос понимался как гармония мира, как структурно организованное и упорядоченное целое, а космонавтика, соответственно, — искусство плавания и сообщений в этом мире. В своих мечтах человечество давно стремилось в космос для слияния в этой гармонии, для творения. Однако сегодня известно, что это не соответствует реальности — там много хаотичного, несовершенного; процессы подчинены природно-стихийным силам, угрожающим человечеству катастрофами. Космонавтика на данном этапе развития представляет собой средство познания окружающего мира и освоения новой среды обитания, понимается прежде всего как полеты в космическом пространстве при помощи технических средств. Задачи космонавтики сводятся к идее экспансии и завоевания космоса человеком, достижению сиюминутных выгод и выражают чисто потребительское отношение.

Хотя в XIX веке не существовало такого термина, тем не менее Н. Ф. Федоров определил основные задачи космонавтики, наполнил это понятие смыслом и нравственно-эстетическим содержанием. Н. Ф. Федоров совершенно точно определил причины и главную миссию России в претворении грандиозного проекта: «... воспитанные широкими просторами суши и океана, потребуют себе необходимо выхода, иначе неизбежны перевороты и всякого рода нестроения, потрясения. Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига». Здесь все подчинено основной идее Н. Ф. Федорова — великому воскрешению всего человечества для творческого активно-эволюционного процесса. Главный стержень проекта — нравственный императив Вселенной, долга человечества перед ушедшими поколениями, этический подвиг преодоления смертного состояния всего сущего. Судьба Вселенной сейчас зависит от действий человека, она подвела его к такому моменту, когда возникает новый этап природной эволюции — активно преобразующей сознательно направленной эволюции, заключающейся не только в преодолении пространственной, ресурсной и энергетической ограниченности Земли, но и в регуляции стихийных природных сил. Н. Ф. Федоров говорит об этом: «Задача человека состоит в изменении всего природного, дарового в произведенное трудом, в трудное; небесное же пространство (распространение за пределы Земли) и требует именно радикальных изменений в этом роде».

Получается, согласно этому проекту, что земная цивилизация не будет зависеть от стихийных, слепых природных процессов, сумеет управлять ими, перейдя, таким образом, на новый уровень организованности и развития. Возможность поддержания антиэнтропии внутри сложной системы, какой будет являться новое состояние биосферы, называемое ионосферой, даст возможность бес-

¹ Циолковский К. Э. Воля вселенной, с. 5.

² Федоров Н. Ф. Философия общего дела, т. II, с. 253.

³ Циолковский К. Э. Воля вселенной, с. 6.

конечного совершенствования и усложнения мыслящей материи — человека. Пафос Н. Ф. Федорова — в неизбежности овладения законами природы, необходимости и закономерности этого процесса, заключен в его лозунге *Odium fati* (ненависть к року), в его призыве к овладению знанием: «Только регуляция естественного процесса, или слепой силы природы, есть истинное отношение разумного существа к неразумной силе; регуляция же, это значит обращение рождающей и умертвляющей силы в воссоздающую и оживляющую... У человека, как существа разумного, есть один только враг, это — слепая сила природы, но и этот враг лишь временный и станет другом вечным, когда между людьми не будет вражды, а будет соединение в познании и управлении ею, слепою силою природы, которая казнит за невежество...».

Для осуществления такого грандиозного проекта должны быть достигнуты человеком определенные предпосылки: обретение нового сознания (антропокосмический взгляд на вещи), нравственный закон для каждого, родовое единство — соборность, всеобщая память (собирание сведений о предках, истории природы — идея музея бесконечной памяти). В дальнейшем — синтез или объединение всех наук и искусств для поисков методов радикального продления жизни, то есть обретение бессмертия каждым индивидом и бесконечного существования человечества в пространстве-времени, объединение всего человечества с целью регуляции природных процессов и воскрешения всех умерших во плоти и разуме, но на новом уровне сознания и сохранением личности каждого.

Так как человечество после этого акта — акта воскрешения всех поколений — значительно возрастет по численности, а идея регуляции и творческой гармонии природы предполагает значительно большие пространственно-временные масштабы, то будет происходить заселение космоса сознательной жизнью: «Долг воскрешения требует такого открытия (пути в небесное пространство), ибо без обладания небесным пространством невозможно одновременное существование поколений...». Согласно нравственно-му императиву, одним из главных пороков современной цивилизации является разделение труда на умственный и физический; преодолев его, будущее человечество непременно обеспечит высокие созидательные и восстановительные функции.

Освоение космоса (одна из задач космонавтики по проекту Н. Ф. Федорова) еще необходимо по следующей причине: поиск рассеянного в мировом пространстве праха умерших для восстановления предков есть научная задача, имеющая созидательные и гуманистические цели: «Для воскрешения недостаточно одного изучения молекулярного строения частиц, но так как они рассеяны в пространстве Солнечной системы, может быть, и других миров, их нужно еще и собирать; следовательно, вопрос о воскрешении есть теллуро-солярный или даже теллуро-космический. Для науки, развивающейся в торгово-промышленном организме, для науки разложения и умерщвления (паразитирующей и потребительской),

такая задача недостижима, такая задача не может быть и целью подобной науки, если только наука не перерастет торгово-промышленного организма и не перейдет в иную среду, в среду, ... где она сделается уже наукой не разложения и умерщвления, но наукой сложения и восстановления...».

Судьба цивилизации зависит от правильно выбранного пути, который интуитивно ощущался на протяжении всего становления человечества, на трагичном пути обретения сознания, собирания знаний для будущего рывка во Вселенную: «... долг к отцам-предкам, воскрешения — как самая высшая и, безусловно, — всеобщая нравственность, естественная для разумных и чувствующих существ, от исполнения которой, то есть долга воскрешения, зависит судьба человеческого рода».

Необходимость и неизбежность такого шага — выхода в космическое пространство — и обосновал в своих трудах Н. Ф. Федоров. И сейчас от нашей воли, от нашего совершенства сознания зависит судьба цивилизации, судьба космоса — последнем ли мы по этому пути? Думаю, все предпосылки для оптимистического прогноза уже появились — человечество начинает объединяться в этом направлении, а будущее покажет, насколько пророчески звучат его слова.

НООТЕХНОЛОГИЯ

А. Г. Горбачев

Самой замечательной догадкой Н. Ф. Федорова, на мой взгляд, было предвидение необходимости направленного творчества в сторону онтологического совершенствования человека. Это предвидение со всей очевидностью подтверждается в наши дни, когда односторонняя ориентация человеческой цивилизации на промышленное, военное или даже просто социальное развитие вне связей с окружающей природой ведет ко все углубляющемуся мировому кризису.

Сегодня ответственность за увязывание национальных, общественно-политических и общечеловеческих интересов с интересами живой природы необыкновенно возросла. Повышение ответственности за общеродовое творчество связано с тем, что ошибки только одного творца чреваты непредсказуемыми последствиями для всего человечества. Проблема единства общечеловеческих интересов может быть решена только при выходе человека за свои биовидовые пределы и создании более совершенной, чем человек, формы разумной жизни.

Синтез опыта предыдущих поколений привел Н. Ф. Федорова к выводу о необходимости сознательной регуляции природы. В рамках современного учения о ноосфере эта регуляция может

быть названа технологией ноосферы или ноотехнологией. При этом под ноотехнологией понимается новый более совершенный этап в воспроизведстве и совершенствовании природы и человека. Так, если «физико-химическая» технология предназначена для управления процессами в неживой природе, а биотехнология — для управления в живой, то смыслом ноотехнологии, включающей все предыдущие технологии, является сознательная онтологическая эволюция самого человека. Ноотехнология подразделяется на:

— индивидуальную ноотехнологию — запоминание отдельным человеком своего состояния молодости и воспроизведение его по памяти;

— социальную ноотехнологию — распространение индивидуальной ноотехнологии средствами массовой информации.

Ноотехнология сделает детородное самовоспроизведение человека неперспективным и откроет путь к бессмертию, а, значит, и к непрерывной и все ускоряющейся эволюции Жизни и Разума. В основе ноотехнологии лежит онтологическая память, то есть память каждого человека о самом себе как о мироздании. Такая память включает физико-химическую, биологическую и общеродовую («ноологическую») составляющие.

Физико-химическая память — способность мира к самовоспроизведению на уровне атомно-молекулярных соединений.

Биологическая память — способность мира к самовоспроизведению на уровне органической жизни; основывается на генетическом кодировании информации о клеточных соединениях.

Общеродовая память — способность человеческого рода к самовоспроизведению на уровне нации и индивидуальной творческой личности; основывается на кодировании информации языковыми средствами самовыражения.

Физико-химическую и биологическую формы космической памяти можно условно назвать инстинктивной памятью, ибо она существует вне сознания человека и человеком не осознается; она дается человеку вместе с рождением как заложенная в его клеточную структуру самостоятельная программа. В то же время общеродовая память является сознательной, ибо хранится в сознании человека и приобретается Космосом только в бытность свою человеком. Таким образом, человек носит в себе всю информацию, собранную Космосом за долгие 20 миллиардов лет своего существования в атомно-молекулярной ипостаси, в Жизни и в Человеке: до своего появления в форме жизни — физико-химическая память, до рождения человеком — биологическая память, до становления личностью — общеродовая память, а затем появляется индивидуально-личная память.

Личная память создается информацией, воспринимаемой внешними и внутренними органами чувств. Внешние органы чувств, отражающие внешний мир, существуют как данность, а внутренние, отражающие внутренний мир, лишь как предполагаемая потенция. Развитием внутренних органов чувств занимаются йоги.

Их заслуга состоит в том, что физико-химическую и биологическую память о самих себе они из области «подсознательного» переносят в область «сознательного». Однако йоги фиксируют только отдельные физиологические, психологические и некоторые другие внутренние состояния человека, представляющие собой своего рода «состояние здоровья»; в круг решаемых ими вопросов не входит онтологическая эволюция.

Свою задачу я вижу в творческом развитии йоги, в сотворении из самого себя лаборатории активно-эволюционной мысли, то есть в сознательном овладении не только физиологической, но и генетической памятью. Осознание себя на клеточном, а затем и атомно-молекулярном уровнях позволит целенаправленно воспроизводить свою молодость и управлять развитием тела. Именно такую технологию онтологического совершенствования человека с выходом его за свои общеродовые пределы я и называю ноотехнологией.

Конкретных путей становления ноотехнологии бесконечное множество. Каждый человек, охватив своей творческой деятельностью все достижения человечества и применив эти знания для запоминания самого себя, даст свой собственный вариант ноотехнологии. Начать же хотелось бы с рассмотрения самых различных предпроектных вариантов общечеловеческого (наука, искусство, религия) обоснования необходимости перехода Космоса от этапа «человек» к более высокой ступени.

Ноотехнология есть овладение человеком знаниями о самом себе как о мироздании и о мироздании — как о самом себе. Программа ноотехнологии состоит в выходе за пределы любой программы, но не в выходе вообще, а только в сторону совершенствования. Критерий совершенствования — количество степеней свободы бытия. Чем больше степеней свободы, тем выше онтологический уровень Космоса (см. С. Лем. «Сумма технологий»). И если сегодня свобода человека ограничивается управлением эволюцией в пределах неживой природы, то завтра человек будет управлять эволюцией живой природы, органической и неорганической, как бы подтянув неживую природу до уровня Жизни (кибернетика). А самое главное — он отработает ноотехнологию производства более совершенных, чем человек, форм разумной жизни.

III. ФЕДОРОВ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ
РУССКОГО НАРОДА

«ОБЩЕЕ ДЕЛО» ФЕДОРОВА — НАСУЩНАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОСТИ

Е. Л. Тюрик

Изучение философского наследия Н. Ф. Федорова, мыслителя своеобразного и очень тонкого, можно сказать, еще только начинается. Нет пока общепринятой систематизации его идей в их логической взаимосвязи, а взгляды современников на нравственно-этическую сторону учения подчас диаметрально противоположны (см., например, «Критический анализ религиозно-философского учения Н. Ф. Федорова» В. П. Пазиловой, опубликованный в 1985 г.). Обычно центральными, «сквозными» для федоровских взглядов, считаются идеи преодоления смерти и «воскрешения отцов»; вокруг них и выстраивается сложная и многосвязная ткань всего учения. Подобный крен в онтологическую сторону позволяет критикам, в частности, упомянутой выше В. П. Пазиловой, прямо обвинять философско-этическую систему Федорова в утопизме и даже антигуманизме, поскольку, мол, «Проект» Федорова отрицает такую существенную человеческую черту, как любовь к детям, что с очевидностью выдает его как выхолощенную, бесчеловечную конструкцию». Имеется, однако, возможность «прочесть» учение Федорова несколько иначе, поставив во главу угла вопросы нравственности, преодоления «небратства» людей, народов и всей природы. На эту возможность указывает, собственно, и сам мыслитель: «Вопрос о небратстве, т. е. о разъединении, и о средствах восстановления родства... и вопрос об объединении сынов (братьства) для воскрешения отцов (полное и совершенное родство), конечно, тождественны между собою...» (90)¹. Как видим, проблему преодоления небратства, под которым подразумеваются «все юридико-экономические отношения, сословность и международная рознь» (63), Федоров ставит в один ряд с проблемой патрофикации (воскрешения отцов); более того, именно эта «Ненавистная раздельность мира и все проистекающие из нее бедствия и вынуждают нас, неученых т. е. тех, кои дело ставят выше мысли» (60), искать те конкретные задачи, ради решения которых человечество объединится, оставив все свои былые распри и сиюминутные по-

¹ Здесь и далее в скобках указываются страницы издания: Федоров Н. Ф. Сочинения, М., 1982.

буждения. Казалось бы, под словом «дело» следует понимать практику в общепринятом смысле, и тогда приведенная выше цитата дает нам пересказ формулы «бытие определяет сознание»; но мышлению Федорова характерна какая-то особенная «соборность» используемых им понятий, в которой анализ, синтез и целеполагание сливаются в единый комплекс, обеспечивающий осознание реальной временной последовательности и взаимосвязи всего сущего: «Пока ученые или философы будут оставаться со словием, до тех пор вопрос даже о нравственности, т. е. о деле, останется для них вопросом знания, а не действия, будет предметом только изучения, а не приложения и жизни, будет тем, что само собою делается, а не тем, что должно делать, и делать не в одиночку, а в совокупности» (89). Из приведенного чрезвычайно глубокого по мысли утверждения, полный анализ которого выходит за рамки данной статьи, обратим внимание на то, что Федоров подчеркивает взаимосвязь любой, даже чисто профессиональной, неродственности с нравственными проблемами, при этом нравственность и дело суть понятия, стоящие в одном ряду. Патрофикация есть конечная цель дела нравственного преобразования на пути преодоления небратства (причем, от себя добавим, одна из возможных целей, не исключающая наличия других, не менее достойных), но истинным движителем прогресса в понимании Федорова, его, можно сказать, вечной и всеобъемлющей целью является процесс гуманизации бытия: «... нравственность не только не ограничивается личностями, обществом, а должна распространяться на всю природу. Задача человека — морализовать все естественное, обратить слепую, невольную силу природы в орудие свободы» (433).

Приведенные рассуждения вскрывают всю нелепость обвинений Н. Ф. Федорова в антигуманизме его идей. Более того, впервые со всей определенностью высказанное им утверждение о наступлении эры гуманизации в развитии Вселенной, что и составляет суть современного космизма, дает и нам, и будущим поколениям реальную идеологическую и нравственную основу для общечеловеческих практических дел в нашем старом родном доме — планете Земля и в бескрайней Вселенной, на просторы которой мы еще только начинаем выходить. Идеи великого гуманизма — не утопия, а наиболее яркое пока осознание и обоснование основных тенденций мирового эволюционного процесса, участниками которого, хотим этого или нет, все мы и являемся. «Истинно нравственное существо, — писал Ф. Н. Федоров, — не нуждается в понуждении, в приказе, в настоянии; оно само сознает долг и раскрывает его во всей полноте» (60). Задолго до наступления эпохи атомного противостояния гениальный провидец предупреждал, что «... род человеческий, не объединенный для общего действия, останется орудием слепой силы, будет действовать инстинктивно».

Рефлексия может действовать на человеческий род только разрушительно, ничем не заменяя разрушенного» (89). Увы, осознать

всю глубину страшной опасности культивирования небратства в отношениях между народами, какими бы побуждениями оно ни оправдывалось — националистическими, экономическими или идеологическими, нам удалось, только пройдя через ужасы двух мировых войн и устав, наконец, от балансирования на грани всеобщего уничтожения в третьей. Наши далекие предки в долгих правовых муках создали для нас кодекс общепринятых теперь нравственных основ отношений между отдельными людьми в цивилизованном обществе, вырвав человечество из лап дикости варварства. Но, к сожалению, современные отношения между народами и государствами иначе, как средневековыми, назвать нельзя. О какой цивилизованности межгосударственных отношений можно сейчас говорить, когда нации вооружены до зубов, словно рыцари, собравшиеся в очередной разбойный набег; когда недоверие и подозрительность есть норма дипломатического этикета; когда до сих пор проповедуются национальная и идеологическая нетерпимость, экономическая экспансия и другие подобные им «законы леса».

Но вспомним, что средневековье пало под иатиском общения людей через торговлю, науку, искусство, литературу. Не нужно быть мудрецом, чтобы понять, что и современное межнациональное средневековье уйдет в небытие от тех же причин. Федоров предупреждал «что небратство коренится не в капризах, что словами его искоренить нельзя, что одно желание бессильно устранить причины небратства, для этого нужен совокупный труд, знания и действия, ибо такая упорная болезнь, имеющая корни вне и внутри человека, не излечивается в мгновение ока...» (63). И вот здесь очень современной, как это ни покажется на первый взгляд неожиданным, может оказаться как раз федоровская идея «воскрешения отцов», и не столько в ее онтологическом аспекте, сколько в духовном. Наши предки прошли тяжкий путь нравственного преображения в личностном плане, прошли успешно, и поэтому естественный сыновний долг должен, по крайней мере, выразиться в сохранении и выявлении непрерывной духовной связи в цепи ушедших и здравствующих поколений. Более того, исторический опыт предков, в котором было так много блестящих побед и трагических ошибок, несомненно поможет нам быстрее, без ненужных заблуждений и издержек выбрать путь решения наших современных проблем общественного бытия. И здесь свою весомую лепту должно внести всеобщее дело восстановления, изучения и пропаганды выдающихся литературных памятников давно ушедших эпох.

Н. Ф. Федоров очень высоко ставил идею создания всеобщего «музея», деятельность которого заключалась бы не только в хранении, сколько в «собирании и восстановлении» (596). По его убеждению, «музей есть первая научно-художественная попытка собирания или воспитания в единство, ... это призыв на службу отечеству, призыв всеобщий, всех без исключения» (599). Более того, «Сделать из исследования причин небратского состояния предмет

знания всего рода человеческого, из восстановления братства — задачу искусства — значит поставить истинную цель всей жизни». (598). Мыслитель-гуманист в деле изучения и восстановления памятников старины, духовного богатства, мудрости предков всемерно подчеркивал и важность воспитательной деятельности будущих поколений в духе общего дела, без чего оно так и останется утопической мечтой: «... тогда память была не хранилищем только, а и восстановлением, хотя и мнимым и только мысленным, конечно, но все же служившим действительной гарантией сохранения отечества, общего происхождения, братства» (579).

Конкретная работа в деле становления и пропаганды подобного музея на основе сохранившихся памятников древней литературы фактически уже ведется, правда, ограничена она большей частью рамками каждой отдельной нации; межнациональный обмен же осуществляется от случая к случаю и влияние его на процесс узнавания и сближения народов пока невелико. Из древнерусских эпических сказаний за рубежом известно, пожалуй, лишь одно произведение — «Плач о гибели полка Игорева, или о поражении землемельцев кочевниками» (217), как образно назвал Н. Ф. Федоров вершину древнерусской словесности «Слово о полку Игореве», 800-летие создания которого недавно отмечалось ЮНЕСКО. К сожалению, принятая до недавнего времени в нашей стране практика возвеличивания отдельных лиц охватила не только многие общественные институты, но и эпос. Как иначе объяснить тот факт, что изучению «Слова о полку Игореве» посвящены сотни и тысячи специальных исследований и переводов, хотя на Руси оно на многие столетия было предано забвению и случайно сохранилось к XVIII веку в единственном дошедшем до нас списке. Такие же широко известные и оказавшие значительное влияние на формирование нравственности русского народа (да и не только русского!) произведения, как «Сказание о Борисе и Глебе» (XI век); «Повесть о разорении Рязани Батыем» (XIII век), «Сказание о Мамаевом побоище» (XIV век) доступны в основном специалистам, основная же масса населения и, в первую очередь, молодежь не имеют о них практически никакого представления.

Но если быть объективным, то издержки исторического развития нашего общества есть только одна из причин явного перекоса в изучении национального наследия, перекоса, по представлениям Н. Ф. Федорова, совершенно недопустимого. Есть и другое, более серьезное и труднопреодолимое препятствие — существование стилистического барьера для восприятия древних текстов, мыслей, чувств и чаяний предков, их духовных пристрастий, их мудрости и поэтичности. Федоров прекрасно осознавал все эти трудности, что отразилось в его отношении к «зооморфической» теории Н. Я. Данилевского, в соответствии с которой различие между народами с течением времени становится непреодолимыми границами, как между враждебными видами животных. Если этот барьер сохранится, то сохранится барьер и для участия в общем деле

восстановления для современников духовного облика предков «ученых и неученых», их небратство будет и далее питать скользкость первых и невежество последних. Эпос насквозь поэтичен, и чтобы добиться его адекватного восприятия потомками, требуется, очевидно, кропотливая целенаправленная совместная работа исследователей, переводчиков и поэтов, организованная как в пределах одной страны, так и в международном масштабе. Только на этом пути можно обеспечить духовную преемственность и бессмертие поколений. Но «братьство и бессмертие могут быть результатом только труда» (597); с ним связаны значительные затраты, но окупятся они постепенным исчезновением накопившихся в истории человечества завалов непонимания, недоверия и вражды.

«ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕГО ДЕЛА» И «ПРОМЕТЕЙ»

П. В. Тулаев

«Знание без дела не разрешает вопроса о братстве, не ведет к спасению; только дело, основанное на знании, только знание, неразрывно связанные с делом и в нем выражаются, спасительны».

Н. Ф. Федоров

К «Философии общего дела» Николая Федорова относятся по-разному. Одни изучают ее академически как источник философско-религиозной мысли России конца XIX века. Другие объяляют ее «Новым заветом» и превозносят каждое слово пророка. Третьи — до недавнего времени их было большинство — зная о Федорове лишь понаслышке, игнорируют его как апологета мистики, христианства и политического консерватизма.

Объединение «Прометей»¹, которое мне доверили представить на чтениях мои товарищи, подходит к «Философии общего дела» творчески. Мы изучаем идеи Федорова, критически их анализируем, стремимся воплотить наиболее близкие нам по духу в жизнь. Поэтому в моем выступлении речь пойдет не только об идеях русского мыслителя, но также и о живом опыте, о практической попытке следовать принципам «Философии общего дела».

Судьба распорядилась таким образом, что на многие вопросы современности мы впервые нашли ответ именно у Федорова. Именно он дал нам тот качественно новый импульс, тот нравственный императив, ту новую веру, которая помогла нам создать наше творческое объединение. Теперь, когда мы оглядываемся назад, в на-

¹ О Московском творческом объединении «Прометей» см. «Клуб и художественная самодеятельность», 1988, № 1, с. 6—7 (ред.).

чало 1980-х годов, многое из собственного опыта кажется нам наивным. Федорова мы понимали довольно упрощенно, воспринимая лишь основные идеи: о необходимости единства разума и чувства, мысли и действия, о возрастающей роли духовного перед материальным, об уважении к предкам и долге новых поколений перед поколениями ушедших, о возможностях регуляции биологической структуры человека и всей природы, о путях борьбы со смертью и воскрешения отцов¹. Выраженные в самобытной, эмоциональной и поэтической форме мысли соотечественника глубоко запали нам в душу и стали семенем, которое уже не могло не прорости.

Мы основали домашний самообразовательный кружок «Диспут». Нам он казался отчасти практической реализацией федоровской идеи Музея как «Собора лиц, собирающих, изучающих и воскрешающих». Желание оживить в себе наших предков, воссоздать в своих умах духовные сокровища прошлого, наконец, творить нечто новое и совершение — стало движущей силой нашего союза. Наш кружок стал подготовительным этапом к созданию Московского творческого объединения «Прометей». Под влиянием федоровского призыва — «Odium fati!» — в опубликованной нами программе был сформулирован принцип противостояния Року и Смерти. Идеи Федорова, осмыслиенные на новом уровне, помогли наполнить деятельность нового творческого союза глубоким философским и нравственным содержанием.

Возникает законный вопрос: а что общего между Федоровым и Прометеем?

Уже первое приближение к пониманию древнегреческого мифа, возникшего за много веков до начала христианской эры, заставляет видеть в нем не просто сказку об «активном положительном герое» (стереотип современного политизированного сознания), а нечто большее. Прометей (производное от индоевропейского корня *te-dh*, *ten-dh* — «размышлять», «познавать») — сын титана Иапета, потомок Зевса, увидев страдания людей, прозябающих в незнании и немощи, дерзнул им помочь. Он дал им огонь, похищенный у Зевса, за что был наказан: прикован к одной из скал Кавказа и подвергнут мучительным пыткам. Этот основной сюжет предания, отраженный почти во всех художественных произведениях, посвященных Прометею, сам по себе полон поэзии и драматизма. Но главное достоинство мифа в том, что он несет в себе онтологический смысл. Тщательный, всесторонний анализ мифа, проделанный А. Ф. Лосевым, показал, что Прометей — это символ прогрессирующей человеческой цивилизации². Миф о Прометееве вместили в себя множество проблем, в том числе и те, с которыми мы сами сталкиваемся на каждом шагу. Прометей — это художе-

ственный образ самого человека, вставшего на путь Свободы и творчества. Вот в чем тайна мифа. Вот что привлекало к нему Эсхила, Гете, Шелли, Бетховена, Скрябина, Вячеслава Иванова и сделало Прометея всемирно известным и популярным.

Наше объединение продолжает традицию, понимающую под Прометеем символ всесторонней художественной деятельности человека: мы проводим семинары, круглые столы, тематические вечера, концерты, участвуем в фестивалях, выпускаем свой машинописный журнал — «Вестник Прометея» (к настоящему времени вышло два выпуска, третий — в стадии подготовки). Но не только это характеризует наш «Прометей». Кроме всего прочего, Московское творческое объединение отличается от других тем, что оно сознательно опирается на теорию практически жизненного символа.

Основы теории практически жизненного символа, включившей достижения мировой философии и традиции русского символизма, разработал А. Ф. Лосев. Фундаментальные ее положения таковы: символ есть смысл действительности, символ есть интерпретация действительности, символ есть сигнификация действительности и символ есть переделывание действительности. Стержнем теории является идея диалектического единства теории и практики, со звучная пафосу марксистско-ленинского подхода к действительности. Однако она сосредоточивает свое внимание не на экономических и социальных факторах жизни, а на сфере духа, на эстетическом, следя совершенно определенной культурной традиции¹. В этом смысле она ближе концепции Н. Ф. Федорова, для которого тезис о том, что «знание доказывается всеобщим делом», является аксиоматическим.

Вообще «идеология» (так Федоров называл преклонение перед мыслью, не переходящей в дело, перед знанием бесцельным, бездушным, бездельным) всегда казалось участникам нашего объединения самой опасной болезнью, подстерегающей современных интеллигентов. «Прометей» для нас — это не просто форма общения, это художественная идея в действии. Мы мыслим себя не только как союз единомышленников, но и как творческое объединение, как союз художников.

Что является объектом нашей деятельности? Вся жизнь! «Свободное творчество, художественное, разумно-прекрасное преображение жизни, ее космизация, противостояние злу и смерти во имя добра и жизни, стремление к возможно более совершенным формам бытия — вот что нас всех объединяет»². Нас объединяет то, что Н. Ф. Федоров называл «искусством действительности», «теургическим искусством», «всеобщим космическим творчеством», «внехрамовой литургией», «всеобщим синтезом».

¹ См. «Вестник Прометея», Вып. 2. М., 1988, с. 125—127.

² См. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976, с. 226—297, а также энциклопедию «Мифы народов мира». М., 1982, т. 2, с. 337—340.

¹ См.: Алексею Федоровичу Лосеву к 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983, с. 142—155.

² «Вестник Прометея», Вып. 2. М., 1988, с. 4.

Согласно автору «Философии общего дела», человечество вступает в такой этап исторического развития, когда каждый человек становится творцом, демиургом. Однако творчество и его цели можно понимать по-разному. Есть, скажем, такое понимание, когда продукт всякого труда, в том числе и художественного, превращается в товар, а само товарное производство — в подобие фабрики игрушек для взрослых. Есть такое понимание, когда творчество мыслится как воспроизведение драмы жизни. Оно широко известно через пошлый афоризм «Жизнь — это театр, театр — это жизнь». Понимают творчество и как муки становления отдельной личности, возмнившей себя пупом вселенной и пытающейся поставить свое «Я» выше всех и вся. Наконец, нам хорошо знакомы плоды такого творчества, которое ставит своей целью построение «земного рая», основанного на принципе: «Не дай, бог, другим иметь больше, чем имею я». Эстетика Федорова принципиально отличается от перечисленных подходов. Чтобы наглядно показать это, приведем для примера две его идеи: идею Музея и идею Храма.

Музей, по Федорову, это не здание, предназначенное для собирания вещей (предметов быта, книг, рукописей, фотографий, документов и пр.), а собор лиц, собор ученых и неученых. «Деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в *возвращении жизни останкам отжившего* (выделено мной — Т. П.), в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями»¹. «Всякий человек, — пишет Федоров, — носит в себе музей, носит его даже против собственного желания, как мертвый приданок, как труп, как угрызение совести; ибо хранение — закон коренной, предшествовавший человеку, действовавший еще до него»². Будущее русский философ видит как превращение всех людей в Музей — Собор, «когда собирание *сдается всеобщим*, «когда самосознание будет не просто исследованием, а изучением причин, препятствующих всем сделаться членами музея»³.

Символом вселенского Музея, объединяющего людей в деле воскрешения предков, является Храм. «Храм вообще есть подобие вселенной, значительно низшее своего оригинала в действительности, но несравненно высшее его по смыслу. Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной, в которой оживлено все то, что в оригинале умерщвлено, и где все оживленное стало сознанием и управлением существа, бывшего слепым. Храм, даже самый громадный, мал до ничтожества сравнительно со вселенной, им изображаемой; но в этом ничтожестве по величине смертное ограниченное существо силилось изобразить и даль, и глубь, и ширь, и высь необъятную, безграничную, чтобы

водворить в нем все, что в природе слепой являлось живым лишь на мгновение»¹. Храм — это интуитивная попытка человека воспроизвести в синтетической форме то, чего он не может достичь в реальной жизни. Фундамент Храма — это грешная земля, стены — путь на небо, а своды — обитель Господа, воскресившего и вернувшего к себе сына своего Иисуса Христа. Церковный хор — это скорбный плач людской, печалование об ушедших и чающих воскрешения. «Храм зовет все искусства к одухотворению, к оживлению, не к подобию живого и жившего, а к действительному воссозданию жизни (во всей ее полноте, красоте и силе)»².

Светская культура, понимаемая Федоровым как подготовительный класс школы воскрешения, Храм как плод объединения различных искусств, Музей — собор лиц воскрешающих, — суть этапы на пути к грандиозному синтезу, всеобщему объединению, «Супраморализму».

Идеи Федорова еще вчера казались многим фантастическими, экстравагантными, из ряда вон выходящими. Сегодня они представляются таковыми лишь тем, кто вообще ничего не читал и не слышал о всеискусстве Вагнера и Скрябина, о теории всеединства и теургии Вл. Соловьева, о концепции вечной жизни и масштабного переселения людей на другие планеты у Циолковского, о ноосфере Вернадского, о точке Омега у Тейяра де Шардена, о движении иммортилистов и космистов. Более того, все чаще люди самых различных профессий сами, собственным путем приходят к выводам, близким по духу «Философии общего дела».

Доказывая актуальность идей Н. Ф. Федорова, я, может быть, несколько преувеличиваю их влияние и связь с творчеством участников и друзей «Прометея». Конечно, на деле гораздо сложнее, чем на словах, воскрешать и воссоздавать прошедшее, творить новую жизнь и гармонию. Но разве «Диспут», благодаря которому мы изучили и основательно обсудили «Философию общего дела», не стал для нас первым шагом к пониманию смысла «искусства действительности»? Разве «Прометей», в программе которого сказано: «Мы по-прежнему будем стремиться к тому, чтобы наше объединение было не механическим общением случайных людей, а духовной общностью, где действуют принципы взаимовлияния, взаимосовершенствования и взаимовоспитания» — это не шаг к «теургическому искусству»? Разве семинары и творческие вечера, посвященные Ломоносову, Пушкину, Вернадскому (в которых, кстати, принимали участие и активисты семинара по изучению наследия Н. Ф. Федорова) — это не опыт воссоздания великих предков в наших умах и душах?

Один из наиболее серьезных упреков, которые мне приходится слышать в связи с деятельностью «Прометея», — это обвинение

¹ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982, с. 587.

² Там же, с. 578.

³ Там же, с. 578.

¹ Там же, с. 571.

² Там же, с. 574.

в сатанизме. В самом деле, если Прометей восстает против воли Зевса (читай — Бога), то кто он, если не Сатана (от древнеевр. *Satan* — «противник», «препятствующий», «противоречащий»)? Впрочем, не будем торопиться с выводами. Лучше обратимся за точным ответом к самому мифу.

Прометей из сострадания и любви помог людям. Он дал им огонь и научил ремеслам. Прометей пошел ради этого на хитрость (Гесиод называет его «хитроумным») — это правда. Но Прометей никому не причинил вреда. Где же здесь состав преступления? О полной невинности соперника Зевса очень хорошо сказал Шелли, автор одной из наиболее серьезных литературных обработок мифа. Его глубокое и, к сожалению, мало известное сравнение Прометея с Сатаной я бы хотел здесь привести полностью: «Говоря правду, — пишет Шелли, — я испытываю отвращение к такой слабой развязке, как примирение Поборника человечества с его Утеснителем. Моральный интерес вымысла, столь мощным образом поддерживаемый страданием и непреклонностью Прометея, исчез бы, если бы мы могли себе представить, что он отказался от своего гордого языка и робко преклонился перед торжествующим и коварным противником. Единственное создание, сколько-нибудь похожее на Прометея, это Сатана, и на мой взгляд, Прометей представляет из себя более поэтический характер, чем Сатана, так как, — не говоря уже о храбрости, величии и твердом сопротивлении всемогущей силе, — его можно представить себе лишенным тех недостатков честолюбия, зависти, мстительности и жажды возвеличивания, которые в Герое «Потерянного Рая» вступают во вражду с интересом. Характер Сатаны порождает в уме вредную казуистику, заставляющую сравнивать его ошибки с его несчастиями и извинять первые потому, что вторые превышают всякую меру. В умах тех, кто рассматривает этот величественный замысел с религиозным чувством, он порождает нечто еще худшее. Между тем Прометей является типом высшего нравственного и умственного совершенства, повинующимся самым чистым, бескорыстным побуждениям, которые ведут к самым прекрасным и самым благородным целям»¹.

Прометея трудно себе представить Сатаной еще и потому, что у него много общего с Иисусом Христом. Оба действующих лица всемирно-исторических мифов — учителя и спасители, оба становятся мучениками и оказываются распятыми. Христос, как и Прометей, воскресает и становится бессмертным. Прометей дает людям огонь — Христос излучает свет. Прометей символизирует собой огненную стихию — культ Христа связан с предшествовавшим ему культом Солнца иранского Митры и славянских Дажьбога и Хорса. Будучи принципом творческого становления человека и, со-

гласно неоплатоникам, умом, разумом, исходящим для разумного оформления космоса, Прометей связан с понятием «логос». Под влиянием древнегреческой мысли и Иисус Христос частью богословия понимался как проявление мирового Слова — «логоса». Даже в такой, казалось бы, специфически христианской идее, как Божественная Троица (неслияное и нераздельное единство Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа) мы находим параллели с греческим мифом. Прометея, несмотря на его вольный дух, многое связывает с Зевсом и Афиной. Вместе они образуют диалектическое триединство. Зевс, самодовлеющий объективный принцип жизни, является в конечном счете отцом Прометея. Афина, богиня равная Зевсу и рожденная из головы Зевса, будучи принципом разумного и прекрасного оформления космоса, символом порядка, мудрости и божественной красоты, покровительствует героизму Прометея. Сам же потомок Зевса и подопечный Афины есть ничто иное, как проявление практической стороны разумно-прекрасного творчества жизни, так сказать, «руки Афины». Эти и другие факты позволили раннехристианскому мыслителю Тертуллиану уже на рубеже II и III веков нашей эры говорить о Прометеях как о предтече Христа.

Обвинение Прометея в сатанизме выгодно тем, кто всякую свободу духа и творчества понимает как нарушение «божьей воли» и «божьего закона». И не закономерно ли, что нашлись люди, которые даже Н. Ф. Федорова обвинили в ереси, в пропаганде идей, несовместимых с христианской верой? «Словесно Федоров как будто в церковности и в православии, — писал об авторе «Философии общего дела» историк русского богословия Г. Флоровский. — Но это только условный исторический язык... Божественному действию он противопоставляет человеческое... Он благодати противопоставляет труд»².

Получается парадоксальная ситуация: теоретику «Супраморализма» и стороннику практического воскрешения предков оказываются ближе не догмы христианской церкви, а творческий дух Прометея!

Мы уже говорили о федоровской концепции «искусства действительности». Вся она пронизана духом свободного творчества. Федорову вообще чужда идея божественного пророчества, управляющего исторической судьбой человечества. Каждый человек для него — демиург, творец вселенной. Храмовая литургия понимается им лишь как символ внехрамового действия. Но ведь разумное творчество жизни, как мы тоже выяснили, это и есть главная функция действительности. Согласно ряду источников, Прометей не только дарит людям огонь и учит их творить: строить дома, корабли, заниматься ремеслами, носить одежды, считать, писать и

¹ Шелли П. Б. Освобожденный Прометей. Пер. К. Бальмонта. Полн. собр. соч., т. 2. СПб, 1904, с. 335.

² Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1938. — Цит. по: Федоров Н. Ф. Сочинения, с. 39.

читать. В союзе с Афиной он сам создает и первых людей — Девкалиона и Пирру. Вот как об этом пишет Овидий:

«И родился человек. Из сути божественной создан.
Был он вселенной творцом, зacinателем лучшего мира,
Иль молодая земля, разделенная горним эфиром,
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем, как склоняясь, остальные животные в землю
Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи»¹.

Эту же идею изображают скульптурные рельефы III века, сохранившиеся до нашего времени в Капитолийских и Ватиканских музеях в Риме².

О прометеевском духе «Философии общего дела» убедительно свидетельствует и идея имманентного воскрешения. Центральным пунктом, вершиной регуляции для Федорова становится императив «имманентного воскрешения» всех умерших на земле, добавляемый им к традиционному христианскому учению о трансцендентном воскресении, — пишет исследователь наследия Федорова С. Г. Семенова. — В христианстве воскресение трактуется пассивно: оно происходит в день Страшного суда, чудесною волей божией, как последний акт заданного сценария исторической драмы человечества. В «Философии общего дела» воскрешение мыслится как реальное дело объединенного человечества во всеоружии научного знания всего мира³.

Это же самое различие мы находим и в мифах о Промете и Иисусе Христе. Иисус воскресает на третий день, сверхъестественно, волей Отца своего. Прометей мучается распятым значительно дольше. Веками он висит, прикованный к скале у Черного моря. Хищный орел прилетает ночами клевать печень пленника. За день печень вырастает, но не уменьшаются муки Прометея. Душераздирающие стоны его слышат аргонавты, проплывая мимо скал в поисках Золотого руна. Они сочувствуют пострадавшему во имя людей. Да только ли они на стороне Прометея?

Нет, у того не сердце — камень,
Кто о тебе не плачет, Прометей!

У Эсхила о Промете плачут все народы: «Азии древней», «девы Колхиды», «неустанные в битвах плачут кочевники скифы», «цвет аравийских народов», «плачут и горцы Кавказа»⁴.

¹ Овидий. Метаморфозы, I, 78—87. Пер. С. Шервинского.

² Репродукции, см. в энциклопедии «Мифы народов мира», т. 2, с. 338—340.

³ Федоров Н. Ф. Сочинения, с. 31.

⁴ Эсхил. Скованный Прометей. Пер. Д. С. Мережковского. СПб, 1902, с. 15.

Но почему никто не поможет Прометею? Сколько веков он будет еще так мучиться в ненавистном плена у всемогущего Зевса? Неужели нет никакой надежды на спасение?

Нет, надежда есть! Та самая надежда, что осталась одна на дне захлопнувшегося ящика Пандоры. Освобождение грядет. Не надо только ждать его, как манны небесной. Оно придет не сверхъестественно, а благодаря титаническому подвигу народного героя. Вот весть, которую поведал Зевс в обмен на раскрытие тайны о конце своего господства: освобождение носителя божественной искры возможно только силой другого, еще более сильного огня, которым обладает его сын — Геракл.

Он обретет огонь сильней огня
Крониона, и гром — сильнее грома
небесного, которым раздробит
грозу морей, трезубец Посейдона.
И бог богов, привыкший к самовластью,
тогда поймет, что значит быть рабом!¹.

На этом можно было бы закончить теоретическое размышление о духовном родстве «Философии общего дела» и «Прометея». Но я как представитель творческого объединения в заключение хочу познакомить вас с музыкально-поэтическим опытом одного из моих сподвижников — Владимира Марченкова, прочитать его стихотворение «Мильоноглазый взгляд», которое включено в программу выступления «Прометея» на предстоящем Празднике славянской письменности и культуры:

Мне в спину сотни тысяч лет глядят
Глазами всех моих полузабытых предков.
Мильоноглазый и осмысленный их взгляд
Всего меня охватывает цепко.

Нет ничего живее этих глаз,
Нет ничего надежней их опоры.
В минуты слабости мне тягостна их власть —
Нет ничего тревожней их укора.

Но в дни моих кромешных будней,
Среди текущих бликов бытия
Я находил в них неподкупных судей
И зоркого поводыря.

И в дни моих беспомощных блужданий
По буреломам вековечной лжи
Сиял мне свет живого мирозданья
В глазах предшественников на пути.

¹ Там же, с. 40.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФЕДОРОВСКОГО ИДЕАЛА

О. М. Лукьянов

Бывают в человеческой судьбе пороговые моменты, когда у человека появляется тревожное ощущение неистинности образа жизни, который он ведет. В силу определенной психологической инерции он еще продолжает оправдывать себя тем, что многие так живут, что есть ошибки и просчеты, которые можно устраниить, не меняя образа жизни в целом. Но нет, чуткий индикатор — совесть, или у тех, кто попроще, инстинкт самосохранения, не дают покоя, исподволь размывая доводы ума, подталкивая к выводу, что неверен именно образ жизни и если не изменить его, то рано или поздно произойдет катастрофа. Возникает мучительная ситуация выбора — либо закрыть на все глаза и плыть по течению, надеясь на авось, либо произвести переоценку ценностей, поставить какие-то новые цели и начать жить по-новому.

В единичном находят отражение законы всеобщего. Пороговые ситуации со сходными симптомами случаются не только в жизни отдельных людей, но и человеческих сообществ. На языке чувств такие ситуации описываются шекспировским «какая-то в державе датской гниль», на языке науки понятием «энтропия». Разрываются традиционные положительные связи между людьми, размываются границы между добром и злом, растет хаос в материальной и духовной сферах.

Согласно одному из положений кибернетики, поглощение информации системой приводит к росту в ней энтропии, если при этом не производится упорядочение информации внутри системы. Любое человеческое сообщество с этой точки зрения можно интерпретировать как эволюционирующую систему, которая поглощает и упорядочивает информацию. Но упорядочение возможно лишь при наличии у системы некоторого главного руководящего принципа, который есть не что иное, как цель, ради которой она существует. Цель же тождественна понятию идеала, то есть не существующего пока в наличии совершенного состояния, к которому стремится эволюционирующая система. Отсюда следует, что рост энтропии в системе, если его не удается остановить испытанными, привычными средствами и он начинает носить прогрессирующий характер, свидетельствует о несоответствии ее главной целевой установки новому, более сложному состоянию, то есть говорит о девальвации идеала.

Можно привести сколько угодно примеров из истории, когда в период смут и брожений появлялась яркая личность, ставила новые цели, сплачивая вокруг себя единомышленников, и, спустя некоторое время, на месте старой, разложившейся системы возникла новая, способная к успешному саморазвитию.

Так две тысячи лет назад на окраине раздираемой жестокими противоречиями Римской империи зародилось христианство —

учение о воскресении мертвых, явленное миру одной из самых мощных и загадочных личностей человеческой истории Иисусом Христом. Языческому идеалу смертоносного и тленного царства земного был противопоставлен идеал Царства Небесного, идеал любви и вечной жизни. Этот новый идеал оказался настолько притягателен, а его проповедники настолько деятельны и самоотверженны, что в течение четырех последующих веков христианская вера сумела охватить собой множество разных, не похожих друг на друга народов. Успех христианского вероучения современная историческая наука чаще всего объясняет уныло-прагматично, причинами социальными, политическими и пр., оставляя при этом без должного внимания его психологическую, душевную основу. Между тем, она-то и имеет решающее значение в данном случае.

Человек — существо смертное, причем не только смертное, но и остро сознающее свою смертность, видящее жизнь как конечность. Никому из наших братьев меньших знание смертности не дано с такой беспощадной ясностью. Это — доминанта огромной силы в человеческой душе, с ранних лет травмирующая ее, определяющая ее дальнейшее формирование, поведение человека в жизни. Никогда, ни на одну минуту, человек не забывает о том, что он смертен, атеист он или верующий. Можно сказать, что и религиозное и атеистическое сознание в равной степени ориентированы на смерть, только одно сознательно, второе — бессознательно, выражаясь в соответствующем образе жизни. Евангелие поставило целью спасение целостной человеческой личности в ее полном телесно-духовном составе, а не только души или безличного духа. Это был огромный шаг в развитии религиозного идеала, позволивший значительно приглушить мучительную доминанту. Он отвечал сокровеннейшим личностным чаяниям души и потому-то обеспечил не только внешнюю, но, что гораздо важнее, внутреннюю победу христианства над языческими и мистическими верованиями.

Однако в процесс дальнейшего идеологического наступления церкви действие христианского идеала стало постепенно ослабляться и имело своим результатом эпоху Возрождения, которая, в свою очередь, положила начало гуманистической цивилизации. Христианство и гуманизм, эти две великие противоборствующие системы взглядов, оказали огромное воздействие на европейскую, а позже и на мировую историю, фактически определили нынешнее состояние мира. Чрезвычайно важно поэтому разобраться в глубинной природе их конфликта и выявить сильные и слабые стороны обеих систем.

Как известно, эпоха Возрождения явилась переломным моментом в христианской истории. В недрах католичества с его суровой идеологией противопоставления небесного земному, духовного плотскому стал зарождаться новый круг идей, связанный с именами первых итальянских гуманистов — Петrarки, Манетти, Поджо, Салютати и других мыслителей раннего Возрождения.

Смысл их творчества состоял в том, что они обратились к человеку, этому червю земному, по католическим понятиям, воспевая красоту его тела и души. То было лишь начало, нашедшее мощное продолжение в творениях Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, целого созвездия блистательных апостолов гуманизма. Новое движение захватило многие европейские страны и дало импульс для более крутого поворота в ходе истории — эпохе Проповеди. Просветители сделали главной целью своего творчества резкую переориентацию сознания с небес на землю. Философия, художественная литература, театр, музыка, живопись вовлекались в создание идеала человека прометеевского типа, активно познающего и подчиняющего себе мир. Гуманистический идеал оказался не менее притягателен, чем в свое время христианский. Он призывал к созданию рая на земле, противопоставляя его статичному и бесплотному идеалу христианского рая.

Гуманистическое мировоззрение во всем его охвате и многомерной сложности решительным образом повлияло на ход истории. Великие географические открытия, социальные революции, приведшие к образованию правовых государств, расцвет наук, искусства, литературы, становление капитала, а с ним и промышленного производства и, наконец, научно-техническая революция XX века — все эти и другие подобные события были вдохновлены идеалом самоутверждающегося человека, активного созидателя царства земного.

Мы, наследники гуманистических идей, переживаем сейчас уникальный исторический момент, не имеющий аналога в прошлом, когда человечество вследствие небывалого развития технологии и средств массовой информации превращается в единую систему, отдельные части которой уже не могут существовать автономно. На наших глазах формируется системная целостность — человечество. Ведущая роль в ней принадлежит странам, чей нынешний образ жизни сформировался под влиянием гуманистических идей, и теперь им заражаются народы Азии, Африки, Востока. Казалось бы, сбылись вдохновенные мечты гуманистических мыслителей, их идеал победил, и должна наступить «эра света». Увы, то, что творится сейчас на планете, никак не подходит под это определение. Цивилизация наша находится в крайне возбужденном, неуравновешенном состоянии, близком к опасному пределу. Можно назвать два самых общих глобальных процесса, которые, если их не остановить, приведут уже в недалеком будущем род человеческий либо к гибели, либо к вырождению. Это — разрушение культуры и разрушение природной среды. Они взаимосвязаны и в равной степени подрывают материальную и духовную основы человеческого существования. Девальвируются создавшиеся веками моральные ценности, такие, как порядочность, честь, милосердие, любовь к родине, культурируется потребительское, хищническое отношение к природе и в результате природа деградирует вместе с человеком. Причины кризиса западной культуры

еще до войны анализировал Альберт Швейцер. А теперь оба процесса стали грозной реальностью и для нашей страны.

Особый разговор об угрозе войны. За несколько лет второй мировой войны было уничтожено на фронтах и замучено в концлагерях несколько десятков миллионов людей. Это, может быть, и не означает, что люди стали более жестокими, чем раньше. Просто в их руках оказалась гораздо более мощная военная техника, а в головах соответствующие этические установки, не признающие во враге человека. И то и другое могло возникнуть только на путях гуманистической цивилизации. Когда-то одной из папских булл был запрещен арабалет, как антихристианское (теперь сказали бы «антигуманное») оружие; великий завоеватель Тимур Тамерлан приказал казнить изобретателя способа борьбы с боевыми слонами противника — доски, утыканной гвоздями. Ныне нравственным прогрессом считается запрещение оружия, способного уничтожить жизнь на целой планете. Этим гордятся, как большим достижением. Между тем, подобное оружие в условиях христианской цивилизации, видимо, не могло бы появиться...

Все эти события и факты заставляют думать, что наступила пороговая ситуация, но уже не просто в жизни отдельных народов, а человечества в целом.

Как же оценивают ее лидеры современного мира — философы, деятели культуры, ученые, политики, на которых с надеждой взирают народы? События последних лет, многочисленные выступления и статьи на эту тему, к сожалению, убеждают в том, что многие из них и на Западе, и у нас находятся во власти той самой психологической инерции, о которой говорилось выше. Считается, что образ жизни в принципе верен, что человечество идет по пути прогресса, что будущее за гуманистической цивилизацией, способной преодолеть кризис, возродиться и превратить землю в цветущий сад. Сам же кризис чаще всего объясняют системными, так сказать, неполадками, вызванными переходом человечества на качественно более высокий уровень — несовершенством экономических систем, идеологическими разногласиями, заставляющими вооружаться, недостаточной эффективностью прикладной науки, наконец, действием неких изначально злых сил — всякого рода врагов рода человеческого. Те, от кого зависит спасение планеты, в чьих руках власть, и, что еще важнее, творческая элита, способная управлять человеческими душами, еще не поняли, что время гуманистической цивилизации истекло на часах истории, и наступила историческая ситуация фундаментального выбора наподобие той, что привела в свое время к переходу от язычества к монотеизму и появлению христианства. Что человечество, по крайней мере в числе стран гуманистической ориентации, оказалось перед необходимостью переоценки ценностей и поиска нового пути.

Между тем существует точка зрения, позволяющая обнаружить корень всех нынешних бедствий и предложить этот новый путь.

Это точка зрения тех, кто достаточно глубоко проникся федоровским видением мира. Мысли, которые будут высказаны далее, неосредственно Н. Федорову в такой форме не принадлежат, но они вытекают из самой сущности его мировоззрения.

Одним из основных в федоровской системе взглядов является понятие о природном порядке существования, основанном на вытеснении, борьбе, смерти. Любое живое существо в системе природы является одновременно и едоком и чьей-нибудь едой. Это биологический факт, являющийся основой биогеоценоза, факт сугубо частный, относящийся к ведомству специальной науки и лишенный, как будто, общеначального значения. Но почему Федоров отводит ему такое исключительное место в своей философии, чего до него не делал ни один философ? А потому что Федоров прежде всего натуралист, эволюционист, а не метафизик, как иногда о нем ошибочно думают. Классические понятия философии Нового Времени — Бог, природа, человек — для него в раздельности не существуют. Коль скоро человек вышел из природы в процессе биологической эволюции, то природный порядок становится одним из ключей к пониманию его сущности. Ход рассуждений тут, в сущности, достаточно прост. Природный порядок сопряжен с телесными страданиями и страхами живых существ, ибо все живое обладает уникальной в материальном мире способностью чувствовать. Если ты не убьешь, то тебя убьют — такова доминанта природного закона. Поэтому естественно, что за миллионы лет эволюции этот закон выработал у животных необходимые для выживания инстинкты и эмоции, среди которых ведущее место принадлежит эгоизму, безжалостности, злобе, воле к господству и прочим подобным. Животным неизвестно чувство сострадания к слабому, а элементы внутренней «этики», наблюдавшей даже у хищников, носят бессознательный характер и порождены, надо полагать, естественным отбором в интересах сохранения вида. Это всего лишь формы проявления прочно закрепленного отбором инстинкта сохранения вида — не более того.

Человек как последнее звено в цепочке высших животных несет в себе тяжкий груз этих эмоций и инстинктов и других, более древних, более ужасных, идущих от эволюционно низших «предков» и проявляющихся в виде всякого рода физиологических или психических патологий, хорошо известных специалистам.

Человек воистину дитя природы, но дитя очень странное, ибо свет, горящий в нем, никак не объяснить, оставаясь в рамках одной только биологии. Биосфера человек был... не нужен. К такому вполне парадоксальному выводу подталкивает наше время невиданного покушения на природу. Поставлен как бы глобальный эксперимент, в ходе которого методом исключения определилась положительная ценность всех животных, вообще всех компонентов биосферы, кроме венца ее творения — человека. Ведь исчезновение любого вида животных или растений или сложившихся ландшафтов так или иначе отрицательно сказывается на состоянии

Земли в целом. Но исчезни вдруг с ее лица человек — планета облегченно вздохнет. Жестокий вывод вытекает из системной логики: человек для биосфера бесполезнее птицы, пчелы, червя, любой живой твари, выполняющей свою маленькую функцию в биогеоценозе. Не потому ли идеальным для природы был патриархальный человек, сливавшийся с ней, ничего ей не дававший, но хотя бы бравший в меру?

Трудно, однако, после драматических тысячелетий исторического процесса, величайших взлетов человеческого духа и ужасных падений согласиться с таким выводом, сочтя человека туниковой ветвью эволюции, как думают некоторые пессимисты — последователи дарвиновской концепции тахогенеза, то есть развития путем случайных мутаций. Скорее всего, в туник зашла научная мысль, руководимая ложной идеей, и самое время сейчас вооружиться истинной. Видимо, не случайно в современном научном сознании все больше утверждается незаслуженно забытая в свое время ровесница и антипод дарвинизма — теория направленной биологической эволюции, разработанная последовательно в трудах Дана, Тейяра, Л. Берга, Вернадского, Любищева и других ученых. Согласно этой оптимистичной, подтверждаемой многими научными фактами теории, человек представляет собой качественный скачок в эволюционном процессе цефализации, то есть направленного, идущего миллионы лет усложнения мозга и нервной системы живых существ. Отрицательное отношение к этой научной идеи объясняется видимо тем, что она имеет заметно выраженную теократическую окраску, что роднит ее с религиозной концепцией творения, чуждой духу гуманистической науки. И в самом деле, достаточно встать на позиции теории цефализации, как сам собой напрашивается вывод, что сознание, воля и творческий дар, которыми наделен человек, явились не как текущие потребители эволюции вроде крыльев, клыков или когтей, а по какой-то иной, гораздо более сложной причине. А это в свою очередь может означать, что человек не есть результат слепой эволюционной игры, а возник с какой-то далекой целью, которую невозможно обнаружить, исследуя природу лишь как данность, что его необычные и явно опасные для природы качества принесены издалека и носят только по видимости противоприродный, а по сути сверхприродный характер.

Но почему бы не допустить подобный сюжет в бытии великого Неизвестного, именуемого универсумом, тем более что он косвенно подтверждается по крайней мере двумя удивительнейшими способностями человека, которым, сколько ни ищи, не найти аналогов в животном царстве? Это способность к идеалотворчеству, к восприятию идеального и способность к нравственному переживанию насилия и смерти, вообще всего, что на человеческих языках определяется понятием «зла». Тем, кто хотел бы считать человека всего лишь высокоразвитым говорящим животным, следует поразмышлять над таким вопросом: почему упомянутые спо-

собности были бы не только бесполезны, но вредны и губительны для животного стада, в то время как утрата их в человеческом сообществе неизбежно приводит его к деградации и последующей гибели?

... Так или иначе, но наличие в человеке природной, животной основы и новых сверхприродных качеств сделало его существом дуалистическим и оттого особенно трагичным. Мы знаем, в чем состоит трагизм человека — в конфликте природного со сверхприродным. В процессе социальной эволюции сверхприродные качества породили особый уклад отношений между людьми — культуру. Очень точное функциональное определение этому, немыслимому в животном царстве феномену дал упомянутый выше Альберт Швейцер.

«Культура, — говорит он в своем труде «Культура и этика», — это материальный и духовный прогресс как индивидов, так и обществ, состоящий в смягчении борьбы за существование. Понятие, что задача эта, выполняемая культурой, противоречит природному порядку, основанному как раз на борьбе за существование».

Таким образом, уже на ранних ступенях исторического процесса возникло противоборство двух разных сил — сил культуры, духа и сил природных. Силы природного порядка стремились сделать из человека зверя, силы культуры в идеале — ангела. Противоборство этих двух сил лежит в основе социальной эволюции, порождая бесчисленное разнообразие исторических картин. Возьмите любую эпоху, исследуйте любой исторический эпизод, и вы обязательно обнаружите в них причудливое переплетение сил звериных и сил ангельских. Более того, и это еще важнее, заглянув в человеческие души, вы и там обнаружите борьбу разных групп сил. В тончайших нюансах она отражена в произведениях великих писателей от Гомера и греческих трагиков до Толстого и Достоевского.

Человек, таким образом, по изначальному устройству своей души есть звероангел, как собственно и понимали его наиболее глубокие мыслители. Разница между отдельными людьми, независимо от их расовой, национальной или религиозной принадлежности, состоит в том, что в одних больше звериного, животного, в других духовного, ангельского, и нет такой теории, которая могла бы точно объяснить, чем определяется в каждом конкретном случае это соотношение. Есть калигулы и гитлеры, и есть серафимы саровские; есть жесточайшие эгоисты, и есть благороднейшие альтруисты, а есть еще великое множество промежуточных психологических типов. Приведенный взгляд на человека не составляет открытия для гуманитария, но он до сих пор пренебрегается учеными-естественниками. Открытый гуманитарным опытом дуализм души они понимают всего лишь как метафору, удобное упрощение, а в своей исследовательской практике, о чём будет сказано даль-

ше, используют монистическую модель человека, глубоко ошибочную в самой своей основе.

Говоря о дуализме человеческой души, нельзя, разумеется, понимать его буквально, то есть как арифметическую сумму двух начал. Звериное и ангельское в человеке скорее подобны полюсам земного шара. Они далеко разнесены друг от друга и в то же время образуют некую сложнейшую цельность, именуемую душой. Именно арифметическое понимание человека как суммы земного и небесного, из которой можно и должно вырвать земное, определило жесткий характер католической идеологии и подготовило тем самым причество гуманистического мировоззрения. Идеалом европейского средневековья долгое время был монах, подвижник, победивший в себе греховную плоть. Но акт, который могли произвести над собой отдельные исключительные личности, возможно, эволюционно более совершенные, оказался неосуществим в отношении всего широкого спектра личностей. Невозможно представить себе всех людей на земле подвижниками или монахами, отрекшимися от всех чувственных радостей и целиком посвятивших себя Богу. Заметим, что в Евангелиях Христос нигде не проявляет в личном поведении такого радикализма. Он не гнушается простых, естественных чувств — радуется, плачет, негодует, ест, пьет вино на празднике в Галилее.

Гуманистическое мировоззрение, как это принято понимать, явилось реакцией на католическое насилие над человеком. Не случайно Возрождение началось в Италии — родине апостольской церкви. Но гуманизм в результате внесенных в него искажений впал в другую крайность. Особенно хорошо это видно, если сравнить начало и финал процесса. Первоначально в виде идей раннего Возрождения он как бы пророс сквозь христианство, оба идеала долгое время сосуществовали на равных в европейской культуре. Живое, деятельное отношение к жизни, умножение ее красоты и комфорта, развитие наук и искусств успешно совмещалось с верой в спасение души. XV—XIX века дают нам образы философов, художников, ученых, достаточно гармонично сочетавших в себе оба идеала.

Но в процессе эволюции гуманизма, уже в эпоху Просвещения, стало набирать силу радикальное направление, связанное с именами Гельвеция, Макиавелли, Ламетри, Диdro, Гольбаха, Спинозы, Вольтера и других мыслителей, вошедших в историю под названием вольнодумцев. Если католичество противопоставляло небесное земному, они впали в другую крайность — противопоставили земное небесному. Первые гуманисты прославляли благородство человека как творения Божия, освобождая его от католического унижения. В трудах радикально настроенных просветителей звучат совсем иные, резкие ноты, делаются недопустимо широкие обобщения, по сути своей снова принижающие человека. Диdro, например, считал себя любие важнейшим мотивом поведения людей, Гельвеций сводил все чувства к эгоистическому началу, а Лা-

метри утверждал, что человека отличает от животного лишь большее количество потребностей и большее количество ума. О разворачивающей социальной философии Макиавелли говорить уже не приходится: ее яды отравили не одно поколение политических и общественных деятелей.

Трудно просчитать влияние идей на ход реальной жизни, в которой действует множество взаимосвязанных процессов, но, видимо, оно все-таки велико. Так или иначе, но деформация первоначального гуманистического идеала есть факт, непреложный в европейской истории. В сфере социальной она породила фигуру безжалостного капиталиста-эксплуататора, хищного банкира, неразборчивого в средствах политики, в сфере науки — ученого, для которого природа, выражаясь базаровским определением, не храм, а мастерская, а, точнее, бездушная машина, в которой он имеет право копаться, удовлетворяя свое тщеславие. Персонажами подобного рода полна европейская литература XIX века. Наиболее опасным этот человеческий тип оказался для науки, ибо ей суждено было стать силой, не только преобразующей планету, но и формирующей сознание. Вот, например, красочное его описание, данное Гофманом в его «Маленьком Цахесе»:

«Перестань, — воскликнул Валтазар, — прошу тебя, перестань! Манера этого профессора говорить о природе разрывает мне душу... Вернее, речи его наводят на меня такой ужас, словно передо мной сумасшедший, который в своем фатовском безумии вообразил себя королем-властелином... Его так называемые эксперименты кажутся мне гнусной насмешкой над божеством, чье дыхание, ощущаемое нами в природе, будит самые глубокие и самые священные порывы в сокровенейших глубинах нашей души. Меня часто так и подымает разбить его склянки и колбы, раскидать все его причиндалы, но я понимаю, что эта обезьяна все равно не перестанет играть с огнем, пока не обожжет себе лапы...».

В работах многих современных ученых настойчиво внушается мысль, что человек не имеет ничего такого, чего хотя бы в зачатке были лишены животные. Сознание, ум, совесть, язык, этика — все это есть и у животных, а способность человека к идеалотворчеству, на которую, как на аномалию, обращали внимание еще мудрецы древности, как будто и не замечается. А ведь именно она является основой формирования любой культуры, красноречиво свидетельствуя о дуализме человеческой природы. Любопытно, что такой яркий представитель монистического понимания человека, как Фрейд, автор инстинктивистской социальной теории, не сумел объяснить глубинных причин, заставляющих людей образовывать объединения, именуемые культурами. «Процесс культуры, — пишет он, — является делом эроса, который стремится объединить отдельных индивидов, затем семьи, затем племена, расы и нации в один большой союз — в человечество. Потому это должно быть так, мы не знаем (курсив мой — О. Л.) ... Сама по себе одна

необходимость и преимущества совместного труда не могут удержать людей вместе. Природный инстинкт агрессивности, заложенный в человеке, враждебность каждого против всех и всех против каждого противоречат программе цивилизации...» (З. Фрейд).

Новое усекновение человека неизбежно должно было привести мировоззрение гуманизма к новому кризису, который достиг апогея в нашем XX веке.

Картина получается приблизительно такая. Появившийся отнюдь не случайно, не в результате слепой игры природных сил, а имея какое-то высшее назначение в мироздании, человек вместе с сознанием и волей приобрел колоссальные, скорее всего потенциально беспредельные творческие способности. Религиозные эпохи не давали им широко выплеснуться во внешний мир, ограничивая сферой творчества идеала, то есть религиозным творчеством. Гуманистическая цивилизация высвободила их для активного преобразования мира, но не поставила при этом перед человеком высшей цели деятельности, которая могла бы явиться тем принципом упорядочения, который необходим для плавного развития любой самоорганизующейся системы, а человеческое общество в значительной степени, хотя и не полностью, именно такая система. Человека обоготворили, объявили самоцелью. Принцип служения высшему долгу был заменен принципом самовыражения, а раз так, то право на выражение получила и низшая его природа. Творчество расплескалось вширь, во все стороны, порождая в науке опасные, как бы не ко времени пришедшие открытия, а в сфере культуры — духовный ширпотреб: массовую культуру, не облагораживающую, а опошляющую человеческую душу. В среде ученых и деятелей культуры широко распространилась мелочная, торгащеская мораль, освобождающая автора от ответственности за отрицательные духовные и материальные последствия своей деятельности. Возникла ситуация, когда, по определению Маркса, культура, вышедшая из берегов, становится разрушительной силой. Так были изобретены жуткие средства убийства людей, появилась порнографическая литература, философские системы, пропагандирующие отчуждение людей друг от друга, культ сильной личности и прочие формы воспитания звериных качеств, — всей этой духовной отравы в избытке дала западная цивилизация XIX—XX веков. В итоге — две разрушительнейшие мировые войны и угроза третьей. Явилась миру воистину сатанинская фигура человекобога, обуянного жаждой самоутверждения. Самое же главное — у людей стала чахнуть способность к идеалотворчеству, к восприятию идеального. В умах восторжествовал мещанский идеал будущего механизированного мира комфорта и наслаждений.

Под воздействием извращенной гуманистической доминанты находится пока меньшая часть человечества, но именно она своей безудержной деятельностью во имя этого идеала породила экологический кризис, привела к разрушению извечных духовных ценностей. Что же произойдет, если и остальные три четверти насе-

ления планеты проявят такого же рода активность? Ответ ясен — будет катастрофа. Биосфера, при всем огромном запасе ее прочности, не в состоянии выдержать деятельности шести миллиардов разбушевавшихся человекобогов. Многие ныне надеются на спасающую силу науки: закончится де всемирная компьютеризация, и проблемы начнут решаться автоматически. Сомнительны эти надежды. Как мы уже знаем, в силу утраты многими современными учеными нравственных целевых установок на каждую бочку научного меда приходится такая же бочка с дегтем. Да, может быть и удастся с помощью сверхумных машин найти способ восстановить озоновую броню вокруг Земли или создать универсальную безотходную технологию. Создать, а потом погибнуть от какого-нибудь смертоносного вируса, нечаянно вырвавшегося из секретной лаборатории.

Таким образом, само течение событий подталкивает нас к выводу, что настало время фундаментального социального выбора — по крайней мере для тех стран, чьи исторические судьбы связаны с европейской гуманистической цивилизацией. Либо продолжать жить дальше под знаком гордого, самоутверждающегося человека и в конце концов погибнуть или, в лучшем случае, уйти с арены истории, либо поискать какой-либо другой идеал.

Пока эта мысль маячит лишь в отдельных головах и еще не стала достоянием общественного сознания. Пока еще ищутся способы спасения на прежних, уже проверенных и не выдержавших испытания временем путях. Можно, например, создать всемирное общество унифицированных человекоединиц, послужных централизованной руководящей воле, наподобие изображенного в фантастическом романе Е. Замятиня «Мы», или превратить человечество в стадо «добродушных идиотов, греющихся на солнце», каким его изобразил в своих мрачных пророчествах о будущем Эрнест Ренан. Оба варианта по видимости совсем разные, внутренне одинаковы и являются собой антитезу апостольскому «духа не угашайте!» УстраниТЬ драму человека погашением в нем Духа, превратить в домашнее животное — вот их суть. Убогие и в конечном счете неосуществимые решения, ибо противоречат главному вектору эволюции!

Необходимо все-таки понять, что биологическая эволюция имеет направленность от низших форм к высшим, и не случайно на определенном ее этапе появилось дуалистическое существо — человек, корнями своим связанные с природой, землей, а духом рвущееся к небесам. Религиозное сознание чутко уловило этот дуализм, но поняло его метафизически, то есть как извечную, от Бога данную разорванность, устраниемую только со смертью. Гуманистическая же наука, отрекшаяся от религиозного опыта, не дала развития идеи. Даже такой проницательный ум, как В. И. Вернадский, высоко ценивший опыт религиозных эпох, оставил без внимания его главное открытие.

Между тем возможно вполне научное объяснение человека, как существа временно дуалистического, своего рода амфибии, появившейся в результате эволюционного скачка и принадлежащей сразу двум средам — видимой и невидимой (но чувствуемой). Отсюда и трагизм человеческого существования и жажды благороднейших душ преодолеть его. Ведь скачок в развитии всегда вызывает нарушение равновесия, дисгармонию, на устранение которой требуется время.

В соответствии со своей двойной сущностью человек имеет и две несводимых друг к другу группы потребностей — низшие, биологические потребности, унаследованные от природы и необходимые для выживания, и высшие — потребности Цели. Конфликт между ними просто неизбежен, как неизбежен он между двумя людьми — животного и духовного типа, вынужденных волей обстоятельств жить вместе. Как неоднократно уже показывала история и индивидуальный опыт, этот конфликт нельзя разрешить путем насилистенного подавления одного из начал.

Необходимо, следовательно, создать идеал, который бы соответствовал дуалистической сущности человека. Этот идеал должен быть страшно далеким, вынесенным за все мыслимые исторические эпохи, чтобы он мог создавать постоянную, неослабевающую тягу движения. А для этого он должен быть чрезвычайно трудно осуществимым. Он должен быть эмоционально притягательным, значит обещать не просто человеку, а каждому человеку разрешение мучительной антиномии в далеком будущем. Он должен быть при этом не отчетливо ясным, как скульптура, но окутанным ореолом тайны. Средства и пути его достижения должны содержать момент неопределенности, чтобы исключить возможность появления в будущем всякого рода спрямителей — душе и вождем с их тупыми и жестокими методами муштры и маршировки. Путь к нему будет тогда напоминать течение реки с излучинами, порогами, плесами и прочими неожиданностями, то есть предоставит простор для социального творчества. Он должен умировать обезумевшую ныне человеческую душу и в то же время наполнить ее энергией действия. Он должен покончить с нынешним моральным релятивизмом, определив, хотя бы в самых общих чертах, что есть добро и что есть зло, иначе будет невозможно построение этики, а с ней и культуры. Он должен, наконец, иметь хорошую родословную, а не быть безродным высокочкой, продуктом какого-нибудь самонадеянного ума.

Сколько бы мы ни искали в сокровищнице человеческого духа, мы не найдем в ней этого идеала в готовом виде, а обнаружим лишь отдельные его части. Такой идеал мог появиться только в поздний час истории после многих ошибок, неудач, кровавых социальных потрясений. Остается сказать, что нашел его наш великий соотечественник Николай Федорович Федоров. Это монистический идеал Богочеловечества Воскрешающего, то есть человече-

ства, которое через познание и труд преодолеет трагический разрыв и в награду обретет божественный статус Воскресителей.

Нетрудно заметить принципиальную разницу между гуманистическим идеалом человекобога и Богочеловечеством (на нее впервые указала русская религиозная философия конца XIX — начала XX веков). Первый носит сугубо декларативный, утопический характер, объявляя богом эволюционно несовершенное существо. Второй предполагает трудный и долгий путь восхождения к божественной полноте. Первый толкает человека на все новые опасные авантюры и в пределе приводит к величайшему восстанию на природу с неизбежным погублением восставшего. Второй призывает к преображению природы, то есть к более полному и совершенному раскрытию идеи Жизни.

Сейчас психологически очень трудное время для принятия федоровского идеала. Угасание способности к чувствованию идеального, роботизация мышления атрофировали фантазию у многих людей, не говоря уже о сугубо метафизическом чувстве Цели. Последнее в лучшем случае ограничивается рамками современных религиозных ортодоксий, но не служит делу объединения верующих, а порождает бесконечные разногласия и споры. Основной массе «цивилизованных» людей надо сейчас скрупулезно и нудно доказывать то, что должно бы сразу схватываться сердцем. Между тем, строго научно доказать федоровский идеал невозможно в силу самого условия его неопределенности.

Ну как, в самом деле, можно доказать, что через многие тысячелетия человечество, обретшее к тому времени божественный статус, сумеет вернуть к новой, преображенной жизни тех, от кого к тому времени не останется даже частицы праха? В это пока можно только верить, но верить не слепо, а в союзе с разумом. И есть на то достаточные основания. История явила уже бесчисленное число доказательств огромных творческих способностей человека и фантастичности мира, породившего его. Мир это не равнодушная машина из материальных частиц, подчиненных неизвестно ком учрежденному реестру законов. Это не бессмысленная игротека и, тем более, не свиток, который уныло разворачивает перед своими очами Всевышний. Мир — это Тайна, а там, где есть Тайна, есть и надежда.

Трудно, почти невозможно для многих принять федоровский идеал, не прибегая к вере, но даже сейчас, в наш атеистический век, после всех чудовищных социальных потрясений, бессмысленной гибели миллионов людей, растлевающего действия пессимистических учений, разве вера истреблена окончательно из человеческих душ? Разве не верят люди в спасение от бедствий? Если продолжают рожать детей, значит верят, несмотря ни на что.

Да, строго научно доказать федоровский идеал невозможно, но зато вполне можно доказать, что ориентация на него избавит род человеческий от состояния хаоса, в котором он сейчас находится и откроет путь в достойное будущее. Будущее, где будет

свобода без разгула гнусных страстей, дисциплина без полицейского насилия, интернационал без утраты народами национальной самобытности, экономика без бездушного расчета. Будущее, в котором нет, не скоро, исчезнут страдания и смерть, но исчезнут бессмысленные страдания и бессмысленная смерть, в котором люди будут верить в жизнь после смерти как в чудесную возможность, осуществление которой зависит от них самих.

РУССКИЙ ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД И УЧЕНИЕ Н. Ф. ФЕДОРОВА

А. Г. Гачева

Существует множество описаний русского похоронного обряда. Смысловая сторона его подробно разобрана в трудах фольклористов. Мы же попытаемся осмыслить тот пласт обряда, быть может, для нашего сознания, обыденного и поверхностного, уже затуманенный, который связан с идеей воскрешения. Обыкновенно при анализе обряда не делается акцента на воскресительном импульсе, лежащем в основе многих ритуальных действий. Связано это с тем, что кульп предков, частью которого является погребение, понимается только как комплекс представлений о загробном мире, населенном душами предков (они влияют на судьбу живых, требуют поклонения, оберегают род, обеспечивают урожай), и ритуалов, вызванных необходимостью обеспечить душе спокойное существование в «умершей могилушке». Федоров же прямо связывает кульп предков во всех его проявлениях: начиная с похорон, поминовений, погребальных и надмогильных плачей, со всевозможных магических действий и до быличек о посещении мертвцами родного дома, до самых разнообразных примет, оберегов и т. д., — с идеей воскрешения, а погребальный обряд — с актом воскрешения. «Кульп предков или мертвых, — писал Федоров, — состоит в представлении их живыми или, вернее, в оживлении их через сыновников никогда неумирающим Отцом всех»¹.

Кульп предков для Николая Федоровича вовсе не был только системой представлений, оберегов, мнимых, ритуальных лишь действий. Первочеловек, считал он, в кульпте предков утверждал свое противостояние слепой природной силе, действующей в мире и выражавшей себя в болезни, ненастьи и смерти. За ритуалом стоит действие. Кульп предков был именно делом, а погребение — попыткою возвращения жизни. Более того, посредством культа предков человек и формировался именно как человек; по Федорову, он зачинается с удивления и печали, вызванных первой смертью, с осоз-

¹ Федоров Н. Ф. Философия общего дела, т. I, 1906, с. 47. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках после цитаты, первая цифра указывает том, вторая — страницу.

знания себя смертным, с ужаса перед недвижным и безгласным телом, со скорби и протesta, поднявшего его от земли к небу, вытянувшего его в порыве к бесконечности. Сознание смертности и первая попытка воскресить, вернуть ушедшего были импульсом деятельности прозревшего, обратившегося лицом к мирозданию существа. Мысль человеческая пробудилась первой смертью, и первая мысль была о смертности и о нужде воскресения («сознавая и называя себя ограниченным, конечным, временным, кратковременным, слабым, зависимым, случайным, не необходимым, человек, очевидно, думал и говорил только о смертности, определяя и уяснял себе смертность»¹), а «действие, происходящее из сознания смертности, есть стремление к бессмертию; а так как о смертности человек узнает по утратам, то и стремление к бессмертию есть стремление к воскрешению» (Соч., 510).

Из культа предков, как из зародыша, развиваются, согласно мысли философа, все науки и искусства: астрономия как созерцание свода небесного, куда ушли души умерших отцов; география как выражение стремления найти страну мертвых²; история как синодик, поминальная летопись; пение, музыка и лирическая поэзия как плач по мертвым; архитектура, создающая гробницы и надгробные памятники, живопись и скульптура, восстанавливющие облик умершего на бумаге, холсте, в дереве или камне («мимое воскрешение») и т. д. Культ предков, таким образом, лежит в основе всей человеческой культуры, а погребальный обряд выделяет из себя различные искусства. Но само это разделение, отрыв плача, пляски, изображения от похоронного обряда, превращение их в самостоятельные и самодовлеющие искусства, формирование «чистой науки» и философии, которая обратила «определение смертного существа в отвлеченные категории, говорящие только уму, но не действующие ни на сердце, ни на волю» (Соч., 509), переживается Федоровым как величайшая беда и ошибка человечества, вставшего на ложный путь самости, самоутверждения, воскрешения лишь мнимого, заменившего дело отвлеченной мыслью, умозрением и ритуалом³. Ведь части эти, будучи оторваны уже от обряда, дававшего им и смысл, и цель превратились в опору началу эгоистическому, в опору все увеличивающейся розни, а попытка воскрешения, окончившись неудачей, превратилась лишь в предмет отвлеченного философствования. А потому и сам погребальный

¹ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., Мысль, 1982, с. 508—509. В дальнейшем ссылки на это издание даны в скобках после цитаты.

² Поиски страны умерших отцов — мотив, часто встречающийся в мифологии и фольклоре; представления о стране, острове мертвых с весьма подробными описаниями жизни на нем умерших, с рассказами о путешествиях туда живых содержатся и в греческой, и в римской, и в ассирио-аввилонской, и в скандинавской мифологии.

³ Особенно восставал Федоров против понимания христианства лишь как ритуала. Христианство для него — призыв к делу, а потому литургия, отвечая собственному своему наименованию, должна действительно стать «общим делом», воскрешением действительным, а не мнимым.

обряд перестал мыслиться реальным воскрешением, приобрел совсем иной смысл: смысл проводов на «жизнь вековечную», и стал нужен скорее живым, а впоследствии превратился даже в досадную необходимость (вспомним высказывания Федорова о западных кладбищах, где, по его мнению, налицо желание приукрасить смерть, «набелить-нарумянить» ее, поглубже зарыть-замуровать покойника и забыть поскорее).

Федоров настойчиво противопоставляет ритуал (мнимое) действию, делу (действительному). Ритуал возникает как следствие невозможности реально повелевать и управлять мирозданием, подчинять стихии его своей власти. Человек, который по природе своей обладает активным отношением к миру, будучи не в силах еще (по слабости, немощи и конечности) воздействовать на него, изобретает ритуал, целый комплекс магических действий, с помощью которых он как бы руководит вселенной (а высшим проявлением этого руководства является именно воскрешение). Попытка действительного управления становится магией, игрой. И постепенно, по мере развития человеческих обществ, разрыва города и села, господства отвлеченностии и спекулятивности во всех сферах жизни, первоначальный воскресительный импульс утрачивается. В результате, коренным образом меняется смысл человеческой культуры (от погребальной к светской), истории (от восприятия ее как труда по возвращению жизни к коллекции войн, имеющих целью уничтожение жизни), знания (от практического к отвлеченному, от нравственного к безнравственному, свободному от «предрассудков», утратившему критерий добра и зла). Человек ориентирован уже не на прошлое, а на настоящее, либо на отвлеченное будущее, стремление вернуть погибшее, преодолеть смерть сменяется жаждой самоутверждения в кратком человеческом времени при неколебимой уверенности в неизбежности конца. Пафос мысли Федорова — в превращении ритуала в дело, игры и сказки — в реальность, храмовой литургии в литургию внехрамовую, имеющую своим концом воскрешение. Потому так важно философу открыть в начале человечества этот активный, созидательный, воскресительный порыв, стремление воссоздавать утраченное. Все многочисленные определения человека (*homo sapiens*, *homo faber*, *homo ludens* и т. д.) сменяются у Федорова «человеком погребающим», а следовательно, в силу первоначального смысла погребения, «человеком воскрещающим», воскресителем: «А если таков именно смысл погребения, — если оно уже попытка воскрешения, то вышеприведенное выражение, которым человеку приписывается как отличительная черта его то, что он погребает, будет иметь несравненно обширнейший смысл, чем выражение — «смертный» — оно будет значить воскреситель, потому что, кто погребает, тот, следовательно, оживляет, воскрешает» (I, 138).

Для Федорова необычайно был ценен взгляд «неученых», их, пусть наивное и даже детское, отношение к миру. В них видел он живое чувство утраты, сознание принадлежности своей целому ро-

ду, вечную обращенность вспять, к земле, хранящей прах ушедших, особую родственную ей близость. Именно этим должны они оплодотворить городскую цивилизацию, мертвое городское знание. И особенно важно для него было народное представление о смерти, плачи и ритуалы похоронного обряда, в которых живет незабытое и несмируемое чувство скорби и странной, робкой надежды.

* * *

Описывая похоронный обряд в том его виде, в каком сохранился он к нашему времени, попытаемся увидеть, как, несмотря на переосмысление тех или иных его элементов, несмотря на время, социальные, политические и прочие перемены, все же просвечивает в нем древнее, начальное представление о смерти, прислушаемся к слову современных сельских жителей, к их представлениям о душе, смерти и мире ином¹. Причем, при выяснении сохранности тех или иных моментов обряда представляется важным понять не столько объективные ее причины (ибо, как будет показано в дальнейшем, часто исчезают уже условия для выполнения того или иного действия, верования, объясняющие его, забываются, а само оно остается), сколько психические, которые проистекают из убеждения в особой священности каждого ритуала: «Так положено, по христианскому, вроде, обычаю»².

Погребальный обряд в широком его понимании дает некую концепцию смерти и посмертной судьбы, и человеческое сердце бережно сохраняет и пестует ее. Драгоценное ядро этой концепции — представление о смерти как неокончательной. Вера в какое-то, пусть непонятное, даже неполноценное, но существование за гробом и сейчас таится в народной душе. Именно из нее проистекает особая насыщенность притчаний обращениями к умершему, типа:

Куда ты собралась-срядилася?
Не к заутрене, не к обеденке,
А собралась-срядилася
На жизнь вековечную, —

сетованиями на то, как тяжело ему будет там жить, вопрошаниями:

Хоть бы рассказала она нам,
Как было ей труднехонько;
Как было ей тяжелехонько!

¹ Анализ построен на материале экспедиций в русские села Поволжья, в том числе в Куйбышевский р-н Татарской АССР; привлечены записи рассказов исполнителей об обряде, тексты притчаний, быличек и т. д., наблюдения собирателей над обрядами похорон и поминок.

² Этот консерватизм похоронного обряда чрезвычайно ценен. В текущести мира, стремящегося «вперед и выше, все вперед и выше», забывающего прошлые дела, вещи, представления, судьбы, стремление сохранить, сберечь от забвения самое сокровенное, обратить время вспять, пусть и в рамках ритуала, удерживает человека в его человечности.

Любящее и тоскующее сердце мучится непониманием страшного таинства смерти, бьется над загадкой загробного существования. И отсюда возникают и в плачах, и в быличках попытки «распросить» покойника о том, как ему живется, отчего он умер. В быличках они обычно связаны со сном, который разворачивает самую глубину подсознания:

«Ко мне раз пришел мужик, дядя Николай. Во сне это, правда. За скобу взялся, дальше ни шагу. Я говорю:

— Как ты там живешь?

А он вздохнул так глубоко:

— Живешь! Никакой там жизни нет.

— А чего там есть?

— Мослы. И мослы сгниют. В чем положили, в том же не придешь».

Одна женщина настойчиво умоляла умершую мать рассказать, отчего та умерла: «Она на меня поглядела и говорит:

— Дура ты чокнутая! Не спрашивай больше ничего.

Я говорю:

— Слушай, как ты живешь?

— Я живу очень хорошо, доченька, но больно нам жить-то тесно. Видать, на кладбище тесно»...

Федоров неоднократно писал об уязвимости этого «представления мертвых живыми», ослабляющего стремление к воскрешению, но в то же время видел, насколько оно важно и серьезно, ибо свидетельствует о том, что человек по природе своей в «ничто» поверить не может, ибо, не ставя непреодолимой черты между живущими и умершими, связывает все поколения рода человеческого одной вечной, нескончаемой нитью, ибо дает сознанию «нечленных» надежду на возвращение жизни. И сам философ, опираясь на это народное представление о смерти, подчеркивал, что все умершие, как бы давно они ни умерли, лишь клинически мертвые, и смириться с реальностью их смерти можно лишь тогда, когда все средства к возвращению жизни будут испробованы и окажутся бесполезными.

С сохранностью веры в «жизнь после жизни» связана и глубокая убежденность в том, что могила не пуста, что это своеобразный дом, где живет покойник. Там, в могилках, согреваемых теплом матери-земли, живут своей, одному Богу ведомой жизнью дорогие умершие. Сами причеты на могилах, обращения к стихиям с просьбой воскресить умершего, вызывания к самому усопшему — подняться, встать, обнять тоскующих родных, очень конкретные, прямо-таки «материальные» описания радостного мига воскресения:

Ты раздай-кось, мать сыра земля,
Ты открайся, гробова доска,
Расхлестнитесь, руки белые,
Встань, проснись, родима матушка, —

указывают на это совершенно особое отношение к умершим, не исчезнувшим, растворившимся в потоке времени, а бродящим, где — неведомо, или ждущим в тесном «домовище» светлой встречи с близкими.

Городские кладбища с тяжелыми монументами, которые словно раздавливают маленький холмик, несовместимы с этим народным понятием о смерти и смысле похорон. Говорят: «пусть земля будет ему пухом» и наваливают сверху громадную каменную глыбу! «Для городского человека, — отмечал Федоров, — могила пуста, положенное в ней скоро из нее уходит, воспринимаемое или как бы увлекаемое течением мировой жизни». Собственно, теперь самый обычай кремирования в городах (обычай, дикий для жителя деревни, и отнюдь не потому, что он не понимает его необходимости из-за «некхватки места для кладбищ»), уничтожения того, что еще не уничтожено тлением, является следствием утраты нравственной, человечной веры в то, что со смертью все не кончается. Напротив, маленькое, тихое деревенское кладбище: простые кресты, затерянные в зелени, полевые цветы на земле, от которой, кажется, исходит тепло многих, давно ушедших жизней — несет в себе идею памяти и веры в невечность смерти.

«Идея древних, — писал Николай Федорович, сравнивая эти два погребения, — была совершенно отлична от этой мысли (о том, что могила пуста. — А. Г.) или, лучше сказать, совершенно ей противоположна: для них — гробница была обитаемым домом, там жил покойник, хотя и жил по-своему, так, как могут жить только после смерти. Это понятие, всеобщее в то время, делало обязательную при постройке гробницы совершенно иную программу, чем та, которую должен руководствоваться архитектор при постройке гробницы согласно с современными требованиями, имеющими в виду не покойника, а живых, на удивление и память которым только и строится памятник» (II, 235—236).

Федоров не раз останавливался на этом переосмыслении похоронного обряда горожанами, при котором погребение скорее нужно живым для хоть небольшого успокоения их нравственного чувства. Народный же похоронный обряд, сохраняющий свою древнюю структуру, обращен прежде всего к умершему. Он и сейчас понимается как своеобразные проводы его в иной мир, снаряжение в путь-дорожку, «на жизнь вековечную» (а не на пламя крематория). И потому нацелен на то, чтобы облегчить душе тягостный переход в мир предков, помочь ей вынести ужас посмертных мятежей.

С этим, глубоко запрятанным в человеческом сердце стремлением активно воздействовать на таинство смерти и посмертную судьбу умершего, связан целый комплекс ритуальных действий, сохраняющихся в обряде и теперь. Особенно — обычай петь молитвы, о необходимости которого наши исполнители говорили с необычайной убежденностью. И когда в одном селе на похороны не

нашли читалку, сознание какого-то важного неисполненного долга и чувство вины перед умершим охватило всех (и молодых, но особенно старух). Скорбно качали головами старушки и, словно оправдываясь, говорили: «Не читал над ним никто. Некому. Я вот пою, но много не знам».

Очень ценно для объяснения смысла, который вкладывается в обычай постоянно петь молитвы, пока покойник в доме, и в обязанность молиться за его душу круглый год мудре высказывание Л. П. Вилковой (1906 г. рожд., с. Подываново): «Говорят, если плачет много, вроде, змей летят. Не змей это, а душа, и вроде как ласкает. А это ониплачут и приваживают. Не плакать надо, а молиться, он же мертвый, слезы не помогут». Молитва спасительна, так как сама по себе она уже некоторое активное усилие сердца, направленное на спасение души умершего: «только молитвами можно душу его спасти», тогда как слезы — пассивны и лишь лишают ее покоя (недаром так живуче поверье, что слезы в гроб ронять нельзя).

В стремлении охранить от ужасов — набрасывают саван: «Говорят, душа пойдет к Богу, будет видеть много страданий — покроется саваном»; а чтобы поддержать ее в одиноком скитальчестве по земле («сорок ден душа по всем заставушкам ходит, маётся») и укрепить перед судом Божиим («на девять, двадцать и сорок ден душа к престолу Божьему подходит») устраивают поминки именно в эти дни, подают милостыню, зажигают лампадку на божнице (сорок дней горит).

Вера в то, что душа умершего сорок дней кружит круг двора в тоске разлуки и является живым — одно из фундаментальных представлений о смерти, с которым связан ряд действий, призванных помочь ей перенести эту разлуку: оставляют на подоконнике, реже — на божнице, стакан с водой (обязательно на магическое число дней), а также ломоть хлеба и ложку: «на божницу водичку, свечку и маленький кусочек хлеба кладут, как будто душа ходит, и вода для нее. А потом воду выливают под угол, где божница, а кусочек хлеба — птицам небесным». Очень распространен обычай милостыньки: **потайной**, оставляемой на углу поминального стола под скатертью (ложка и кусок «неженки»¹); **милостыни** старушкам в дни поминовений и просто милостыни, подаваемой, когда умерший приходит к живым (обычно во сне) с просьбой о чем-то: «А я об маме подавала исключительно все: сахар, соль, печенье. Вещи ее, табуретки, носки, стол отдала людям. Прошлый раз сон такой: идет издалека мать моя и говорит: «Я иду к Самаевым, у меня соли нет». А еще юбку просила. И меня старушки научили: надо подать юбку какой-нибудь старушке».

Но особенный смысл заключен во «встречной милостынке», которую подают первому встречному на пути похоронной процес-

¹ «Неженка» — поминальный пирог, подаваемый во время поминальной трапезы.

сии («сорок поклонов, все говорят, молиться он должен за этого человека»), как бы приобщая его, незнакомого, к личному горю. И чужой через это поминование усопшего словно становится ему родным, близким, скорбит и печалится о нем. Даже потайную милостыню не выбрасывают после окончания поминальной трапезы; но подают старушке или читалке, «которая читала над ним». И «хорошу одежду отдают, дома не оставляют, поминать отдают. Вот буду носить, думать — это отдали помянуть, всегда он у меня в памяти». В этом обычае милостыньки — идея объединения и родства всех: родных и неродных, знакомых и незнакомых в памяти и печали об умершем, в сердечном усилии помочь душе в ее мытарствах, идея, которая является отголоском первоначального отношения к смерти, стремления общими усилиями воскресить отошедшего. Федоров писал, что лишь в общем деле преодоления смерти и зла возможно истинное единство и братство рода человеческого, и прообраз и этого братства, и этого единства находим в стремлении народного похоронного обряда каждого приобщить к несчастью одной семьи.

В этом смысле печаль деревни по умершему отличается от печали большого города, где вопль отчаяния и скорби теряется, захлебывается в суете и мельтешении, разбивается о бетонные стены маленькой квартирки, где соседи по лестничной клетке, узнав о смерти, сочувственно качают головами и, минуту повздыхав, бегут по своим делам, быстро забывая о чужом горе. О чужом... В деревне горе становится для каждого своим. Здесь связь людей теснее и крепче, все соединены цепочкой общих трудовых, душевных связей. И обрыв, выпадение хотя бы одного звена болью отзывается во всех. Умирает не чужой человек, внутри микрокосма отдельной семьи, умирает член огромной семьи — общины, человек родной и близкий — кому больше — кому меньше, — но не чужой.

Погребальный обряд, понимаемый как снаряжение «на жизнь вековечную», пронизан мотивом очищения:

«Как человек умрет, его старушки обмывают...».

«Одеваются в чистую одежду, лапти на ногах — вроде туда не умирать, а будто на тот свет, и нужна обувь легкая,.. в руки — свечку, чтобы светло было, платочек, чтобы утирался там». Как очищение осмысляется и обычай окуривать гроб: «Гроб ладаном окурят, богородицкой травкой. Травку жгут, угольков тут положут, и трава курится. И окуривают. И круг гроба три раза ходят...». «Богородична травка вместе с ладаном — это гроб как бы очищается от грязных рук, все-таки покойник на вечну жизнь идет. Это очищение...». Живые через телесное очищение стремятся очистить душу умершего, приготовить ее ко вступлению в мир предков.

Трогательной заботой о родном человеке, уходящем неведомо куда по пути-дороженьке, наполнено каждое мгновение обряда.

Некоторые исполнители обычай закрывать зеркала при умершем объясняли так: «Вроде, покойнику неприятно будет» и говорили, что петь песни нельзя целый год — «душе неспокойно». Еще «стружечки, листиков в гроб настелют, чтоб помягче было, вроде на дощечке тяжело лежать» — это гроб устилали «распущенными» березовым веником. Но почему береза?

В. Я. Пропп в работе «Русские аграрные праздники» пишет о том, что береза, которая раньше других деревьев покрывается весной зеленой листвой, в народном сознании обладает особой возрождающей силой (не случайно на Троицу украшали дом именно березовыми ветками). И потому веник, составленный из сухих веточек березы, с одной стороны — символ угасшей жизни, а с другой — символ обновления и воскресения, ибо для народного сердца в самом умирании скрыта вера в возрождение.

Говоря о современном состоянии похоронного обряда, необходимо коснуться церковных его элементов, в частности, отпевания.

Церкви в селах, где мы побывали, закрыли уже давно. Тогда, прощаясь с ними, в горе, разрывавшем сердца, пели прихожане кант:

Прощай, наша обитель святая,
Прощай, наша мать навсегда.
Тебя, наша обитель святая,
Не видеть уже никогда.

И в скорбном смирении стоят они теперь, обветшавшие и по темневшие; вокруг — тихо и одиноко, лишь изредка чуть слышно поскрипывает что-то на колокольне... Церковь в Полянках, где мы побывали на похоронах, стояла на самом берегу Волги. Вокруг нее не было домов — снесли; ближайшая улица тоже была мертвая, покинутые избы заросли бурьяном, и лишь огромные крысы шебуршились в опустевших комнатах. Когда-то это была центральная улица села, и толпой валил по ней народ на Пасху, ходили ряженые, катались на санях на Масленицу. Теперь центральная улица — другая, на ней — магазин, дома вокруг.

Но похоронная процессия, выйдя из дома, свернула с нее (хотя именно так можно было скорее дойти до кладбища) и медленно двинулась по пустынному берегу Волги, по «мертвой» улице к церкви. У этой старой, давно заколоченной церкви приостановились люди, спустили гроб. Все повернулись лицом к церкви, перекрестились и минуту стояли в молчании. Потом снова побрали по дороге. Мы заговорили с двумя старушками, которые заботливо поддерживали друг друга:

— А почему по этой улице несут, вдоль реки, а не по другой, центральной?

Они покачали головами:

— Мимо церкви несут. Раньше надо было в церковь занести, отпевали там. И сейчас останавливаются у церкви».

О том, что когда идут с выносом, обязательно останавливаются у церкви, хотя бы и закрытой, говорили все, кого мы расспрашивали о печальном обряде.

Но почему сохраняется этот обычай? Ведь с исчезновением условий для выполнения того или иного действия, с исчезновением определенных верований само это действие выпадает из обряда. Эта закономерность устанавливается при изучении и календарных, и семейных праздников: вырубили леса вокруг — и уже не ходят завивать венки; построили клубы, стали разгонять поседки — и нет уж поседок; закрыли церковь, перестали венчать — и не расплетают уж косу невесте, исчез ряд действий собственно венчания, и т. д. Именно здесь становится понятной разница между похоронным обрядом и другими обрядами. Смерть, переход в иной мир, как осмыслилась она ранее, как осмыслиается и теперь, — самый важный момент в человеческой жизни, самый страшный и мучительный для души. Поэтому живые, полные скорби и жалости к уходящим, пытаются применить все средства чтобы облегчить им этот переход. И пусть нет уже условий для осуществления тех или иных действий, пусть люди часто не могут объяснить смысл многих из них (занавешивание окон полотенцами, запрет оставлять покойника одного и т. д.), но сами действия хранятся в памяти и выполняются независимо от веры или неверия, от понимания или непонимания, от того, возможно это или невозможно. И, хоть закрыли церковь, все же стремятся родные совершить отпевание, ибо эта молитва за душу перед Богом, замаливание ее грехов — своеобразная кульминация обряда, в каком-то смысле переломный момент в переходе умершего в мир предков; за двадцать километров ездят заочно отпевать, приглашают читалку, т. к. считается, что пение духовных стихов и молитв при покойнике в какой-то мере заменяет отпевание (хотя все равно в течение 9 дней обязательно надо отпеть): «И при покойнике перед выносом поют стихи духовные...». Говорят: «Его отпели старушки».

Н. Ф. Федоров считал, что православный обряд (в который как его составляющая входит и отпевание) «весь построен, можно сказать, по типу одного основного обряда — Страстной и Пасхальной Седмицы, Пасхи Крестной и Пасхи Воскресной, в которой выражена самая сущность христианства» (II, 34). И сама религия для него «есть именно совокупная молитва всех живущих о всех умерших, являемая в слове и деле всеотеческом» (I, 50). А потому православный обряд осмысливается им как непрестанно совершающееся поминование умерших («всенощная — панихида святым», «проскомидия» — принесение жертвы за всех умерших и живущих), а сердце его — служба Страстной седмицы, где погребение Христа завершается Его воскресением. Таким образом, погребальный обряд, по Федорову, есть «слабое отображение» погребения Христа и должен иметь целью воскрешение. При таком понимании сути

погребения отпевание есть «отчтивание от смерти», «отпеть», — подчеркивает философ, — значит «отчтить, отходить от смерти»¹.

Идя дальше, Федоров задается вопросом: «Почему же совершающее в самом храме погребение не достигает цели, т. е. возвращения умершего к жизни?» И отвечает: «Конечно, потому, что внехрамовая жизнь есть взаимное истребление» (II, 35). Разделение человеческой жизни на две, часто враждующие сферы: светскую и церковную, разделение слова и дела приводит к тому, что жизнь мирская подпадает под власть злых, демонических сил, дело, бывшее созиданием, становится средоточием насилия, истребления и вражды, а церковная жизнь обращается в комплекс ритуалов, чаемое воскресение мертвых, которое исповедуют христиане, не наступает, а значит, по Федорову, и православный обряд не достигает цели — всеобщего воскресения. Лишь преодоление разрыва между светской и церковной сферой, поставление им единой цели, объединение в общем деле, обращение всей жизни человеческой на совершение литургии внехрамовой, протекающей на кладбище, по всей земле, этом огромном кладбище ушедших поколений, литургии, завершением которой и должно быть всеобщее воскрешение, приведут к результату, к восстановлению не мнимому, но действительному («и литургия, и пасха имеют смысл лишь на кладбища» (I, 51)).

* * *

Погребение-проводы — лишь часть печального обряда, длиной, может быть, во всю человеческую жизнь. Скорбящее сердце не может смириться с утратой, не может забыть боли. И коль не в силах оно воскресить дорогое существо в действительности, то воскрешает его в памяти. Краткий срок, отпущеный человеку на земле, пронизан обычаем поминования предков, к которому приобщаются с рождения; этот обычай определенным образом организует и бытовую, и психическую атмосферу семьи, рода, общины. Поминание умерших считается в деревненейнейшей нравственной обязанностью. Оно совершается как в дни «общих» поминок — в определенные, установленные церковью и народной традицией, когда охватывает село массовое паломничество к дорогим могилкам, так и в дни «семейных поминок», когда скорбит лишь одно семейство. Эти дни в основном одинаковы для разных сел и помнятся очень хорошо, потому что обычай поминования живет питаемый сердеч-

¹ Ту же Николай Федорович добавляет, что в современном сознании смысл отпевания изменился на прямо противоположный, и «отпетый» стало выражать окончательное отчаяние в возвращении жизни» (II, 35). Отпевание понимается уже как некий переломный момент, после чего сильнее разрывается связь умершего с родным домом и миром живых; он переходит в новое жилище — «умершую могилушку», отходя во власть матери-земли. Сам облик покойного как бы отражает этот перелом: «В руку покойнику дают рукописание и венчик на голову. И отпевают: И как отпоят — он лицом к земле маненько потускнеет. Я вот внука склонила, отпели — и он лицом к земле маненько потускнеет».

ной потребностью и убежденностью в том, что «покойнику тоже память нужна». Как и в старые времена, поминают в Родительскую субботу, в Прощеное воскресенье, на девятый день после Пасхи, на Крещение, на Рождество: ходят на могилы, оставляют там еду, причитают. «Любой праздник ходят, даже не в праздник ходят. В любой день люди ходят и приносят, оставляют». В эти дни в образе родных покойников поминаются все умершие; в эти дни вся деревня, печалясь, поминает всех своих предков.

Причем сама установка поминального обряда в деревне противоположна установке городских поминок. Последние, как и обряд погребения, скорее, нужны живым, и сам обычай памяти зачастую вызван необходимостью более себя успокоить, чем умершего помянуть. В деревне же он порождается сознанием священных обязанностей живых по отношению к своим предкам, потребностью хранить и беречь скончавшихся, спрятанных в матери-земле дорогих умерших. И к могиле приходят не как к символу лишь памяти, а как к обиталищу отлетевшей души¹, стремясь, коль не откликается она на призыв: «проснись, пробудись, приди!», хотя бы облегчить ей тяжесть посмертной судьбы:

— «Лампадку оставляют на могиле. И зажигают.

— И всегда горела?

— Нет. Вот была Страшная неделя перед Пасхой, тогда сторож ходил и зажигал»².

Это стремление особенно сильно проявляется в обычаях «семейных поминок», которые совершаются на 3, 9, 20 (исполнители указывают, что редко кто делает их в этот день, а чаще просто милостыньку подают), 40 дней, полгода, год. При этом наиболее насыщены ими сакральные сорок дней — период страшных мытарств души. В эти поминальные дни совершаются те же действия, что и в собственно похоронном обряде: всевозможные милостины, молитва, оставление стакана с водой, зажигание свечи на божнице и т. д.

На таких поминках, как и на похоронах, устанавливается совершенно особая атмосфера памяти и связи всех поколений: только начинающих жить, находящихся в расцвете жизни, клонящихся к закату и уже ушедших в другой мир. Похоронный обряд — самый нравственно-философский из всех семейных обрядов. Если свадьба нацелена на молодых, главных ее героев, прославляет их молодость, плодоносную силу и этим связана с весенними праздниками, отражает в себе естественное течение жизни (старое уходит, уступая дорогу новому и юному: «мне время тлеть, тебе — цвести»).

¹ Не случайно хоронили часто около дома, в саду, даже под порогом, стремились окружить дом могилами родных людей. Так сельская изба становилась одним общим домом целого рода, включающего в себя и мертвых, и живых. Да и в названии самого гроба — «домовище», «домовина» — проявилось восприятие его как нового жилища для покойного.

² Федорову, взору которого представляла картина разрушения кладбищ, запустения могил отцов, покинутых «блудными сыновями», особенно были дороги эти проявления заботы о могилах, живые свидетельства памяти и любви, еще до конца не утраченных.

то похороны, в центре которых — умерший, как бы повернуты вспять во времени, обращены к прошедшему, к земле, хранящей прах всех когда-то живших; этот обряд не воспевает одно поколение, а сосредоточивается на общей их цепи, как бы включая в нее умершего, приобщает живых к миру предков. Поэтому столь значительна в нем роль стариков и старух: на похоронах они обмывают, отчитывают, их приглашают на все поминки. Для них готовят особый стол или, если едят по очереди, они первыми садятся поминать.

Вообще, поминальный стол является центральным моментом семейных поминок. Строго соблюдаются правила его убранства, расстановки блюд; обязательно оставляют место для умершего (на углу стола, ближе к «красному углу» дома). Повсеместно выдерживается последовательность блюд: сначала блины с медом, «сытой медовой», кутья, затем окрошка, щи, лапша, горох, каша, потом — пироги: «вот пирогами поминают с капустой, яблоками, с калиной. И пустыми тоже поминают». И еда понимается здесь не как процесс физиологический, но как своего рода священное действие (недаром, почти никогда не говорят: «едят блины, кутью», но — «поминают кутьей, блинами»). Через культовые блюда приобщаются к миру ушедших, к вечности. И сама атмосфера трапезы — священна: садясь за стол, поют кант «Сели певчие за трапезу», а перед каждой переменой — «Святый Боже» и крестятся; едят из больших тарелок все вместе, передают одну чарку по кругу; разговаривают приглушенно, обязательно берут с собой цироги — на помин. «Поминальная трапеза основана на памяти об отцах, на вере в загробное существование... Поминальная трапеза была жертвой за живых и умерших, пищею для живых и умерших.. Для поминальной трапезы хлеб и вино имели священное значение; они были условиями бытия, существования», — писал Н. Ф. Федоров о поминальной трапезе, противопоставляя ее банкету, этому высшему выражению торжества «блудных сынов», «не помнящих родства», обративших поминование в веселье, воскрешение в умерщвление. Смысл поминок — в памяти и жертве за умерших; сама Евхаристия, центральный момент литургии, сердце христианского обряда «в народном понимании есть поминальная трапеза, которая имеет действительную силу облегчить умерших, или же, как прежде думали, питать их» (I, 193).

О самих поминальных блюдах писали неоднократно. В частности, В. Я. Пропп в уже упоминавшейся монографии отмечал, что кутья «чаще всего варились из нераздробленных зерен, чаще пшеницы, т. е. готовилась из «семян». Зерно обладает свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее». И древняя аксиома, которая сравнивает человека с пшеничным зерном, именно в контексте поминального обряда высвечивает нам всю свою глубину: человек умирает не навсегда, в нем сохраняется способность к воскресению. Пшеничное зерно — сим-

вол воскресения и возвращения жизни, и блюдо из него, включенное в поминальную трапезу, наполняет живых своей воскрешающей силой. А потому поминальный обряд становится своеобразной, пусть и мнимой пока, попыткой воскрешения умершего, своего рода приготовлением к воскрешению.

* * *

И, может быть, именно теперь следует обратиться к похоронной причети, жанру трагическому, рвущемуся из самой глубины сердца, пронзенного утратой. Прочтания в комплексе народных представлений о смерти выполняли особую роль, которая и обусловила своеобразие их поэтики, необычайно устойчивой на протяжении столетий.

По Федорову, первым звуком, исторгнувшимся из человеческой груди, был именно плач; в нем — начало музыки и начало слова, ибо увидев неподвижное тело отца, первый человек восстал, воздел руки к небу и обратился к умершему с мольбой пробудиться, подняться. Прочтание формировало его сознание, оно — в начале языка, в начале музыки и поэзии. Прочтание — первое выражение чувства и эмоции в слове, причем в слове музыкальном. При этом слово причети наделялось особой силой, должно было прямо повлиять на судьбу умершего. Вера в непосредственную силу звучащего слова — основная черта первой, магической стадии развития человека (Фрезер), и прочтание было ни чем иным, как заклинанием, призванным поднять, воскресить умершего. Об этом пишет, в частности, К. В. Чистов: «Вполне вероятно, что такие мотивы причети, как призывы к покойнику встать, обращение к стихиям с просьбой оживить умершего и т. п., в древнюю пору были своеобразными заклинаниями, вкрапленными в причеть, осуществлением попытки вернуть утраченное, выражением веры первобытного человека в совершенно особую силу слова». Перечисленные Чистовым мотивы являются центральными в плаче, особенно — мотив «заклинания стихий», когда причитывающий взывает к дождю, ветру, грому и т. д. даже не с просьбой, а с приказанием (не случайно здесь часто употребляется повелительное наклонение) воскресить умершего:

Накатись, туця грозная
Со серым со камешоциком,
Да упади, серой камешок,
На кругую могилушку,
Да прошиби, серый камешок,
Сыру землю,
Расколи гробову доску.
Дуньте, ветры те буйные,
Сдуньте с лица полотенышко.

Да взгляни-ко, мамушка,
Во все те во глазоньки,
Да перекстись-ко, су-мамушка,
Перекстись по-досельному,
Ты вставай-ко, су-мамушка,
Из крутыя могилушки.

Да не взойдет ли туча синяя,
Не ударит ли гроза сильная,
Не размоет ли твою могилушку,
Не расщиплет ли гробову доску,
Да не встанешь ли, милый сыночек,
Не расхлестнешь ли ты белы рученьки,
Не прижмешь ли ты меня к своей бедной грудоньке.

Глубокого смысла исполнена традиция поминовения или хотя бы упоминания в причете других умерших родственников, часто даже всех предков данной семьи: «Это у нас называется «причеты». Ко всем, кто стоит у гроба, обращаешься; к сестрам, братьям. И всех помянешь. Если отец, например, у меня умер, его помянашь». Так прочтание об одном человеке выливается в плач о всех погребенных, включая умершего в общую цепь «от века почивших».

Народная причеть, просто и искренне изливающая чувство скорби, утраты, тоски, народная причеть, несущая на кладбища голос несмиряющегося с разлукой сердца, дорога была Николаю Федоровичу. «В одном из писем к Кожевникову Федоров просит прислать ему текст одного из таких прочтаний, которое произвело сильное впечатление в детстве на самого Кожевникова. Начиналось оно так:

Привяжу я коня к колоколенке,
Сам ударюсь о сырь землю.
«Расступися, мать-сыра земля;
Ты раскройся, гробова доска,
Встань проснися, родна матушка!»¹.

А на разбор стихотворения Жуковского «Сельское кладбище», произведенный В. Соловьевым, который утверждал, что именно этим стихотворением началась русская светская поэзия, Николай Федорович откликается довольно резко: «Какое вопиющее противоречие представляет «Сельское кладбище», произведение городской Англии², нашим народным прочтаниям, плачам, «заплачкам» — порождению сельских кладбищ деревенской Руси. В прочтаниях народ — сыны человеческие приказывают земле рассту-

¹ Примечания к изд.: Федоров Н. Ф. Сочинения. М., Мысль, 1982, с. 693.

² Стихотворение представляло собой вольный перевод элегии английского поэта Грея.

питься и умоляют отцов подняться, взглянуть на своих детушек. За один этот стих можно отдать всю нашу светскую литературу. Можно ли сравнить эту мощь, повелевающую слепой силе, и эту глубину и нежность чувства с *унижением* высшего, отделившегося от народа класса — этих блудных сынов — перед якобы незыблемыми уставами бесчувственной, слепой силы и с тупою их верой в умерщвляющее всемогущество этой силы и в слабость силы воскрешающей...» (Соч., 625).

* * *

Мир народных представлений о смерти глубок. Он определяет всю человеческую жизнь, но наиболее цельно проявляется он в священных ритуалах и плачах похоронного обряда. Мир этот не может быть разрушен временем и социальными переменами, «объективные факторы», влияя, быть может, на какие-то формальные стороны обряда (например, замена церковного отпевания отпеванием в доме), не затрагивают его внутреннего содержания. И печальный обряд, соединяющий всех живых в памяти и любви к умершим, пронизанный, хотя и не осознаваемым уже, воскресительным импульсом, бережно сохраняется во всех своих составляющих. Потому что потребность погребать и поминать все так же живет в человеческом сердце, не смиряющемся с утратами.

ЭТЮД О ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

С. Ягупова

Ни одно существо на земле, кроме человека, не озабочено ни своей внешностью, ни внутренним состоянием организма, ни функциями его органов. Льву как-то все равно, какой густоты его шерсть, змея отнюдь не комплексует из-за количества пятен на коже, бабочка-капустница не падает в обморок по поводу менее яркой расцветки крыльев, чем у аполлона, и равнодушен к своему габитусу дельфин. Тайный механизм эволюции взял на себя заботы об облике земных тварей. Никто из них не интересуется собственным отражением в зеркале озера или в луже воды. Правда, обезьяна уже корчит рожицы своему отражению. Но лишь человек в задумчивости рассматривает цвет своих глаз, форму губ и носа, очертания фигуры. И от того, к какому заключению приходит при этом, порой зависит течение многих событий его жизни, а от физического состояния органов, от происходящих в теле процессов — и само существование.

Эта зависимость от собственной телесности часто оказывается сильнее жизни духа, подавляет его и даже порабощает. Гармо-

ния души и тела пока присутствует лишь в мечтах, а если и реализуется в ком-либо, то недолго, поскольку у каждого впереди старость, болезни и самый дисгармоничный аккорд — смерть, избежать которой никто не в силах.

Но в нашей биологической программе заложено предчувствие возможности долгой, не омраченной хворями жизни, телесной полноты, радости и даже бессмертия. Несовпадение этого предчувствия с реальной ограниченностью тела рождает, быть может, самый глубокий бытийственный конфликт, который, однако, не всегда осознается, затушевывается и даже зачеркивается социумом, находящимся в эйфорической погоне за удовлетворением постоянно растущих потребностей.

И все-таки нет-нет, да и задается человек вопросом, подобным мандельштамовскому: «Дано мне тело, что мне делать с ним, Таким единым и таким моим?».

Интимный интерес к телесной организации неизбежно перерастает в социальную проблему, которая пока не расширяется далее медицинских забот, робких шагов геронтологии, и все более уверенной поступи профессионального спорта, интенсивно пополняющего бывшими спортсменами многомиллионную армию инвалидов.

Отсутствие глобального осознания ценности человеческой жизни позволяет все еще по старинке решать многие социальные проблемы не иначе, как прямым или косвенным уничтожением людей. Но грядет час, когда в основу любой идеологии и философии лягут заботы о гармоничной реализации телесного, нравственного и духовного потенциала человека. В противном случае его высокая миссия на земле не будет оправдана, и энергия вселенной переработает его в космический мусор, чтобы затем сотворить нечто более разумное и прекрасное.

Можно быть уверенными в том, что природа изначально сделала крупную ставку на человека, а не творила вслепую, создавая бесчисленные варианты тварей. Но, как и в любом творчестве, здесь не обошлось без черновиков, набросков. Сегодняшний homo sapiens, скорей всего, не окончательный вариант замысла природы.

Некоторые антропологи уверяют, что за многие тысячи лет человек существенно не изменился. Мол, происходят какие-то незначительные мутации, прямо на наших глазах формируется поколение гигантов, но в целом человеческий организм такой же.

В эволюции отказывают даже мозгу, приводя наивный аргумент: наш современник не умнее Гомера и Шекспира. При этом как-то забывается, что мозг заведует не только интеллектом. Да и что такое четыреста или две тысячи лет на часах эволюции? Попади в наше время кроманьонец, вряд ли он нормально воспримет нашу реальность с ее телевизорами-телефонами. Автомобиль и вовсе покажется ему чудом, если, конечно, он не успеет задохнуться в нашей загазованной атмосфере.

Анатомически мозг наш ничем не отличается от мозга того же Шекспира — не умнее и не глупее его. Просто он иной. К сожалению, нечем измерить его «инакость». То же самое и организм в целом: вроде бы тот же, но на самом деле другой, ибо все-таки изменялся, приспособливаясь к природной среде, которую человек постоянно преобразовывал. Быть может, изменения эти происходили и на клеточном уровне, сообщая нашему микрокосму какие-то новые качества, о которых мы пока не догадываемся.

Не отказывая человеку в духовной эволюции, антропологи отрицают биологическую, легкомысленно не учитывая связь одного с другим, забывая, что мы живем в динамичном мире, где все течет, все изменяется.

Заглянув в зеркало своего самосознания, человек почувствовал неудовлетворение и стал спрашивать себя: «Почему я не летаю, как птица? Почему не слышу в ультразвуковом диапазоне, как летучие мыши? Почему не вижу далеко, в инфракрасном спектре?» И еще множеством «почему?» задался он, и, не понадеявшись на развитие собственных органов — а может, в нетерпении не дождавшись этого? — начал изобретать органы искусственные, технические, то есть, своего рода усилители и приставки к собственным.

И все-таки желание изменить свой организм не покидало его. Сегодня очевидно, что достичь этого можно несколькими путями. От их выбора будет зависеть как внешнее, так и духовное содержание человека будущего.

Фантасты уже давно предлагают разные модели нового *futu-gip*. Страшноватые големы, механические роботы, бессмертные киборги, андроиды и сигомы — все эти существа не что иное, как плод ума, очарованного научно-техническим прогрессом, своего рода концентрат самых сильных мечтаний о новом организме, которому не страшны ни механические повреждения, ни разрушительная власть времени.

В рассказе «О теле электрическом пою» Рей Брэдбери поведал историю об электронной бабушке-няне, якобы способной заменить живую. На первый взгляд, Брэдбери мечтает о совершенном роботе, не только физически выносливом, но и вобравшем в себя лучшие человеческие качества. На самом же деле замысел рассказа глубже такой интерпретации, серьезнее этой возможности подмены человека роботом. Электронная бабушка — не что иное, как тоска писателя по человеку, нравственно и физически идеальному.

Среди множества произведений о роботах привлекает рассказ Уильяма Нолана «И веки смежит мне усталость», о вернувшемся на землю андроиде, копии погибшего астронавта, которого на Земле встречают его родные, тоже оказавшиеся копиями умерших родителей. Как и электронная бабушка Брэдбери, андроиды

Нолана наделены не только разумом, но и человеческими чувствами.

Истории эти очень грустные, и осуществления их не хотелось бы, как не хочется, чтобы исполнился прогноз Артура Кларка о том, что когда-нибудь человек расстанется со своей плотью. Все-таки «Венец чудес — жизнь духа во плоти» (В. Сидоров).

Привлекательнее выглядит идея управления собственной биологической эволюцией. Не слишком ли мы обоготворяем технику, забывая о скрытых возможностях нашего организма? Не для того же, в самом деле, создали искусственный мозг, чтобы переложить на него все мыслительные функции человеческого мозга (отчего он может попросту деградировать), но, вероятно, затем, чтобы с помощью ЭВМ укрепить его, а в дальнейшем и развить настолько, чтобы обрести возможность и силу управлять физиологическими процессами даже на клеточном уровне. То есть, залог грядущего изменения всего тела, возможно, заключен именно в интенсивном развитии мозга.

Да, мы вправе иметь претензии к нашему сегодняшнему телу: слишком много забот, печалей и страданий приносит оно. Но как бы ни сетовали на его несовершенство, а вот не удается же продублировать такой крохотный его кирпичик, как обыкновенная клетка. «Протезирование личности», «искусственные органы» — все это звучит захватывающе, но и несколько зловеще. Само слово «протезирование» говорит скорее о медицинском аспекте проблемы, чем биологическом. Научились делать искусственные суставы, кожу, клапаны сердца, почки, бьются над получением искусственной крови. Некоторые стоматологи всерьез предлагают уже в детстве заменять натуральные зубы искусственными. А где-то не за горами творения рук генных инженеров — разные там кентавры, русалки, сфинксы и прочие сказочные симбионты.

Все чаще биологи ссылаются на адрес «второй вселенной» — человеческий мозг. Кибернетики же изготавливают переселить эту «вселенную» в машину. Создав искусственную среду обитания, человек и самого себя мыслит искусственным существом. К счастью, многое препятствует его симбиозу с машиной. Человеческий мозг сам по себе универсальный компьютер, но в то же время и сложнейшая система, возможно даже имеющая, по гипотезе Вернадского, неевклидову геометрию, как все живое. Не так-то просто, скорей всего невозможно, «загнать в машину» человека — существо многомерное, законтактированное на макро- и микрокосмос, наделенное еще неизученными полями и энергиями. Даже олигофрэн имеет такое преимущество перед самой умной ЭВМ, как подкорка, за которой два миллиарда лет эволюции. К тому же, как считают некоторые ученые, человек непредсказуем и по-иному детерминирован, чем машина. Его программа не замыкается на себе, она гораздо шире, с выходом на вселенную.

Наша постоянная оглядка на технику простирает, возможно, от того, что мы еще плохо изучили самих себя. Мы недостаточно

знаем не только свои резервы, но и функции внутренних органов. Не так давно вслед за гормонами желудка, кишечника обнаружены гормоны сердца. А что означает, скажем, такая информация, в нашем организме всего десять процентов работающих генов. Для каких же нужд существует остальная часть генома, такой огромный резерв? Или совсем уж потрясающее воображение открытие: оказывается, совокупность клеток может содержать в себе полный комплект наследственной информации какого-либо конкретного человека.

Из всего этого следует, что в поисках пути к долголетию и, быть может, бессмертию, мы не должны слишком большие надежды возлагать на машину. Человекоподобные роботы, искусственный разум, мировой мозг — все это не что иное, как путь к повышению КПД мозга человека. Кристаллы и полупроводники, даже если они органические, выращенные по искусственно созданным матрицам ДНК, помогут человеку стать сильнее, не более. С их помощью он разгрузит себя от тяжелого физического и не-продуктивного умственного труда и сможет наконец по-настоящему заняться собственным духовным и физическим развитием. Он научится управлять своим организмом настолько, что в его подчинении будет каждый орган, каждая клетка. Он сможет приказывать им не только не болеть, но и не умирать, и развиваться в нужном ему направлении. Со временем усилием мысли он научится, как ящерица, регенерировать поврежденные органы, придаст мускулам прочность стали. А генная инженерия поможет ему превратиться из существа гетеротрофного в автотрофное. И тогда, наконец, будет сделан рывок из царства необходимости в царство свободы, будет зачеркнут самый тяжелый природный закон взаимного пожирания всего живого друг другом.

Когда-нибудь люди овладеют и тайной метаморфозы: познают жизнь сокола и кита, муравья и березы, умев в любую минуту вновь превратиться в человека. Бесконечное разнообразие органов восприятия, рассыпанных в природе в форме низших организмов, животных, насекомых, птиц, он сможет не техническим, а естественным образом сделать своими, как мечтал об этом Николай Федоров.

Возможно, уже в будущем веке появятся институты иммортологии и репликации, занимающиеся проблемой восстановления некогда живших организмов.

Когда человечество покончит с войнами, начнется новая эра, которая ознаменуется борьбой за здоровье, долголетие и затем, как логическое продолжение этого, за бессмертие! Уже сейчас мы стремимся сохранить голоса и образы людей на магнитофонах, кино- и видеопленках. Но и природа, возможно, не профан в этой проблеме. По гипотезе академика Леонида Прищепы, следы электромагнитной информации от живых организмов не исчезают; они запечатлеваются в окружающей среде. Может, таким способом умная природа помогает человеку в его самой дерзновенной мечте.

Федоровская идея бессмертия в последнее время приобретает все более научную окраску. Сегодня многим она кажется очень далекой, потому что человечество стоит сейчас перед дилеммой жизни и смерти всего рода. Тем не менее она звучит все настойчивее, потому как срабатывает закон отмата маятника: на грани уничтожения — мечты о вечной жизни. Все естественно. Неестественно то, что мы мало размышиляем на тему смерти — уж очень это невеселая темочка, а мы все более становимся гурманами по части всех сортов развлекательности. И это печально, ибо мыслящее существо большее предпочтение должно отдавать познанию мира.

Уже есть некоторое движение к делу репликации живых организмов. Шведским ученым Паабо было проведено успешное клонирование ДНК из мумии египетского мальчика, жившего 2400 лет назад. Разумеется, до оживления далеко, но факт впечатляющий.

Сейчас, когда во всех областях культуры наблюдается духовное обновление, так важно смело смотреть в будущее, не зачеркивать даже самые сумасшедшие гипотезы. А вдруг в песчинках фантазии сверкнет золото истины?

Неумолимо стремление изменить организм человека в лучшую сторону, расширить границы жизни, избежать раннего старения. Киевским геронтологам удалось, воздействуя на генетический код животных, удлинить им жизнь на третью. В Ленинграде успешно разрабатывают метод адаптивного биоуправления — с помощью техники пытаются научить мозг человека управлять своим организмом. В частности, таким методом снимают эпилептические припадки.

Но это все частные случаи. А если быть повнимательней, то можно увидеть и кое-что закономерное. Наряду с НТР уже идет антропологическое или ускоренное биологическое развитие. Мы же все еще не хотим замечать и признавать этого. Возможно, что среди нас уже ходят участники АР. Многие из них пока действуют наощупь, стихийно, порой наивными методами: как Рахметов лежат на гвоздях и битых стеклах, соревнуются с ЭВМ в быстроте счетных операций, неделями голодают, купаются в ледяных прорубях.

Герой моей фантастической повести «Твой образ» Виталий Некторов стал участником антропологической революции волею случая: он погиб в автокатастрофе, и его мозг пересадили в тело человека, перенесшего смертельную мозговую травму. Оказавшись в организме, который в сравнении с его прошлым телом некрасив и даже уродлив, мой герой ищет выход из создавшейся ситуации. Он штудирует хатха и раджа-йогу, знакомится с опытом народной медицины разных стран, переворачивает горы книг по философии и анатомии, разрабатывает целую программу по улучшению своего облика, в конце концов он достигает своей цели.

Усилия моего героя во многом, разумеется, наивны и примитивны, но устремления вполне современны. Вспомним, с каким

изумленным интересом встречаем мы все, что касается возможностей человеческого организма — будь то сеанс гипноза на расстоянии, продемонстрированный по телевидению Кашпировским, явление телекинеза Кулагиной или телепатии Дадашева. Мы не решаемся поверить в существование людей с экстрасенсорными данными, хотя уже видим их на своих экранах. Но даже если все это иллюзия, и экстрасенсов нет и в помине, раз человек возмечтал о них так, что они мерещатся ему, раз захотел стать сильнее физически и духовно, значит экстрасенсы неизбежно появятся. Ибо, как утверждает диалектический материализм, сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его.

Быть может, сегодня, как никогда, особенно привлекательны естественные пути развития человеческого организма, чтобы из «када плоти» выйти наконец в ее рай. Воспитание ума и сердца, обретение космического сознания, концентрация психической энергии, умение управлять своими эмоциями — все это должно сказаться на химии и физике нашего организма. И тогда исчезнет конфликт между материей и духом, и человек, обретя внутренние пространства, сможет преодолеть и телесную ограниченность, не отказываясь, однако, от плоти, ибо ее преображение теперь избавит его от страданий и будет приносить полноту, блаженство бытия, как это было задумано природой-творцом.

Пытлив, неистощим ум человека, постоянно вопрошая: «Почему безмозглая одноклеточная амеба бессмертна? Почему полугни и чередахи в добром здравии живут не одну сотню лет, а я едва доживаю до девяноста?» Эти вопросы человек будет задавать вновь и вновь, пока не станет бессмертным. И будет жить вечно, если одолеет силы зла в себе и в окружающем его мире.

ДИЗАЙН ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В. Е. Гурьев

При стремлении осмыслить все формы бытия человека, от первобытного способа существования до высокой цивилизации, уместно подумать, что в развитии природы и общества человечество подошло к такому этапу, когда разум может быть руководящим органом человечества. Мировоззренческим ключом к постановке проблемы «дизайна человеческих отношений» может быть мысль Н. Ф. Федорова о том, «как мелки и ничтожны причины, которые разделяют нас ныне, и как глубоки и велики те, что могут и должны нас соединить». Тем не менее, научный подход к вопросу о человеческих отношениях с точки зрения федоровского понимания основ регуляции природы в органичном единстве с высшим нравственным долгом человечества еще только начинает разрабатываться.

На наш взгляд, методика разработки вопроса предполагает рассмотрение герменевтики процесса мышления: внутреннее «Я» человека как голос Космоса; структура: человек — человек; понимание основных концептуальных позиций философии «Дизайн человеческих отношений» и практики «Дизайна человеческих отношений».

Целостное видение научного подхода Н. Ф. Федоров излагает в нетрадиционном анализе системы «внешрамовой» литургии как «всебобщего выражения», синтеза человеческого бытия, которую представляет следующим образом:

«Литургия должна знакомство превратить в дружество, а наука должна всех сделать и познающими, и предметом знания; в этом случае и субъект, и объект знания будут тождественны. Под руководством врачей душ, т. е. священников, и врачей тела, медиков, учащиеся должны проводить психофизиологические опыты над своими собственными личностями, т. е. исследования органических отправлений, темпераментов и способов подчинения чувственных наклонностей (пост в религиозном смысле, а диетика в научном освобождают образ жизни от состояния или богатства и ставят его в зависимость от исследования); исследования над сознанием, зрением и вообще внешними чувствами в каждом организме (Вундт, Фехнер, Вебер), исследования физиognомические и наблюдения над психическими состояниями в видах открытия соотношения между наружными и внутренними явлениями, чтобы по первым можно было знать о последних; исследования наследственности, темпераментов, наклонностей, ощущений и вообще всех отправлений, из которых слагается личность»¹.

Понятие литургии, на которое опирался Н. Ф. Федоров, в духовно-социальной детерминации этого явления, рассматриваемое в парадигме современного знания, представляет собой сложный природно-социальный, психофизиологический, социо-культурный, космобиоритмический процесс. Любой из типов творчества — философия, математика, поэзия, музыка, живопись — открывает дверцу в тайник мышления. Ритмические структуры этих категорий эквивалентны. Если мы изучаем живопись, мы изучаем человека. Задача ученого-художника состоит в познании гармонии живописного произведения, чтобы распространить ее на человека, человеческие отношения, гармонизацию общественных отношений. Следовательно, с точки зрения научных взглядов следует сказать, что человек мыслит всем своим существом в единении со Вселенной. Понятие души возможно как тенденция развития психики, соответствующая геокосмическим процессам.

Ключевым моментом раскрытия теории «Дизайн человеческих отношений» является герменевтика процесса мышления. Суть его состоит в том, что мозг только обрабатывает получаемую инфор-

¹ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., Мысль, 1982, с. 384.

мацию, а рождение мысли происходит в эмоциональной системе. Древние греки месторасположением разума считали диафрагму, находящуюся между легкими и желудком. Более правильно указывать на всю область нашего организма, которую издревле называли душой. Это зона наибольших духовных чувствований, область наивысшей энергетической активности, центростремительной импульсации с повышенной отзывчивостью на импульсы обратной связи. Каждый из нас наблюдал в себе очень сложное состояние, когда мозг обдумывает какой-либо вопрос, рефлексируя поочередно данные, и вдруг мы замираем, — ощущая в душе страстный клубок сомнений: но секунда, другая — предчувствия слились в гармонию — и в мозг выбрасывается новоявленная мысль.

Древние насчитывали семь основных ощущений. Отсюда семь различий в механизме восприятия человека: зрительные каналы способны фиксировать семь цветов; октавы звукоряда делятся на семь нот. Эту закономерность нашего контакта с миром отметил в свое время И. Ньютона. Образно говоря, в очаге мышления плавненеят семь ощущений. Мысль, сплав ощущений, материализуется семью компонентами в каждом канале восприятия: живопись — семью цветами; музыка — семью основными звуками; танец — движениями; математика — цифровым алгоритмом. Как видим, в этом реестре только живопись и музыка расшифрованы числом 7. Отсутствие этой цифры в остальных случаях отнесем к ограниченности наших сведений, так как в эзотерических знаниях это число магическое, в традиции основанное на интуитивном восприятии семирядного ритма.

Стихийных, противоборствующих состояний в душе бесчисленное множество; их гармоническое сочетание, Эталон, Образец, Формула мысли — единственная оптимальная структура. Получив эмпирическим способом мысли, человек устанавливает логические связи между ними. Человеку ближе логика природы, которая говорит в нем языком предчувствий, чем логика словесных рассуждений. Вернадский писал: «Разве можно узнать и понять, когда спит чувство, когда не волнуется сердце, когда нет каких-то чудных, каких-то неуловимых обширных фантазий. Говорят: одним разумом можно все постигнуть. Не верьте.. Те, которые говорят так, не знают, что такое разум, они не понимают, что волнует, что интересует в тех работах, какие считаются одними умственными работами. Мне представляется разум и чувство тесно-претесно переплетенным клубком...». Гармоническое сочетание ощущений, иначе Эталон, Образец или Формула мысли, выражается в произведениях философской, поэтической, живописной и музыкальной мысли.

Мысль есть сплав символов окружающих нас природных явлений, составленных в сочетаниях, благотворящих жизнь человека. Мысль — это реализация модели нужного человеку мира, где жизнь — «от души», где все человеческие стимулы — братские взаимоотношения, бессмертие, возрождение предков, регуляции

природы — найдут свое реальное воплощение. А поскольку в основе мысли лежит гармоническое сочетание, т. е. красота, то, поистине, красота спасет мир.

* * *

В книге А. Г. Спиркина «Сознание и самосознание» отдельные главы посвящены вынесенной в заголовок проблеме — нашему внутреннему «Я». Автор идет по пути отсечения мотиваций психики, которые, на первый взгляд, составляют наше «Я», затем обнаруживают свою вторичность. В предлагаемой нами концепции человеческого «Я» следующая последовательность рассуждений:

1. Все, что существует на поверхности Земли, обязано своим происхождением космическим и солнечным излучениям, все, что творится вокруг нас, — это преобразованная энергия Космоса.

2. Максимум воздействия окружающей среды на человека осуществляется Солнце, рожденное Космосом.

3. Принимая воздействие Космоса, наши органы фокусируют его в один центр — центр души, в котором загорается наше внутреннее Солнце, наше внутреннее «Я», являющееся голосом природы, голосом Космоса.

Это внутреннее Солнце и есть очаг мышления. Человек не может противопоставить вторую сигнальную систему голосу природы. И только когда внутреннее «Я» отступает под написком логики словесного разума, разрушаются идеал и цель.

Понятие о центре мышления, о центре внутреннего «Я», о реализации этого мышления создает возможность: 1) нового этапа моделирования искусственного интеллекта на основе изучения гармонии живописного, поэтического или музыкального произведений; 2) попытки перевода одной формы мышления в другую, как-то: живописи в поэзию, живописи в музыку, живописи в математику, искусства в науку. Мы должны признать, что каждый шедевр живописи, будь то «Троица» Рублева или полотна Малевича, являются научным открытием. В творчестве художника представляется возможной шифровка в свете научной задачи, поиск художником ее решения на холсте путем компоновки и гармонизации цветовых пятен и дешифровки полученной абстракции, которая даст научную формулу.

Нас интересует во взаимодействии двух субъектов не содержание их действий, а их психофизиологический смысл. Таким образом выделяется системный ряд ступеней человеческих отношений. Представляется возможным выделить 7+7 рядов психофизиологического содержания.

любовь

заискивание

доброжелательность

обман

участие

коварство

радость	нелицеприятность
успокоение	недружелюбие
волевое усилие	запугивание
приказание	гнев

К этому надо добавить, что человек не всегда может грамотно выразить содержание своей мысли; принимающий информацию понимает ее в зависимости от своего опыта и состояния психики, теряя при этом от 10 до 100% информации. В сознании каждого человека есть модели окружающих его людей, но уже разнообразие составляющих характеристик индивидуума позволяет предполагать существенную неадекватность этих моделей.

Н. Ф. Федоров писал: «Человек не обладает в настоящее время ни полной способностью самооткровения, ни способностью проникнуть во внутреннюю глубину другого существа... Пораженные трудностями, которые для многих покажутся непреодолимыми, мы не должны забывать, что в случае неосуществимости полной взаимности мы осуждены на такое одиночество, на такое разобщение, что не можем быть даже уверенными, что тот внешний мир, который мы только созерцаем, есть общий у всех нас, т. е. не можем быть убеждены даже во взаимном существовании друг друга, нам остается на выбор или полное одиночное заключение, или всеобщее воскрешение, в котором и полное взаимознание. Иначе: или ни Бога, ни мира, ни людей, или же все это в совершенной полноте!».

В то же время познание людей и структуры человеческих отношений в системе «человек — человек» и «человек — общество» с точки зрения конструирования и моделирования, выявления определяющих критериев дизайна человеческих отношений, с учетом вышеизложенных позиций имеет большое практическое значение. Познание окружающих людей должно стать школьной дисциплиной. Поиски жизненных партнеров в плане решения индивидуальных и социальных проблем жизнедеятельности превратятся в одну из важнейших личных и общественных задач.

IV. ПОИСКИ, НАХОДКИ, ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

КТО ЖЕ МАТЬ Н. Ф. ФЕДОРОВА?

В. С. Борисов

В биографии Николая Федоровича Федорова до сих пор остается много неясного. Особенно это касается раннего периода его жизни. Сам Н. Ф. Федоров, отличаясь крайней скромностью, упорно избегал отвечать на вопросы, относящиеся к его биографии, и словно сознательно делал все, чтобы его личная жизнь на земле осталась бесследной. Недаром биографы называют его «загадочным стариком».

Всеми исследователями годом рождения Н. Ф. Федорова считался 1828-й, поэтому в 1978 году советская и мировая общественность и отмечала 150-летие со дня его рождения. Но архивная находка 1985 года показала ошибочность этой даты и принесла, по крайней мере, сразу девять открытых. До архивного открытия 1985 года высказывались самые различные и прямо противоположные точки зрения о происхождении матери Н. Ф. Федорова. Кто считал ее крепостной крестьянкой, кто женщиной простого происхождения, кто пленной черкешенкой, кто грузинской княжной-красавицей, в которую влюбился его отец — князь Павел Гагарин. Имя же матери вообще никогда и никем не называлось. Но в результате многолетних обследований архивов Москвы, Одессы и Тамбова удалось обнаружить новый биографический документ, устанавливающий точно: 1) год и месяц рождения Н. Ф. Федорова, 2) когда он крестился (год, месяц и число), 3) имя его матери, 4) ее социальное происхождение и положение, 5) имена крестного отца и крестной матери, 6) их социальное положение, 7) неизвестные ранее факты его обучения в одном из провинциальных училищ, 8) имя человека, который содержал его там, 9) происхождение и положение этого благотворителя Н. Ф. Федорова.

Н. Ф. Федоров родился 26 мая 1829 года, а не в 1828 г., как было принято считать ранее. Крестным отцом его был коллежский регистратор Федор Карлович Белевский, а крестной матерью — мещанка Александра Яковleva.

В отношении происхождения матери Н. Ф. Федорова предположения не оправдались. Ею оказалась русская дворянка Елизавета Иванова. Она жила в сельце Ключи Елатомского уезда

Тамбовской губернии (ныне деревня Ключи Сасовского района Рязанской области).

Документы, которые позволили это установить, были обнаружены в архиве Тамбовской губернской мужской гимназии, где с 1842 по 1849 год учился Н. Ф. Федоров вместе со своим на год старшим братом Александром. В Тамбовскую гимназию Н. Ф. Федоров с братом были помещены на средства своего дяди, Шацкого уездного предводителя дворянства князя Константина Ивановича Гагарина, у которого братья находились на воспитании. Они успешно окончили Шацкое уездное училище, где обучались со 2 июля 1836 года по 2 июля 1842 года.

При поступлении в Тамбовскую гимназию и было представлено следующее свидетельство о рождении:

«1834-го года апреля 2-го дня дано сие Тамбовской губернии Елатомской округи села Вялсы от приходского священника Николая Федорова в том, что у проживавшей Елатомской округи в сельце Ключиях (Ключах) дворянской девицы Елизаветы Ивановой «1829»-го года мая 26 дня незаконорожденный сын мною молитвовав и того, 26-го, числа мая села Вялсы с дьяконом Василием Антоновым и дьячком Кирилою Феофилактовым по обряду христианскому крещен которому при том крещении наречено имя Николай, восприемниками же были при том святом крещении помянутому незаконорожденному сыну Николаю коллежский регистратор Феодор Карлов сын Бел(е)вский и мещанская жена Александра Яковleva в уверении чего и дано сие за подписом моим и помянутыми дьяконом Антоновым и дьячком Феофилактовым к сему свидетельству приходской села Вялсы священник Николай Федоров руку приложил того села дьякон Василий Антонов руку приложил. Дьячок Кирилл Феофилактов руку приложил».

(Государственный архив Тамбовской обл., Ф. 105, оп. 7, д. 4, стр. 107).

ПОИСКИ МОГИЛЫ Н. Ф. ФЕДОРОВА

Е. В. Прошечкин

Установить место захоронения любого человека — дело нужное и благородное. Тем более это необходимо сделать, если речь идет о человеке выдающемся в той или иной области культуры. Место захоронения Н. Ф. Федорова неизвестно, и это вдвойне обидно: ведь мы не знаем, где лежат останки человека, первого в мировой философии открыто поставившего вопрос о воскрешении во плоти всех ранее ушедших поколений силами науки. В качестве одного из возможных путей Федоров предлагал создавать

лаборатории по собиранию атомов и молекул, составлявших когда-то живые тела предков; и вот, к нашему глубокому стыду, мы не можем ответить на вопрос, где, собственно, находятся молекулы этого человека!

Поиски могилы Николая Федоровича Федорова важны еще и с точки зрения увековечивания памяти Федорова и популяризации его учения. Дело в том, что в связи с отсутствием материальных реликвий Федорова очень сложно создать Федоровский музей. Обнаружение захоронения позволило бы также установить памятник на могиле. Сбор средств, выбор модели памятника, изготовление и установка — все это позволит на деле сплотить подлинных последователей общего дела.

Впервые этой проблемой я занялся в 1983 году. В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина я нашел биографию Федорова, изданную в Харбине в 1928 году и написанную активным последователем федоровского учения А. К. Горским (псевдоним — Остромиров). Вот что в ней говорилось о последнем пристанище мыслителя: «Николай Федорович был похоронен на кладбище Московского Скорбященского женского монастыря, подверженного сильному разгрому, и, как все кладбища, в пределах черты Камер-Коллежского вала, предположенного к превращению в увеселительные сады и уже частично застроенного под рабочий городок. Там можно и сейчас разыскать его могилу в самом дальнем углу кладбища, убогий деревянный крест, сломанный в 1918—1920 годах, в 1923 году замененный черным чугунным; накладное распятие сбито и сброшено. На дощечке помещены имя, отчество и фамилия, даты смерти и рождения (неправильно показан в качестве года рождения 1824), на перекладине креста сделана надпись «Христос воскрес!».

В музее Истории и реконструкции Москвы быстро помогли обнаружить место расположения бывшего монастыря: улица Новослободская, Вадковский переулок, Сущевский вал, Тихвинская улица. От старожилов района я узнал, что кладбище при Скорбященском монастыре было в старой Москве очень престижным, и захоронение там стоило больших денег. Федоров был похоронен, вероятно, на средства своего ученика — В. А. Кожевникова. Кстати, сообщение о смерти Николая Федоровича Федорова поместили в декабре 1903 года почти все московские газеты разных направлений.

Итак, едем к кладбищу по Новослободской в сторону Савеловского вокзала. Справа, рядом с проезжей частью улицы стоит единственное из оставшихся с тех пор монастырское здание из красного кирпича. Теперь это вычислительный центр Станкостроительного института, расположенного здесь же, в Вадковском переулке. Кладбища нет, на его месте находится детский парк № 1 Свердловского района. Кладбище ликвидировано в самом начале 30-х годов, но, может быть, тела погребенных были перенесены на дру-

гие кладбища? Перенесено же на Ваганьковское кладбище тело известного юриста Плевако 27 мая 1930 года (информация из архива Донского монастыря). С этого момента поиски идут по двум направлениям:

Первое. В каком месте бывшего кладбища был погребен Федоров? Были ли перенесены останки мыслителя при ликвидации кладбища?

Второе направление не так безнадежно, как может показаться. Дело в том, что в 20-е годы в Москве существовало Общество благоустройства кладбища при Б. Скорбященском монастыре, образованное в 1926 году. Устав общества был утвержден Моссоветом 11 января 1926 года, председателем общества был некто Мамонов, секретарем Н. Костякова (эти сведения получены из архива Московской области). Общество было довольно многочисленно (уже сразу после своего образования оно насчитывало свыше 300 человек) и активно. Так, оно решительно выступило против актов вандализма: поломок и хищений памятников, выбрасывания тел из могил и склепов, вело тяжбу с Московским коммунальным хозяйством (МКХ) из-за того, что МКХ покушалось на часть территории кладбища, охраняемого обществом. Найти что-нибудь об этом обществе (особенно его архив) означало бы по сути дела установить ясность по обоим направлениям поиска. Общество наверняка имело подробный план кладбища (вот и ответ на первый вопрос). Кроме того, вряд ли члены общества равнодушно взирали на истребление охраняемого ими кладбища и не пытались перенести хоть некоторые захоронения, тем более, как отмечалось выше, precedents были. Кроме Федорова и Плевако, на этом кладбище были похоронены Бартенев Ю. П. — сын редактора «Русского Архива», Грингмут В. А. — ред. изд. «Московских Ведомостей» (1907, памятник на его могиле изготовлен по рисунку В. М. Васнецова), Глубоковский М. П. — редактор «Науки и жизни» (1903), Дурров А. Л. — клоун и дрессировщик, основатель известной династии (1916), Второв Н. А. — известный торгово-промышленный деятель (1918), Драго Н. И. — член кружка «Чайковцев», одесский общественный деятель (1922) и др. Все сведения получены из архива М. Ю. Барабановской (Донской монастырь). Из этого же архива получены более точные сведения о месторасположении могилы Федорова: «В конце кладбища, на главной дорожке, слева», и об эпиграфии: «Христос воскрес! Мир праху твоему, великий учитель». Для первой части нашего исследования очень важно иметь схему расположения хотя бы кладбищенских дорожек. Мы же имеем в настоящее время только самый общий план Скорбященского монастыря с внешними контурами кладбища. Указание «в конце кладбища» весьма важно для поисков, так как кладбище в свое время было огорожено кирпичной стеной, частично сохранившейся и до сих пор. В нашем распоряжении имеется фотография могилы Федорова, датированная октябрью 1925 года, правда, с весьма нечеткими ориентирами для поисков.

Кроме Общества благоустройства при Б. Скорбященском монастыре под председательством Мамонова, для нас могут быть полезны следующие сведения: с 1925 года в Москве существовало Общество изучения области (с ноября 1930 г. Областное общество). При этом обществе существовал специальный комитет по Охране Могил выдающихся деятелей под председательством И. Г. Клабуновского. В это же время существовала и Кладбищенская комиссия общества под председательством Б. Б. Веселовского. Может быть, удастся найти следы и этой организации. Все эти подробности интересуют нас с целью получения хотя бы микроскопических ниточек версий. Привлекать к поискам нужно родственников похороненных на Скорбященском кладбище, особенно тех, кто перенес останки своих близких на другие кладбища. Может быть они помогут сообщить, в чьем ведении было решение вопроса о разрешении на перенос и тому подобные интересующие нас сведения? Для продолжения поисков необходимо подключение средств массовой информации. Пользуясь предоставленной мне трибуной федоровских чтений, я обращаюсь с просьбой сообщить мне, Прошечкину Евгению Викторовичу, по телефону 254-84-17 любые мало-мальские значимые сведения по интересующему нас вопросу.

А. ПОЛЕЖАЕВ

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ 1986—1988 гг.

Природа для меня, как мать,
Мне в ней мила любая малость.
Я мог бы жизнь свою отдать,
Когда бы в том она нуждалась.
Но смерть природе не нужна —
Природа жизнью лишь сильна.

*

От спички зачинается костер,
От стеклышка горят лесные дали.
А если б дать Чернобылю простор —
И скалы бы, наверно, запылали.
А почему бы скалам не взыграть?
Пролются лавой огненной по склонам,
А там бы и воды безбрежной гладь
Сгорела бы, как газы из баллона.
И воздух, раскалившись добела.
Как смерч взбурлил бы с небывалой силой,
Да так, что вспышка от Земли вплыла бы
На Млечный Путь звездою сиротливой.
А что же человек?
О нем ли речь,
Когда, взъярившись бешенством, планета,
Как мотылек в огне гигантских свеч,
Мгновенно вспыхнет, став частичкой света.

*

Вселенную постичь до «черных дыр»,
Пожалуй, проще, чем представить это мне:
Частичка света — тот же целый мир
Из Солнца, окруженного планетами.
Как копия. Как слепок. Неделим.
Такой же, как и тот, что нами зrim.

*

Человек! Со своим уставом
Не пристало к природе лезть.
Чтоб себя уважать заставить,
У природы возможность есть.
Подорви лишь ее основы,
Равновесья плоды губя —
Разберет, соберет и снова
Из руин воссоздаст тебя.
Даст опять и язык, и сердце,
Сделать первый поможет шаг
И отправит тебя, младенца,
Обретать свой земной очаг.
От пещеры пойдешь устало,
Проклиная былу спесь.
Человек! Со своим уставом
Не пристало к природе лезть!

*

Нет, вакуум — не пустота.
Как океан, безбрежностью влекущий,
Он и планктон, питающий кита,
И тот же кит, планктону жизнь дающий.

*

Себя считая копией Вселенной,
Могу ль себе я в праве отказать
Не падать перед чем-то на колени,
Что не успел покамест осознать?
Пусть не успел сейчас. Потом успею.
А на коленях жить я не умею.

*

— Дерзай! Вперед! Любые горы,
Любые высги можем взять!
— А где и в чем искать опоры,
Когда покатимся назад?
— Назад? Не бойся! Не придется
Ползти, цепляясь за кусты,
Поскольку сердце разорвется
От резко взятой высоты.

*

Сойти с ума совсем не трудно
Вочные сумерки, когда
В тебя неведомо откуда

Вдруг наплывает иногда
Такое светопреставленье,
Такой всемирный фейерверк,
Что забываешь на мгновенье,
Что ты всего лишь человек.
Что ты всего один из многих
В том человеческом роду,
Стоящим ивой при дороге
У мирозданья на виду:
Что ты подвержен всем стихиям,
Играющим тобою всласть;
Что очень часто в дни лихие
Тебе бы только не упасть.
Песчинка. Крохотный обломок
У Солнца в трепетной горсти.
Тебе бы в твердь земного дома
Как можно глубже прорости.
А ты за светопреставленье,
За тот всемирный фейерверк,
Где лишь одно воображенье
Тебе подвластно, человек;
Где лишь ему, воображенью,
Дано постичь живого суть
И даже в первый день творенья
Без разрешенья заглянуть.
...Сойти с ума совсем не трудно.
Но для чего мне ум, когда б
Не этот проблеск силы чудной,
В котором мал земной масштаб?

О, жизнь моя — плавучий остров!
Вот и прибит я к той черте,
Когда меня мой лоцман-возраст
Выводит к новой высоте.
Шагнув, оставил за порогом
Безумной юности мосты.
Разумной старости отроги
Уже мелькают на пути.
И я иду неторопливо,
Не спутать чтоб, где верх, где низ,
И вдруг пойму:
Какое диво
Живого четкий механизм!
Конец. Начало. Как все просто!
Пришел. Ушел. Как колесо!
О, жизнь моя, плавучий остров,
Спасибо, милая, за все!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Учение Федорова и русский космизм	
Моисеев Н. Н. Русский космизм и восстановление гуманистических традиций в науке и обществе	7
Севастьянов В. И., Пряхин В. Ф. Русский космизм и новое политическое мышление	20
Гулыга А. В. Русский космизм: наследие и наследники	35
Семенова С. Г. Философия бессмертия	44
Боголюбова Н. Г., Тюрин Е. Л. Космизм как научная концепция развития человечества	66
Куракина О. Д. Русский космизм — цельное знание нового человека	72
II. Федоровское видение мира и современность	
Сорокин В. В. Н. Ф. Федоров и русская философия	85
Попов А. К. Идеи Н. Ф. Федорова и психологические аспекты состояния нашего общества	89
Борисов С. Е., Белова Т. А., Васильев В. К. Об искусственном увеличении продолжительности жизни человека	98
Быховский А. В. «Принцип Федорова» (непреложны ли законы природы?)	100
Стебаков С. А. Неизбежность смерти или неизбежность жизни	105
Дерковский М. М., Брызгалов М. З. Эволюция материи — эволюция разума	120
Александров Е. А. Глобальные стратегии эволюции как фон, на котором разыгрывается решение задач ко-эволюции	135
Аксенов Г. П. Принцип долгого у Н. Ф. Федорова	148
Никитин В. Регуляция природы по Н. Ф. Федорову и современные глобальные проблемы	160
Прошечкин Е. В. Русский космизм Федорова и Циолковского: противоречия и сходство	167
Герасютин С. А. Н. Ф. Федоров и космонавтика	170
Горбачев А. Г. Ноотехнология	173
III. Федоров и культурные традиции русского народа	
Тюрин Е. Л. «Общее дело» Федорова — насущная задача современности	179
Тулаев П. В. «Философия общего дела» и «Прометей»	183
Лукьянин О. М. О происхождении федоровского идеала	192
Гачева А. Г. Русский похоронный обряд и учение Н. Ф. Федорова	205
Ягупова С. Этюд о теле человеческом	220
Гурьев В. Е. Дизайн человеческих отношений	226
IV. Поиски, находки, поэтические страницы	
Борисов В. С. Кто же мать Н. Ф. Федорова?	233
Прошечкин Е. В. Поиски могилы Н. Ф. Федорова	234
Полежаев А. Из стихотворений 1986—1988 гг.	238

Сдано в набор 22.03.90. Подписано в печать 12.04.90. Т 07902 от 29.03.90.
Формат бумаги 60×90/16. Гарнитура литературная. Усл.-печ. листов 15,25.
Тираж 3500. Цена 4 р.

Набрано в типографии Минздрава РСФСР
Москва, ул. Солянка, д. 7, стр. 6. Заказ 326

Отпечатано в типографии НПО «НИИТавтотехпром»
Москва, проспект Андропова, д. 22/30. Заказ 1987.